

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 11 декабря 2012 г. ПИ № ФС77-52135

В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76216 от 12.07.2019 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Глазьев С.Ю. (Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Азоев Г.Л. (Государственный университет управления, г. Москва)
Акаев А.А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Афанасьев В.Я. (Государственный университет управления, г. Москва)
Ашмарина С.И. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара)
Буренко В.И. (Московский гуманитарный университет, г. Москва)
Ваганова О.В. (Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, г. Белгород)
Волох В.А. (Государственный университет управления, г. Москва)
Грошев И.В. (Государственный университет управления, г. Москва)
Филлипп Джордж (Ксавьерский институт менеджмента и предпринимательства, Индия)
Егоршин А.П. (Нижегородский институт экономики и менеджмента,
г. Нижний Новгород)
Зайцев А.Г. (Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орел)
Иванова О.П. (Новгородский государственный университет имени Ярослава
Мудрого, г. Великий Новгород)
Коротков Э.М. (Государственный университет управления, г. Москва)
Латфуллин Г.Р. (Государственный университет управления, г. Москва)
Линник В.Ю. (Государственный университет управления, г. Москва)
Морозова Е.Г. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Мюллер-Штевенс Г. (Международный институт менеджмента Университета
Санкт-Галлена, Швейцария)
Перетти Жан-Мари (Высшая школа экономики и коммерции Парижа (ESSEC)
и Университета Корсики, Франция)
Першуков В.А. (Российская академия естественных наук, г. Москва)
Плахин А.Е. (Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург)
Попова Е.В. (Кубанский государственный аграрный университет имени
И.Т. Трубилина, г. Краснодар)
Райченко А.В. (Государственный университет управления, г. Москва)
Романов Р.М. (Российская академия государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва)
Руденко М.Н. (Пермский государственный исследовательский университет, г. Пермь)
Сакульева Т.Н. (Государственный университет управления, г. Москва)
Святослав С.А. (АО «ForteBank», АО «Университет Нархоз», Казахстан)
Синг Анеш (Университет Квазулу-Наталь, ЮАР)
Сороко А.В. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Уколов В.Ф. (Московская международная высшая школа бизнеса «МирБИС»
(Институт), г. Москва)
Федченко А.А. (Воронежский государственный университет, г. Воронеж)
Хорин А.Н. (Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Чудновский А.Д. (Государственный университет управления, г. Москва)
Шабров О.Ф. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Шамшиев Ч.Б. (Центр экономических исследований университета Париж VIII, Франция)
Шольц Маркус (Школа бизнеса Университета Пфортхайм, Германия)
Шомова С.А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», г. Москва)
Щербинин А.И. (Томский государственный университет, Институт политических
исследований, г. Томск)
Эриашвили Н.Д. (Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
Государственный университет управления, г. Москва)
Язев В.А. (Азиатская парламентская ассамблея, г. Москва)
Яковлев А.Ю. (Государственный университет управления, г. Москва)
Яковлева Н.О. (Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск)

Главный редактор

Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Заместители главного редактора:

Линник В.Ю. – д-р экон. наук
Сакульева Т.Н. – канд. экон. наук
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук

Ответственный за выпуск

Алексеева Л.Н.

Редактор

Кузнецова П.О.

Выпускающий редактор и компьютерная верстка

Гусева Е.А.

Технический редактор

Тарасова Д.С.

Миссия журнала – формирование международного уровня представления научных
исследований и информации об управлении.

Тематические направления публикаций: государственное и муниципальное
управление; междотраслевой менеджмент; управление в сфере экономики: проблемы
и перспективы; управление процессами; информационные технологии в управлении;
вызовы и угрозы, политический дискурс.

Целевая аудитория журнала – экономисты-исследователи, ведущие практики,
руководители федеральных и региональных органов власти, топ-менеджеры
и аналитики, преподаватели и студенты вузов.

**Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по направлениям:**

- 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сфе-
рам деятельности) (экономические науки)»;
- 08.00.12 «Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки)»;
- 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики (экономи-
ческие науки)»;
- 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической
науки (политические науки)»;
- 23.00.03 «Политическая культура и идеологии (политические науки)»;
- 23.00.05 «Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки)»;
- 23.00.06 «Конфликтология (политические науки)»;
- 5.2.1 «Экономическая теория (экономические науки)»;
- 5.2.2 Математические, статистические и инструментальные методы в эконо-
мике (экономические науки)»;
- 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)»;
- 5.2.4 «Финансы (экономические науки)»;
- 5.2.5 «Мировая экономика (экономические науки)»;
- 5.2.6 «Менеджмент (экономические науки)»;
- 5.5.1 «История и теория политики (политические науки)»;
- 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии (политические науки)»;
- 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики (политические
науки)»;
- 5.5.4 «Международные отношения (политические науки)».



Статьи доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0. всемирная ([http://creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)), согласно которой возможно неограниченное распространение
и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора
и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии
с правилами научного цитирования.

Подписано в печать 03.10.2022

Формат 60х90/8

Объем 14,0 печ. л.

Бумага офсетная

Тираж 1000 экз.

(первый завод 100 экз.)

Заказ № 1218

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.ppressa-rf.ru можно
оформить подписку на 2022 год на печатную версию журнала «Управление»
по подписному индексу 79129, а также подписаться через
интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Издательство: Издательский дом ГУУ (Государственный университет
управления), 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Все публикуемые статьи прошли обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99, ГУУ, главный учебный корпус, кабинет 345А.
Тел.: (495) 377-90-05.

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.upravlenie.guu.ru>

UPRAVLENIE / MANAGEMENT (Russia)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Available in print from 2013

It is published quarterly

Volume 10 No 3 2022

Founder:

Federal Government Budget Education Institution of Higher Education "State University of Management"
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia

Registration mass-media license PI № FS77-52135

December 11, 2012.

Changes have been made to the registration record

Registration number PI № FS 77-76216 from 12.07.2019

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

S.Yu. Glaz'ev (Glaziev S.) (Lomonosov Moscow State University, Moscow)

EDITORIAL BOARD

V.Ya. Afanasyev (State University of Management, Moscow)

A.A. Akaev (National Research University Higher School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow)

S.I. Ashmarina (Samara State University of Economics, Samara)

G.L. Azoev (State University of Management, Moscow)

V.I. Burenko (Moscow University for the Humanities, Moscow)

A.D. Chudnovskii (State University of Management, Moscow)

A.P. Egorshin (Nizhny Novgorod Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod)

A.A. Fedchenko (Voronezh State University, Voronezh)

O.P. Ivanova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod)

N.D. Eriashvili (Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, State University of Management, Moscow)

I.V. Groshev (State University of Management, Moscow)

A.N. Khorin (Lomonosov Moscow State University, Moscow)

E.M. Korotkov (State University of Management, Moscow)

G.R. Latfullin (State University of Management, Moscow)

V.Yu. Linnik (State University of Management, Moscow)

E.G. Morozova (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow)

G. Müller-Stewens (International Institute of Management at San-Gallen University, Switzerland)

J.M. Peretti (Higher School of Economics and Commerce Paris (ESSEC) and the Corsica University, France)

V.A. Pershukov (Russian Academy of Natural Sciences, Moscow)

A.E. Plakhin (Ural State University of Economics, Yekaterinburg)

E.V. Popova (Kuban State Agrarian University, Krasnodar)

J. Philip (Xavier Institute of Management and Entrepreneurship, India)

A.V. Raichenko (State University of Management, Moscow)

R.M. Romanov (Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow)

M.N. Rudenko (Perm State University, Perm)

T.N. Sakul'eva (State University of Management, Moscow)

Marcus Scholz (Business School at Pforzheim University, Germany)

O.F. Shabrov (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow)

Ch.B. Shamshiev (Center for Economic Research, University Paris, France)

A.I. Shcherbinin (Tomsk State University, Institute for Political Studies, Tomsk)

S.A. Shomova (National Research University Higher School of Economics, Moscow)

A.M. Singh (University KwaZulu-Natal, SAR)

A.V. Soroko (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow)

S.A. Svyatov (JSC ForteBank, JSC University of Narchos, Kazakhstan)

V.F. Ukolov (Moscow International Higher School of Business MIRBiS (Institute), Moscow)

O.V. Vaganova (Belgorod State University, Belgorod)

V.A. Volokh (State University of Management, Moscow)

V.A. Yazev (Asian Parliamentary Assembly, Moscow)

A.Yu. Yakovlev (State University of Management, Moscow)

N.O. Yakovleva (South Ural State University, Chelyabinsk)

A.G. Zaitsev (Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel)

Editor-in-Chief

I.V. Groshev – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation

Deputy Editors-in-Chief

V.Yu. Linnik – Dr. Sci. (Econ.)

T.N. Sakul'eva – Cand. Sci. (Econ.)

A.D. Chudnovskii – Dr. Sci. (Econ.)

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

P.O. Kuznetsova

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

D.S. Tarasova

The journal's mission is to create an international level of scientific research and management information.

Thematic areas of publications: state and municipal administration; m-sector management; management in the economy: problems and prospects; process management; information technology in management; challenges and threats; political discourse.

The magazine's target audience are research economists, leading practitioners, heads of Federal and regional authorities, top managers and analysts, teachers and university students.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission (Russia Federation) of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences must be published in the fields:

– 08.00.05 «Economics and national economy management (by industry and activity) (economic sciences)»;

– 08.00.12 «Accounting and statistics (economic sciences)»;

– 08.00.13 «Mathematical and instrumental methods in economy (economic sciences)»;

– 23.00.01 «Politics theory and philosophy, political science history and methodology (political sciences)»;

– 23.00.03 «Political culture and ideologies (political science)»;

– 23.00.05 «Political regionalism. Ethnopolitics (political science)»;

– 23.00.06 «Conflictology (political sciences)»;

– 5.2.1 «Economic theory (economic sciences)»;

– 5.2.2. «Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences)»;

– 5.2.3. «Regional and sectoral economics (economic sciences)»;

– 5.2.4 «Finance (economic sciences)»;

– 5.2.5 «World economy (economic sciences)»;

– 5.2.6. «Management (Economic Sciences)»;

– 5.5.1. «History and Theory of Politics (political sciences)»;

– 5.5.2 «Political institutions, processes, technologies (political sciences)»;

– 5.5.3. «Public administration and sectoral policies (political sciences)».

– 5.5.4 «International relations (political sciences)».



The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0, according to which unlimited distribution and reproduction are possible in any medium. The author's name, references and original sources have to be shown in accordance with scientific citation rules
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Signed to print 03.10.2022

Format 60x90/8

Size is 14,0 printed sheets

Offset paper

Circulation 1000 copies

(the first factory 100 copies)

Print order № 1218

Publishing: Publishing house of the State University of Management
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia

All published articles have undergone a mandatory review process

Editor office:

99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, State University of Management, the main academic building, office 345A.

Tel.: (495) 377-90-05.

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.upravlenie.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Особенности женского наставничества в системе российского менеджмента

Грошев И.В., Гололобова Т.М. 5

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Проблемы внедрения вторичного сырья в продуктовый портфель нефтегазохимических компаний

Гайноченко Т.М., Гайноченко М.В. 16

УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анализ практики «зеленых» финансов в Соединенных Штатах Америки, Великобритании и Российской Федерации

Горбачева Т.А., Буневич К.Г. 29

Внутриструктурные процессы учета и контроля финансовых результатов как инструмент повышения эффективности управления дебиторской задолженностью

Федоров А.В., Рогуленко Т.М. 38

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ

Динамика и структурные особенности занятости в Соединенных Штатах Америки

Петровская Н.Е. 48

Образовательная миграция из Таджикистана в Россию: тенденции и последствия

Рахмонов А.Х. 58

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ

Государственная поддержка отрасли информационных технологий как ключевая проблема обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Нуриев Б.Д., Поспелов С.В. 67

Ключевые знания и навыки для профессиональной реализации выпускников вузов в цифровой среде

Салынская Т.В., Ясницкая А.А. 72

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Актуальные вопросы политического управления электоральным участием студенческой молодежи в России

Беликова Е.А., Злотникова Е.В., Ницевич В.Ф. 80

К вопросу о генезисе гибридного режима в Венесуэле (1999–2013 гг.)

Лудена Лопес Д.Э. 89

Перспективы и тенденции развития института парламентских партий в современной России

Степанова С.С. 98

Законодательство о прямой демократии в современном Вьетнаме

Тхоа. Т.Т. 105

CONTENTS

STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

Features of the female mentoring in the Russian management system

I.V. Groshev, T.M. Gololobova 5

MANAGEMENT IN VARIOS INDUSTRIES

Challenges and problems of petrochemical companies' use of secondary resources

T.M. Gainochenko, M.V. Gainochenko 16

MANAGEMENT IN ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Green finance in the United States of America, United Kingdom and Russian Federation: practice analysis

T.A. Gorbacheva, K.G. Bunevich 29

Intra-structural processes of accounting and financial results control as a tool for improving the efficiency of accounts receivable management

A.V. Fedorov, T.M. Rogulenko 38

PROCESS MANAGEMENT

Dynamics and structural features of employment in the United States of America

N.E. Petrovskaya 48

Educational migration from Tajikistan to Russia: trends and consequences

A.Kh. Rakhmonov 58

MANAGEMENT INFORMATION TECHNOLOGIES

Information technology industry state support as a key problem of ensuring the national security of the Russian Federation

B.D. Nuriev, S.V. Pospelov 67

Key knowledge and skills university students need in a digital environment

T.V. Salynskaya, A.A. Yasnitskaya 72

POLITICAL DISCOURSE

Political management of youth students' electoral participation in Russia: topical issues

E.A. Belikova, E.V. Zlotnikova, V.F. Nitsevich 80

The issue of the hybrid regime genesis in Venezuela (1999–2013)

G.E. Ludena Lopez 89

Development of the parliamentary parties' institute in modern Russia: prospects and trends

S.S. Stepanova 98

Legislation on direct democracy in modern Vietnam

T.T. Thoa 105

Особенности женского наставничества в системе российского менеджмента

Грошев Игорь Васильевич

Д-р экон. наук, д-р психол. наук, зам. директора по науке

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7212-6409>, e-mail: aus_tgy@mail.ru

Гололобова Татьяна Михайловна

Соискатель, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8940-8245>, e-mail: t.gololobova@gmail.ru

Научно-исследовательский институт образования и науки, 123056, Большая Грузинская ул., 32с3, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье проанализирована проблематика женского наставничества, которая в последние годы становится приоритетной. Это обосновывается многочисленными данными по процентному показателю доли женщин в руководстве компаний во многих странах, включая Россию, и его динамикой за последние 15 лет. В основу статьи положена методология комплексного подхода и системного анализа. Теоретической основой статьи стали публикации российских и зарубежных исследователей, посвященные проблематике женского наставничества в отраслевых сферах мировой и российской экономики. В качестве методов исследования были выбраны ознакомление с нормативными документами и правительственными программами, методы сравнительного анализа. В число использованных методов также вошли метод экспертных оценок, нормативный и логический методы. Проведен анализ способов, механизмов, инструментов и иных аспектов актуализации трека женского наставничества и его особенностей в системе российского менеджмента. На основании обобщения полученных результатов исследования сформулированы основные направления развития женского наставничества в бизнесе, госкорпорациях, общественных организациях, органах власти и других сферах деятельности, а также представлена структурная схема отличительных черт женщин-наставниц. Отдельно рассматриваются особенности женского стиля наставничества и, в частности, ролевое наставничество. В заключении на примере российского федерального проекта «Женщины: школа наставничества» в Год науки и технологий, а также сквозного тренда «Женщины в мужских профессиях. Вызовы и преимущества» дана актуализация заявленной проблематики. Представленная информация позволит ориентироваться в сложившихся направлениях развития женского наставничества в различных сферах российской экономики, а также принимать рациональные управленческие решения представителям бизнеса и топ-менеджменту российских компаний.

Ключевые слова: менеджмент, женское наставничество, наставник, женщина-руководитель, мужчина-руководитель, стиль наставничества, женское лидерство, Россия, эффективность

Цитирование: Грошев И.В., Гололобова Т.М. Особенности женского наставничества в системе российского менеджмента // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 5–15. DOI: [10.26425/2309-3633-2022-10-3-5-15](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-5-15)



Features of the female mentoring in the Russian management system

Igor V. Groshev

Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy), Deputy Director for Science

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7212-6409>, e-mail: aus_tgy@mail.ru

Tatiana M. Gololobova

Applicant, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8940-8245>, e-mail: t.gololobova@gmail.ru

Research Institute of Education and Science, 32s3, Bolshaya Gruzinskaya str., Moscow 123056, Russia

Abstract

The article analyses the problems of female mentoring, which has become a priority in recent years. This is justified by numerous data on the percentage of women in the management of companies in many countries, including Russia, and its dynamics over the past 15 years. The article is based on the methodology of an integrated approach and system analysis. The theoretical basis of the article is the publications of Russian and foreign researchers devoted to the problems of the female mentoring peculiarities in the world and Russian economy sectoral spheres. Familiarisation with regulatory documents and government programs, methods of comparative analysis were chosen as research methods. The methods used also included the method of expert assessments, normative and logical methods. The analysis of methods, mechanisms, tools and other aspects of updating the track of female mentoring and its features in the Russian management system is carried out. Based on the generalization of the obtained research results, the main directions of the development of female mentoring in business, state corporations, public organizations, authorities and other spheres of activity are formulated and a structural diagram of the distinctive features of female mentors is presented. The peculiarities of the female style of mentoring and, in particular, role-left mentoring are considered separately. In conclusion, using the example of the Russian federal project "Women: Mentoring School" in the Year of Science and Technology, as well as the cross-cutting trend "Women in male professions. Challenges and advantages" the actualization of the stated issues is given. The presented information will allow business representatives and top management of Russian companies to navigate the established directions in the development of women's mentoring in various areas of the Russian economy, as well as make rational management decisions.

Keywords: management, female mentoring, mentor, female leader, male leader, mentoring style, female leadership, Russia, efficiency

For citation: Groshev I.V., Gololobova T.M. (2022) Features of the female mentoring in the Russian management system. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 5–15. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-5-15



Введение / Introduction

Ежегодно в период с 2015 г. по 2020 г. международная сеть, включающая различные независимые аудиторско-консалтинговые фирмы, проводила исследования широкого спектра вопросов, одним из которых стало выявление особенностей становления и функционирования женского лидерства и, в частности, количественного соотношения мужчин и женщин в бизнесе. По полученным результатам компания Grant Thornton International подготовила аналитический отчет и опубликовала его под названием «Женщины в бизнесе 2020: путь к лидерству»¹. В документе отмечался факт мирового лидерства России по числу женщин-руководителей. В частности, в настоящее время более 40 % высших управленческих позиций занимают женщины. Как отмечает в своем материале Е. Носкова, по количеству позиций в топ-менеджменте, россиянки стали лидерами, а Россия вошла в топ-10 стран с наибольшей долей женщин среди владельцев бизнеса, которая на тот период составляла 31 %².

По мнению экспертов, такому положению могли поспособствовать следующие факторы:

- гендерное равенство, в частности, при получении образования и выборе профессии;
- возможность получения девушками технического, математического, инженерного образования;
- высокие показатели женского лидерства/руководства;
- выстраивание толерантно-гендерной культуры;
- широкое распространение женского наставничества и прочее.

Россия – мировой лидер по числу женщин-руководителей / Russia is the world leader in the number of women managers

Проведенный авторами анализ различных зарубежных отчетов и международных рейтингов женского лидерства по некоторым странам мира

выявил процентную долю женщин в руководстве компаний (рис. 1)^{3,4,5,6,7,8}.

Из представленных на рисунке 1 данных следует, что, как ни странно, вопрос показателей женского лидерства в топ-менеджменте развитых стран решается не столь кардинально и всегда положительно, как заявляется в различных зарубежных декларациях гендерного равенства. В частности, анализ позиций всех стран, относительно которых проводилось исследование, демонстрирует следующую картину: Япония имеет худший показатель – 8 % женщин топ-менеджеров, Индия и Германия – 15 % и 14 % соответственно, что немного лучше, однако не приближается и к трети; порядка 32 % наблюдается в Армении, Франции, Швеции и ЮАР; на такие страны, как Грузия, Польша и Латвия, приходится 38 %, 37 % и 36 % женщин-руководителей соответственно. Иными словами, как отмечают О.В. Юрченко и Э.В. Кондратьев [2021], в различных профессиональных сферах большинства развитых стран доля

³ McKinsey & Company (2019). Women in the Workplace 2019. Режим доступа: https://wiw-report.s3.amazonaws.com/Women_in_the_Workplace_2019.pdf (дата обращения: 13.06.2022). Далее – McKinsey & Company (2019). Women in the Workplace 2019.

⁴ World Bank Group (2019). Women, Business and the Law 2019: A Decade of Reform. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31327> (дата обращения: 01.06.2022). Далее – World Bank Group. Далее – World Bank Group (2019). Women, Business and the Law 2019: A Decade of Reform.

⁵ McKinsey & Company (2019). The power of parity: Advancing women's equality in Africa. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/gender-equality/the-power-of-parity-advancing-womens-equality-in-africa> (дата обращения: 03.06.2022). Далее – McKinsey & Company (2019). The power of parity: Advancing women's equality in Africa.

⁶ International Finance Corporation (2019). Board Gender Diversity in ASEAN. Режим доступа: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/21f19cfe-9cce-4089-bfc1-e4c38767394e/Board_Gender_Diversity_in_ASEAN.pdf?MOD=AJPERES (дата обращения: 08.06.2022). Далее – International Finance Corporation (2019). Board Gender Diversity in ASEAN.

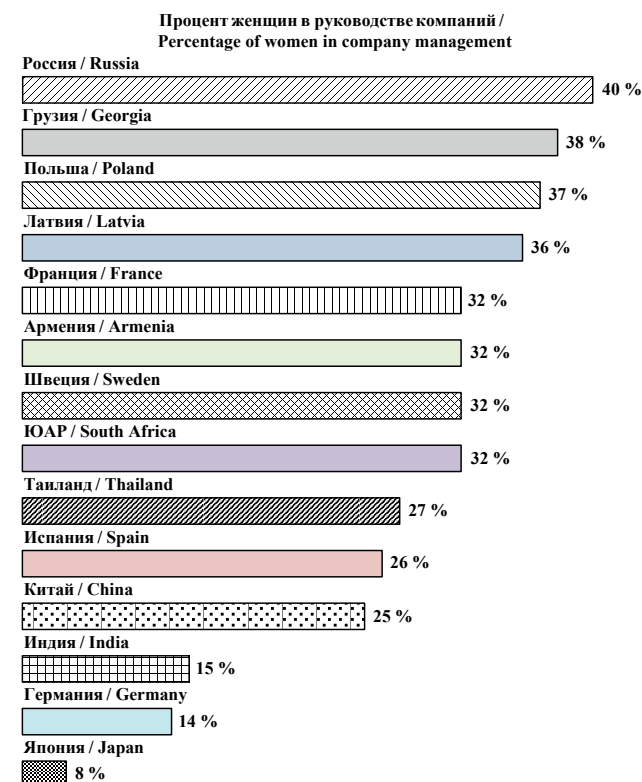
⁷ Manterola C. (Wednesday 4 September 2019). Reinforcing the Need for Diversity in Latin America's Boardrooms // EgonZehnder. Режим доступа: <https://www.egonzehnder.com/what-we-do/diversity-equity-inclusion/insights/reinforcing-the-need-for-diversity-in-latin-americas-boardrooms> (дата обращения: 20.06.2022). Далее – Manterola C. (Wednesday 4 September 2019). Reinforcing the Need for Diversity in Latin America's Boardrooms.

⁸ McKinsey & Company (2020). How the LGBTQ+ community fares in the workplace. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/Diversity%20and%20Inclusion/How%20the%20LGBTQ%20plus%20community%20fares%20in%20the%20workplace/How-the-LGBTQ-community-fares-in-the-workplace-v4.pdf> (дата обращения: 27.06.2022). Далее – McKinsey & Company (2020). How the LGBTQ+ community fares in the workplace.

¹ Grand Thornton (2020). Women in Business 2020: Putting the Blueprint into action. Режим доступа: <https://www.granthornton.global/globalassets/1.-member-firms/global/insights/women-in-business/2020/women-in-business-2020-report.pdf> (дата обращения: 07.06.2022). Далее – Grand Thornton.

² Носкова Е. (Вторник 7 апр. 2015). Россия стала мировым лидером по числу женщин среди руководителей // Российская газета. Бизнес. № 13 (992). С. 12. Далее – Носкова Е.

руководителей-женщин флуктуирует обычно в пределах от 20 % до 38 %. Таким образом, количество женщин на руководящих постах во многих развитых странах варьируется от 20 % до 40 %.



Источники^{3,4,5,6,7,8} / Sources^{3,4,5,6,7,8}

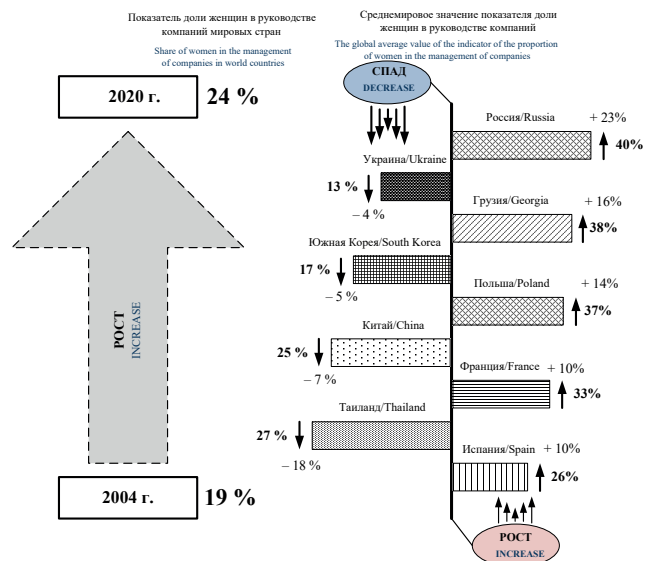
Рис. 1. Показатель доли женщин в руководстве компаний мировых стран

Figure 1. Share of women in the management of companies in world countries

Анализ общемировых тенденций за последние 10–15 лет позволяет выявить факт повышения доли женщин-руководителей с 19 % в 2004 г. до 24 % в 2020 г. (рис. 2). Такие европейские страны, как Испания, Франция и Польша, за последние 15 лет смогли серьезно увеличить долю женщин, которые занимают высокие должности в руководстве, — на 16%, 14% и 10% соответственно [Муштатова и др., 2020]. Развивающиеся экономики исторически всегда демонстрировали высокий процент женщин-руководителей в системе топ-менеджмента.

При этом необходимо отметить, что наличествуют и обратные тенденции отклонения индикатора доли женщин-руководителей от среднемировых показателей. Так, в последнее время стала снижаться доля женщин в руководстве компаний Азиатско-Тихоокеанского региона. В частности, в Таиланде их доля уверенно снижается, продемонстрировав показатель в 27 % в 2020 г. против 45 % в 2011 г.

В Китае руководящие должности, которые занимают женщины, сократились до 25 % в 2020 г. против 32 % в 2007 г. [Муштатова и др., 2020].



Источники^{9,10,11,12,13,14} / Sources^{9,10,11,12,13,14}

Рис. 2. Динамика показателя доли женщин в руководстве компаний мировых стран

Figure 2. Share of women in the management of companies in world countries indicator dynamics

Отраслевая мировая и российская дифференциация женщин-руководителей / Sectoral global and Russian differentiation of women managers

Рассмотрим отраслевое разделение руководящих должностей, которые занимают женщины, в мировом и российском контексте в процентном соотношении. На рисунке 3, согласно распределению по отраслям, самый высокий удельный вес женщин-руководителей прослеживается в образовательной сфере (45 %), здравоохранении (43 %) и гостиничном деле (36 %).

⁹ McKinsey & Company (2019). Women in the Workplace 2019.

¹⁰ World Bank Group (2019). Women, Business and the Law 2019: A Decade of Reform.

¹¹ McKinsey & Company (2019). The power of parity: Advancing women's equality in Africa.

¹² International Finance Corporation (2019). Board Gender Diversity in ASEAN.

¹³ Manterola C. (Wednesday 4 September 2019). Reinforcing the Need for Diversity in Latin America's Boardrooms.

¹⁴ McKinsey & Company (2020). How the LGBTQ+ community fares in the workplace.

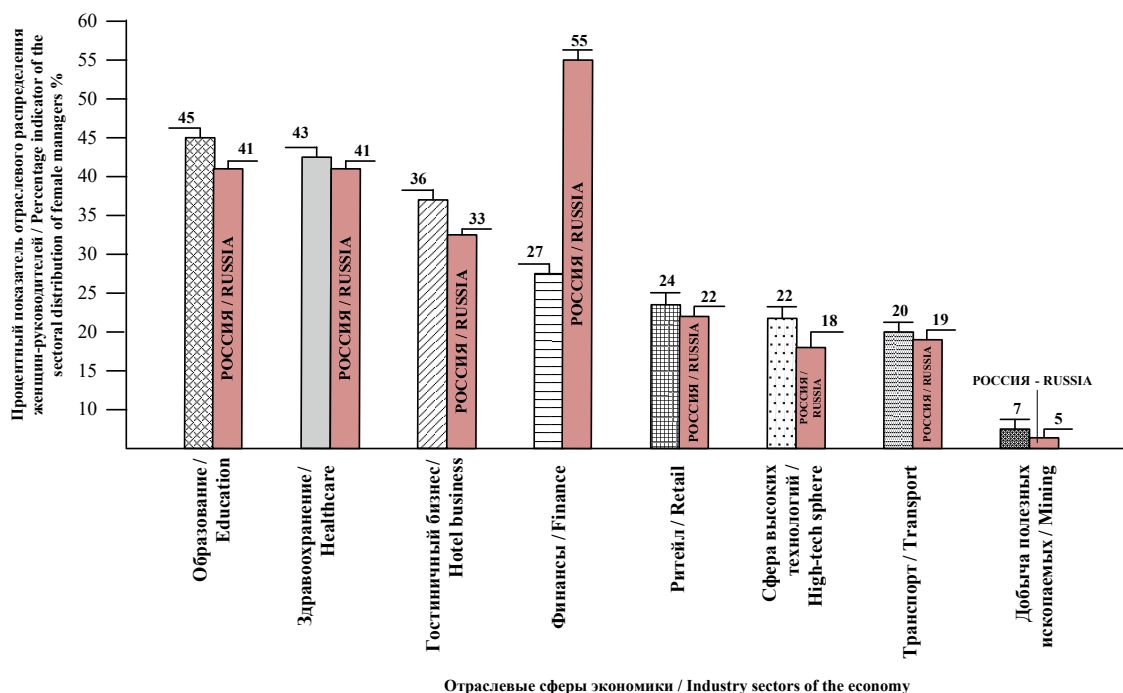
Источники^{15,16,17} / Sources^{15,16,17}**Рис. 3.** Отраслевое мировое и российское распределение женщин-руководителей

Figure 3. Sectoral global and Russian distribution of women managers

В ИТ-компаниях пятая часть топ-менеджеров состоит из женщин, а в сфере добычи полезных ископаемых этот показатель является наименьшим [Крайнова, 2018]. Следует отметить, что в традиционно «мужских» профессиях женщины реже занимают руководящие позиции в России.

Таким образом, в целом на международном фоне российская ситуация выглядит более благоприятной. Более того, как в России, так и за рубежом, есть много женщин, которые становятся руководителями, создавая свои собственные стартапы (точные данные по этому показателю отсутствуют). В этом аспекте интересная консигнация была получена при опросе о «женских» проектах представителей российского бизнеса — потенциальных инвесторов. Результаты исследования приведены на рисунке 4. По словам представители бизнеса, у них больше доверия к проектам, предлагаемым женщинами. Причинами являются наиболее привлекательные экономические показатели стартапов и их социальная направленность.

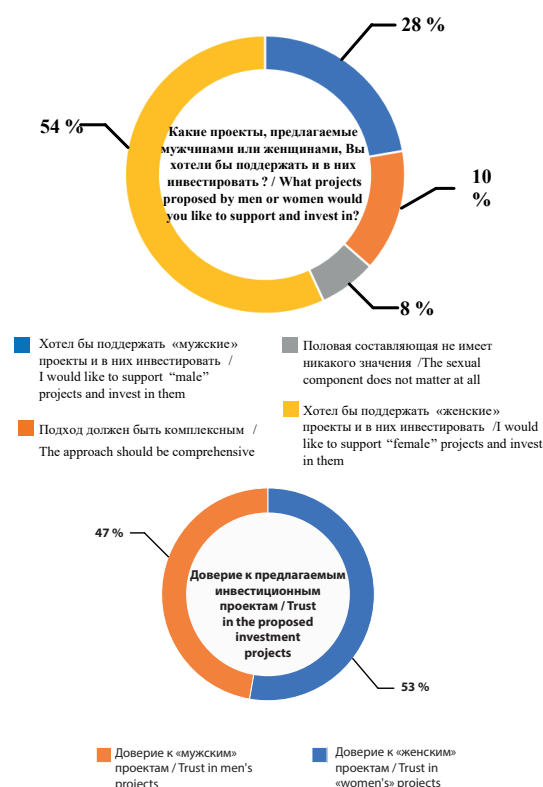
Источник¹⁸ / Source¹⁸**Рис. 4.** Результаты опроса представителей российского бизнеса об отношении к «женским» и «мужским» стартапам

Figure 4. Survey results on the attitude of Russian business representatives towards "female" and "male" start-ups

¹⁵ McKinsey & Company (2019). Women in the Workplace 2019.¹⁶ World Bank Group (2019). Women, Business and the Law 2019: A Decade of Reform.¹⁷ Росстат (2018–2020). Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации: стат. сб. М.: Росстат.¹⁸ Российский союз промышленников и предпринимателей (2021). ПРОцифру. Дайджест Комитета РСПП по цифровой экономике. М.: Изд-во Российского союза промышленников и предпринимателей. 119 с.

Особенности женского наставничества в современных условиях / Features of female mentoring in modern conditions

Российская практика показывает, что в последнее время чаще всего женщины возглавляют службы персонала (около 27 %). Все больше становится женщин в должности исполнительных директоров (англ. CEO — Chief Executive Officer)/фаундеров. Этому способствует развитие социальной инфраструктуры в виде наличия на рынке разнообразных систем самообучения, курсов, роликов по нетворкингу, специализированных экспертов по электронной коммерции (англ. e-commerce), которые предоставляют бесплатные консультации, услуги по программам развития, менторство, наставничество и т.д. [Юрченко, Кондратьев, 2021]. Исходя из этого, в данной статье мы не будем рассматривать сходства и различия, например, в мужском и женском стиле руководства¹⁹, в процессах принятия решений и других управленческих аспектах, так как они исследовались в наших предыдущих работах [Грошев, 1998; 2000] и многочисленных научных исследованиях российских и зарубежных коллег [Алексеева и др., 2016; Емельянов и др., 2003; Ли, 2020; Манушина и др., 2018; Юшина, 2014; Tang et al., 2016], а более подробно проанализируем женское наставничество, которое помогает женщинам не только в карьерном и бизнес-продвижении, но и личном/личностном развитии.

Проблематика женского наставничества на российском онтологическом поле гуманитарных наук еще недостаточно глубоко и всесторонне проанализирована. Первоначально изучались институции, относящиеся к мужскому гендеру, на основе которого выстраивалось карьерное продвижение и наставничество. Первые исследователи этого вопроса в 1970–80-е гг. утверждали, что женщинам характерны «гигиенические» факторы (социальные, человеческие) в процессе профессионализации, а мужчины отличаются склонностью к мотивирующим факторам, среди которых стремление к карьерному продвижению и гиперответственность [Армстронг, 2012; Юрченко, Кондратьев, 2021; Юшина, 2014; Reznik et al., 2017]. Женская профессиональная позиция не предполагала лидерских качеств, присутствия соревновательности, целеустремленности, амбициозности и конструктивной агрессии [Адизес, 2013; Юрченко, Кондратьев, 2021; Финогонова, 2022; Шеклтон, 2003; Năstase, 2009]. Современная практика демонстрирует

обратное: женщины-руководители так же успешны, как и их коллеги-мужчины. Например, в конкурсной программе «Лидеры России» президентской платформы «Россия — страна возможностей» в 2020 г. женщины составили четверть от общего числа победителей (58 человек)²⁰. Стереотип о том, что гендер играет приоритетную роль, себя исчерпал. Руководитель — это, прежде всего, лидер, и его поведение выступает сигналом к определенным действиям.

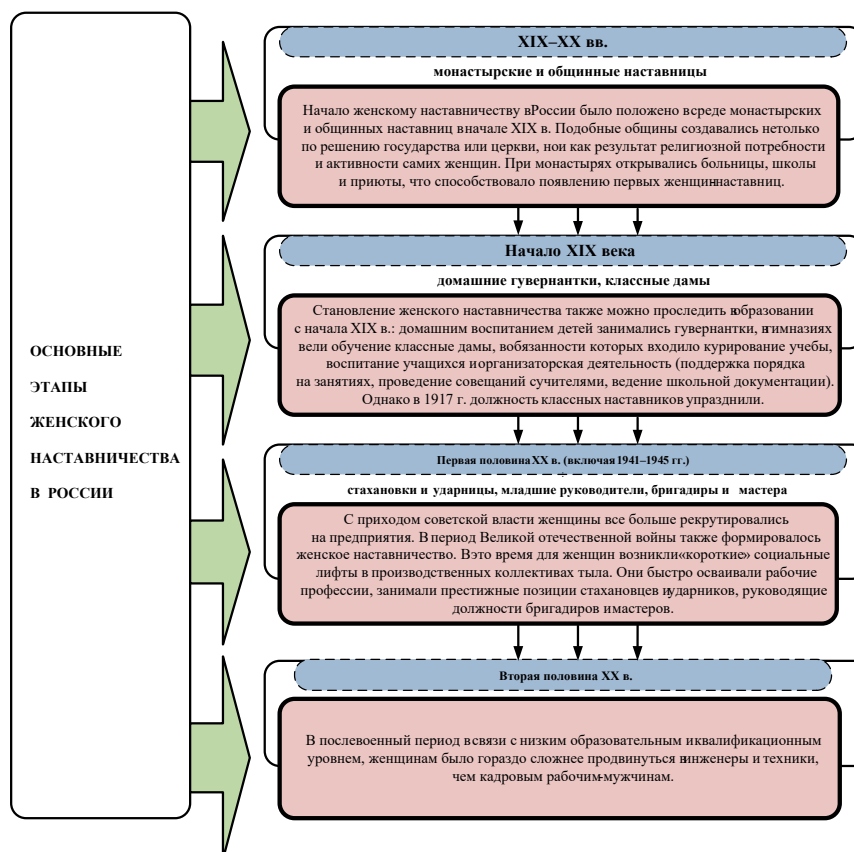
Основные этапы становления и развития женского наставничества в России представлены на рисунке 5.

Согласно последним исследованиям [Кондратьев и др., 2021; Мамонова, Юрченко, 2021], институт наставничества больше пользуется спросом среди женщин. Как показывает анализ результатов опроса в медучреждениях, запрос на наставника у женщин выше: 92 % против 61 % среди мужчин [Юрченко, Кондратьев, 2021]. Другие исследования среди менеджеров и научных сотрудников углубляют качество результатов: оказалось, что те женщины, которые участвовали в программе наставничества, проявляли больше рефлексии, лучше осознавали поставленные задачи, корректно оценивали собственные личные качества, слабые и сильные черты, а также достигали лучших результатов в работе и имели более высокую самооценку нежели те, кто не проходил данные программы [Камнева, 2015; Пешкова, 2019].

Отметим, что среди женщин наставников меньше, чем среди мужчин. Первые имеют за собой официально закреплённого наставника на новом месте работы. Наставники в лице мужчин не всегда заинтересованы в том, чтобы включать наставляемую сотрудницу в круг общих интересов и доверия. Наставничество более эффективно при наличии у всех сторон общих интересов, идентичного культурного кода и манеры коммуницирования. Еще более результативным оно становится, когда люди взаимодействуют в неформальной обстановке помимо рабочих практик. Женщинам сложнее освоить этот навык выстраивания неформальных отношений с наставником, поскольку в данном случае межличностная граница может быть нарушена, и любая из сторон может неправильно интерпретировать посыл. При этом женщинам проще выстраивать отношения на работе с коллегами того же пола и статуса. Они больше стремятся помочь другим женщинам в процессе адаптации. Ролевая модель женщин-наставниц во многом основывается на психологической поддержке, которая в дальнейшем помогает выстроить баланс и паритет в работе и личной жизни.

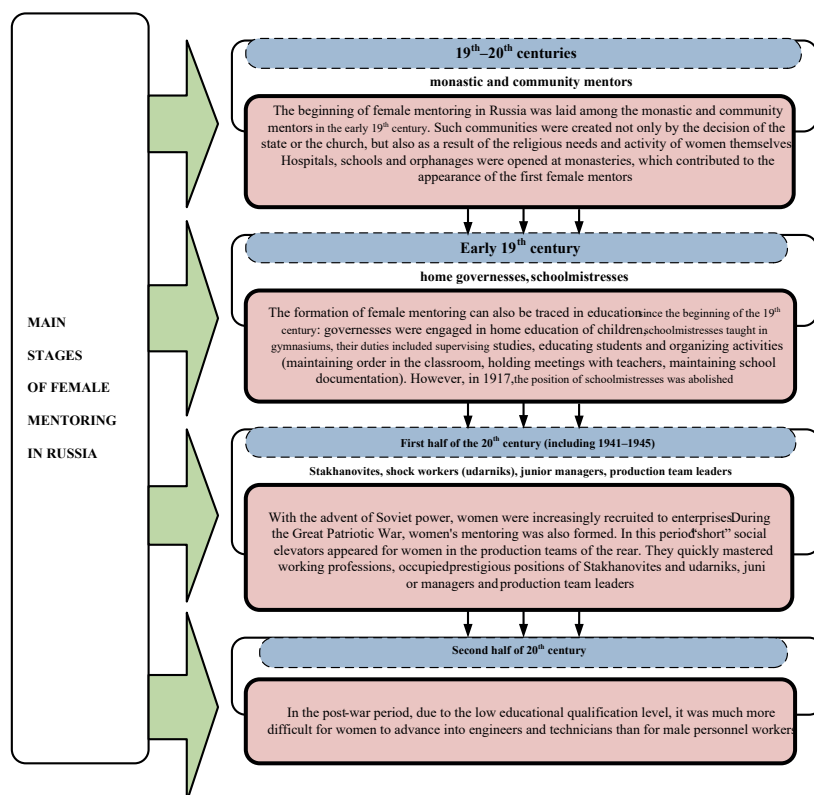
¹⁹ На вопрос женского и мужского стиля руководства можно смотреть как на условные конструкции, когда есть стереотип о женском и мужском стилях, размещенных как будто на разных полюсах. Однако подобный континуум относительный; женщины вовсе необязательно практикуют женский стиль руководства, а мужчины — мужской.

²⁰ *Лидерыроссии.рф*. Список победителей конкурса «Лидеры России 2020». Режим доступа: https://лидерыроссии.рф/news_09091 (дата обращения: 02.06.2022).



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 5. Этапы становления женского наставничества в России



Compiled by the authors on the materials of the study

Figure 5. Development of female mentoring in Russia

Оперируя результатами многочисленных исследований [Кондратьев, Юрченко, 2020; Кондратьев и др., 2021; Камнева, 2015; Пешкова, 2019; Финогонова, 2022], можно сформулировать отличительные черты женщин-наставниц (рис. 6). Однако нельзя не учитывать того факта, что успех в наставничестве присущ женщине любого возраста, стажа, индивидуально-личностных особенностей, биографии, характера, семейного положения и т.д. Сфера деятельности также не влияет: ИТ-технологии, образование, бизнес, производство, медицина, наука и прочее.



Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on materials of the study

Рис. 6. Отличительные черты женщин-наставниц
Figure 6. Distinctive features of female mentors

По данным платформы «Россия – страна возможностей», среди общего количества людей, официально включенных в программу «Наставничество-2021» (428 человек), только третья часть приходится на женщин – 139 человек. В новом потоке курса в 2022 г. из 214 участников 92 женщины, из которых 60 наставляемых и 30 наставниц²¹. Программы наставничества в предпринимательстве по гендерному признаку представляют более сбалансированную картину: женщины и мужчины в них представлены в равной пропорции.

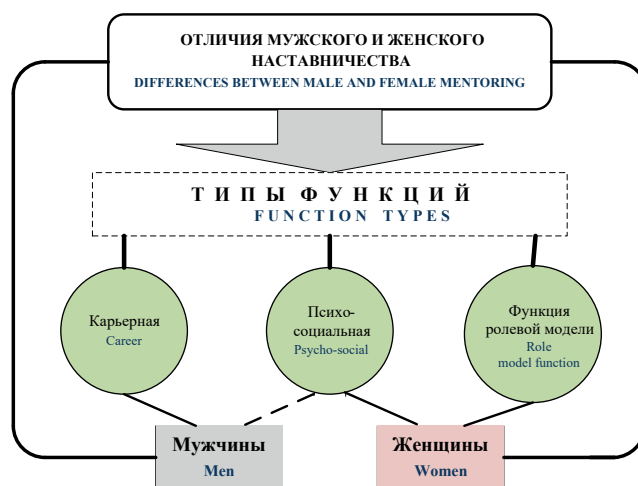
Наставником может стать любой человек, имеющий желание и умение обучать, помогать и консультировать начинающих. Многие женщины в программы наставничества приходят из социального предпринимательства, которое сегодня активно развивается в России и стало трендом последнего

времени, что помогает им в дальнейшем эффективно выстраивать нетворкинг.

Ролевая модель женского наставничества / Role model of female mentoring

Если у женщины был наставник (независимо от пола), процент приверженности к профессии и успехов в карьере у нее увеличивается. Рассмотрим преимущества и отличия женского наставничества от мужского. Согласно исследованиям [Кондратьев, Юрченко, 2020; Кондратьев и др., 2021; Камнева, 2015; Пешкова, 2019], в наставнических парах «мужчина-женщина» существуют некоторые ограничения:

- всегда есть риск быть неправильно понятым другой стороной. В этих парах неформальные отношения во вне рабочее время зачастую не складываются. Хотя от этого они не становятся менее дружественными, чем в паре «женщина-женщина»;
- пара одного пола, как правило, имеет больше времени для взаимодействия, поскольку оно распространяется и на социальную активность;
- в соотношении карьерной, психосоциальной и ролевой функций мужчины отдают предпочтение карьерному росту, женщины больше концентрируются на психологической составляющей процесса (рис. 7).



Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 7. Структурная схема различий мужского и женского наставничества

Figure 7. A structural diagram of the differences between male and female mentoring

Женское наставничество способствует преодолению гендерных барьеров, формированию эффекта «резилиентности» в наставляемом, другими словами, способности вопреки обстоятельствам достигать успеха не только в работе, но и в семейных и профессиональных вопросах. Сами подопечные подчеркивают, что у них меньше проявляется чувство

²¹ Россия – Страна возможностей. Программа «Наставничество». Режим доступа: <https://rsv.ru/mentoring/> (дата обращения: 02.06.2022).

изоляции в коллективе, становится больше уверенности в собственных силах и происходит более глубокое погружение в рабочий процесс.

Женщина собственным примером и моделью поведения демонстрирует наставляемому пример для следования, формируя посыл к движению вперед. Данная ролевая модель — это метод сознательного научения, когда посредством копинг-стратегии переживаются ценности, подходы, принципы и все то, что в будущем помогает наставляемому успешно реализовывать проекты, достигать руководящих позиций.

Многие женщины интуитивно стремятся создать наставническую пару одного пола, в силу того что им обеим от природы хочется найти баланс между работой/бизнесом, выбранным призванием/профессией и семьей/личной жизнью. Особенно высок запрос в предпринимательской сфере. Зачастую такое стремление может также объясняться психологическими, культурными и/или религиозными убеждениями. Такие обстоятельства требуют определенного внимания и проработки.

Гендерно-стилевые особенности наставничества / Gender-style features of mentoring

Однозначного ответа на вопрос дифференциации мужского и женского стиля наставничества не существует. При этом существуют реперные точки, по которым можно судить об эталонных маскулинных и фемининных стилях, однако на практике все оказывается намного сложнее и разнообразнее.

Рассмотрим те особенности, которые не вызывают сильного диссонанса и могут быть с большей степенью уверенности соотнесены с определенным стилем наставничества:

- женский стиль отличается преобладанием развитой интуиции, рефлексии и стремлением к командной работе и партнерству;
- женщина-наставник более проницательна к межличностному взаимодействию, толерантна, терпима;
- мужской стиль имеет авторитарно-деловые акценты практик, используется больше институций власти и контроля.

Женское наставничество раскрывается через термин «мягкая сила», что означает умение выстроить правильные межличностные коммуникации, вести успешные переговоры со стратегией выигрыша для каждой стороны. Женщина-наставник более чутко понимает позицию каждого.

Резюмируем стилиевые особенности женского наставничества:

- отношение и переживания наставляемого являются исходной точкой при управляемом воздействии;

- развитая эмпатия помогает даже по косвенным признакам понять эмоционально-психологическое состояние;
- позитивная мотивация преобладает над методом «кнута»;
- может искренне «взять под свое крыло», стать старшим, более опытным товарищем и в то же время остаться очень искренним человеком, (например, честно говорить о своих проблемах и провалах);
- дает возможность наставляемому проявлять собственный креатив и творчество;
- быстро переключается и обладает способностью к многозадачности за счет совмещения многих социальных ролей в жизни;
- долгосрочная стратегия и ориентация на отсроченное вознаграждение.

Заключение / Conclusion

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что тема наставничества и гендерного стиля в нем очень актуальна и требует дальнейшей проработки в виде теоретических и эмпирических изысканий. Особенно в силу того факта, что репрезентативность исследований в области гендерной дифференциации является предметом большой выборки респондентов для обеспечения объективности полученных данных. Сам институт наставничества также нуждается в дальнейшей проработке, так как многие аспекты отношений между наставником и наставляемым еще не изучены. Особенно учитывая тот факт, что они могут быть и официально закрепленными, и неофициально сложившимися.

Изучение массива исследований показывает, что мужчины больше склонны к проявлению неформальных схем наставничества, тогда как женщины тяготеют к участию в официально оформленных и поддерживаемых компаниями программах наставничества. Также в статье идентифицируются особые черты женского наставничества, где в основе находится психосоциальная ролевая модель.

Новый трек получил свое развитие в Федеральном проекте Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Женщины: Школа наставничества» в Год науки и технологий, который был анонсирован на XXV Петербургском международном экономическом форуме заместителем главы Министерства науки и высшего образования Российской Федерации Еленой Дружининой. Первый сезон проекта под названием «Женщины в мужских профессиях. Вызовы и преимущества» стартовал в апреле 2022 г. в бизнес-направлении. В настоящий момент 75 женщин-лидеров из российской бизнес-сферы, госкорпораций, общественных организаций, органов

власти и других сфер деятельности помогают выстраивать карьеру 100 студенткам 63 вузов из разных регионов страны²².

²² Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Проект женского наставничества для студентов «Женщины: Школа наставничества». Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/action/proekt_jenschini_shkola_nastavnichestva/ (дата обращения: 07.06.2022).

Авторы сходятся в мнении, что развитие официально декларируемых наставнических программ в традиционно мужских сферах и профессиях будет способствовать более гармоничному развитию экосистемы бизнеса и экономики России в целом.

Список литературы

- Адизес И.К. (2013). Развитие лидеров. Как понять свой стиль управления и эффективно общаться с носителями иных стилей. М.: Альпина Паблишер. 260 с.
- Алексеев А.С., Пантелеев С.С., Голодаев Д.М., Савина А.О., Крыжевская С.И., Васина А.В. (2016). Особенности современного российского стиля управления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». Т. 43. С. 180–184.
- Армстронг М. (2012). Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер. 523 с.
- Грошев И.В. (1998). Мужчины и женщины как руководители: различия в принятии решений // Проблемы теории и практики управления. Международный журнал. № 6. С. 115–120.
- Грошев И.В. (2000). Женщина и мужчина в бизнесе (индивидуально-личностный портрет лидера) // Психология и экономика. Труды I-й Всероссийской конференции по экономической психологии, Калуга 3–5 февраля 2000 г. Калуга: ИП РАН. С. 107–120.
- Емельянов П.В., Давыдова Ю.А., Грошев И.В., Костенко А.Г. (2003). Рефлексивное управление: гендерный подход // Социальная психология XXI столетия: сборник в 2-х томах; ред. Козлов В.В. Т. 1. Ярославль: Изд-во ЯрГУ. С. 191–197.
- Камнева Е.В. (2015). Гендерная специфика лидеров студенческих групп // Научный Вестник. Т. 4, № 36. С. 51–57.
- Кондратьев Э.В., Мамонова О.Н., Юрченко О.В. (2021). Особенности и специфика современного наставничества // Стандарты и Качество. № 4. С. 86–91. <https://doi.org/10.35400/0038-9692-2021-4-86-91>
- Кондратьев Э.В., Юрченко О.В. (2020). Наставничество в профессии: динамика становления социального института // Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп: монография; отв. ред. Мансуров В.А. М.: ФНИСЦ РАН. С. 128–139.
- Крайнова М.В. (2018). Гендерный подход к формированию рынка труда: международный опыт и отечественная реальность // Форум молодых ученых. № 6-2 (22). С. 340–345.
- Ли А.Ю. (2020). Стили руководства в организации и их эффективность // Бизнес и дизайн ревю. № 2 (18). С. 5–11.
- Мамонова О.Н., Юрченко О.В. (2021). Наставничество в науке: перспективы и вызовы // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. №5 (88). С. 76–83.

References

- Adizes I.K. (2013), *Leading the Leaders: How to Enrich Your Style of Management and Handle People Whose Style is Different from Yours*, Alpina Publisher, Moscow, Russia (in Russian).
- Alekseev A.S., Panteleev S.S., Golodaev D.M., Savina A.O., Kryzhevskaya S.I., Vasina A.V. (2016), “Features of the modern Russian management style”, *Scientific and methodological electronic journal «Concept»*, vol. 43, pp. 180–184.
- Armstrong M. (2012), *Human resource management practice*, Piter, St. Petersburg, Russia (in Russian).
- Emelyanov P.V., Davydova Yu.A., Groshev I.V., Kostenko A.G. (2003), “Reflexive management: gender approach”, In: Kozlov V.V. (ed.), *Social psychology of the XXI century in 2 volumes*, vol. 1, Yaroslavl State University Publ. House, Yaroslavl, Russia, pp. 191–197 (in Russian).
- Finogenova A.S. (2016), “Leadership research among women”, In: Shirokov O.N. (ed.) *Student Science of the XXI century: Proceedings of the VIII International Student Scientific and Practical Conference, Cheboksary, 23 April 2016*, Center for Scientific Cooperation “Interactive Plus”, Cheboksary, Russia, pp. 227–229.
- Groshev I.V. (1998), “Men and women as managers: differences in decision-making”, *Problems of theory and practice of management. International Journal*, no. 6, pp. 115–120.
- Groshev I.V. (2000), “A woman and a man in business (individual and personal portrait of a leader)”, In: *Psychology and Economics. Proceedings of the 1st All-Russian Conference on Economic Psychology, Kaluga, 3–5 February 2000*, IP RAS, Kaluga, Russia, pp. 107–120.
- Kamneva E.V. (2015), “Gender specificity of student group leaders”, *Scientific Bulletin*, vol. 4, no. 36, pp. 51–57.
- Kondratiev E.V., Mamonova O.N., Yurchenko O.V. (2021), “The aspects and special nature of modern mentoring”, *Standards and Quality*, no. 4, pp. 86–91, <https://doi.org/10.35400/0038-9692-2021-4-86-91>
- Kondratiev E.V., Yurchenko O.V. (2020), “Mentoring in the profession: dynamics of the formation of a social institution”, In: Mansurov V.A. (ed.) *Professional dynasties: reproduction of professional groups: monograph*, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 128–139 (in Russian).
- Krainova M.V. (2018), “A gender approach to labour market development: international experience and Russian reality”, *Forum of Young scientists*, no. 6-2(22), pp. 340–345.
- Li A.Yu. (2020), “Organization management styles and their efficiency”, *Business and design review*, no. 2(18), pp. 5–11.

Манушина А.Ю., Чаусов Н.Ю. (2018). Стиль руководства и его влияние на эффективность управленческой деятельности // Гуманитарные научные исследования. № 1(77). С. 20–26.

Муштагова А.О., Кизим П.Н., Коломийчук Н.В., Вихарев В.В. (2020). Ведение малого бизнеса в России: гендерные аспекты // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения. Сборник научных статей 9-ой Международной научно-практической конференции, Курск, 28 июня 2019 г. Курск: Изд-во Юго-Западного государственного университета. С. 151–157.

Пешкова В.М. (2019). Обучение работников компаниями // Век живи – век учись: непрерывное образование в России: монография; ред. Фруммин И.Д., Коршунов И.А. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 180–200. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1779-6>

Финогенова А.С. (2016). Исследование лидерства среди женщин // Студенческая наука XXI века : материалы VIII Международной студенческой научно-практической конференции, Чебоксары, 23 апреля 2016; ред. Широков О.Н. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». С. 227–229.

Шеклтон В. (2003). Психология лидерства в бизнесе. Практическая психология. СПб: Питер. 342 с.

Юрченко О.В., Кондратьев Э.В. (2021). Как меняются представления о женском наставничестве // Business Excellence. № 6. С. 44–48.

Юшина В.А. (2014). Сравнительный анализ стилей американских и российских лидеров на основе поведенческих и ситуационных теорий // Экономика и менеджмент инновационных технологий. № 2. С. 23–29.

Năstase M. (2009). Understanding the managerial culture // Review of International Comparative Management. V. 10, no. 2. Pp. 1–8.

Reznik S.D., Sazykina O.A. (2017). On Leadership Style and Staff Management Skills of a Head of a University Department // Upravlenets – the Manager. No. 1. Pp. 20–28.

Tang M.C., Li M.G., Zhang T. (2016). The impacts of organizational culture on information security culture // Information Technology & Management. V. 17, no. 2. Pp. 179–186. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10799-015-0252-2>

Mamonova O.N., Yurchenko O.V. (2021), “Mentoring in science: prospects and challenges”, *Search: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture*, no. 5(88), pp. 76–83.

Manushina A.Yu., Chausov N.Yu. (2018), “Leadership style and its influence on the effectiveness of managerial activity”, *Humanitarian scientific research*, no. 1(77), pp. 20–26.

Mushtatova A.O., Kizim P.N., Kolomiychuk N.V., Vikharev V.V. (2020), “Doing small business in Russia: gender aspects”, In: *Managing socio-economic development of regions: problems and ways to solve them. Collection of scientific articles of the 9th International Scientific and Practical Conference, Kursk, 28 June 2019*, Southwest State University Publ. House, Kursk, Russia, pp. 151–157.

Năstase M. (2009), “Understanding the managerial culture”, *Review of International Comparative Management*, vol. 10, no. 2, pp. 1–8.

Peshkova V.M. (2019), “Training of employees by companies” In: *Frumin I.D., Korshunov I.A. (ed.) Live for a century – learn for a century: continuing education in Russia: monograph*, Higher School of Economics Publ. House, Moscow, Russia, pp. 180–200 (in Russian), <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1779-6>

Reznik S.D., Sazykina O.A. (2017), “On Leadership Style and Staff Management Skills of a Head of a University Department”, *Upravlenets – the Manager*, no. 1, pp. 20–28.

Shackleton V. (2003), *Psychology of leadership in business. Practical psychology*. Piter, St. Petersburg, Russia (in Russian).

Tang M.C., Li M.G., Zhang T. (2016), “The impacts of organizational culture on information security culture”, *Information Technology & Management*, vol. 17, no. 2, pp. 179–186, <https://link.springer.com/article/10.1007/s10799-015-0252-2>

Yurchenko O.V., Kondratiev E.V. (2021), “How ideas about female mentoring change”, *Business Excellence*, no. 6, pp. 44–48.

Yushina V.A. (2014), “A comparative analysis of American and Russian styles of leadership on the ground of behavioral and situational theories”, *Economics and management of innovative technologies*, no. 2, pp. 23–29.

Проблемы внедрения вторичного сырья в продуктовый портфель нефтегазохимических компаний

Гайноченко Татьяна Михайловна¹

Канд. экон. наук, доц. департамента менеджмента и инноваций

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8907-3737>, e-mail: TMGajnochenko@fa.ru

Гайноченко Мария Вячеславовна²

Ведущий специалист, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4290-8343>, e-mail: gainochenkomaria@gmail.com

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет),
125167, Ленинградский пр-т, 49/2, г. Москва, Россия

²ООО «СИБУР», 117218, Кржижановского ул., 16/1, г. Москва, Россия

Аннотация

Экологическая повестка развития экономических систем обуславливает потребность формирования рынка вторичной нефтегазохимической продукции. Сравнительный анализ политик устойчивого развития нефтегазохимических компаний показал, что политика устойчивого развития отдельных предприятий в настоящее время концентрируется на использовании следующих инструментов: развитие продуктового портфеля, участие в международных инициативах, партнерствах и форумах; добровольные отраслевые инициативы и частные проекты по реализации первых шагов на пути коллективного достижения целей устойчивого развития. Среди основных решений рассмотренных организаций – продукты из возобновляемого сырья и перерабатываемые продукты. Вместе с тем реализация принципа ответственного производства и потребления компаниями нефтегазохимии ограничена производственно-технологическими решениями производителей товаров повседневного спроса. Экологически нерациональное использование полимеров компаниями по производству товаров повседневного спроса затрудняет повторную переработку и ограничивает возможности реализации концепции экономики замкнутого цикла в нефтегазохимии. В работе выявлены ключевые проблемы в области управления и использования вторичных ресурсов: неразвитая конъюнктура рынка отходов; неравномерность в масштабах и географии отходов; непоследовательные и неэффективные (несистематические) меры регулирования рынка отходов, трудности в прогнозировании цен на сырье и построении механизма ценообразования на основных рынках, которые представлены полиэтиленотерфталатами, полиэтиленами высокой плотности, полиэтиленами низкой плотности и полипропиленами. Внедрение в отлаженные технологические процессы нефтегазохимических компаний химического рецикла для работы со вторичными полимерами требует оценки приемлемого уровня рисков. Потребности рынка со стороны клиентов до конца не сформированы, их динамика меняется, создавая сложности для нефтегазохимических компаний. Большинство выделенных проблем характерны как для российского, так и для мирового рынка вторичной нефтегазохимии. Вместе с тем особенности государственного регулирования и логистического обслуживания вторичной нефтегазохимической продукции носят региональный характер, поэтому рассмотрены в работе для условий Российской Федерации.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономика замкнутого цикла, ответственное производство и потребление, нефтегазохимия, управление проектом, полимеры, вторичное сырье, риски

Цитирование: Гайноченко Т.М., Гайноченко М.В. Проблемы внедрения вторичного сырья в продуктовый портфель нефтегазохимических компаний // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 16–28. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-16-28



Challenges and problems of petrochemical companies' use of secondary resources

Tatiana M. Gainochenko¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management and Innovations Department

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8907-3737>, e-mail: TMGajnochenko@fa.ru

Mariia V. Gainochenko²

Leading Specialist, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4290-8343>, e-mail: gainochenkomaria@gmail.com

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2,
Leningradsky prospekt, Moscow 125167, Russia

²LLC SIBUR, 16/1, Krzhizhanovskogo str., Moscow, 117218, Russia

Abstract

The environmental agenda for the development of economic systems necessitates the formation of a market for secondary petrochemical products. A comparative analysis of the policies of sustainable development of petrochemical companies showed that the policy of sustainable development of individual businesses is currently focused on the use of the following tools: development of the product portfolio, participation in international initiatives, partnerships and forums; voluntary industry initiatives and private projects to implement the first steps towards the collective goals of sustainable development. Among the main solutions of the reviewed organisations are products made of renewable raw materials and recyclable products. At the same time, the implementation of the responsible production and consumption by petrochemical companies is limited by the production and technological solutions of manufacturers of consumer goods. Environmentally unsustainable use of polymers by such enterprises makes their recycling difficult and limits the implementation of the concept of circular economy in petrochemicals. The article identifies key problems in the management and use of secondary resources: underdeveloped waste market conditions; uneven scale and geography of waste; inconsistent and inefficient (unsystematic) measures of waste market regulation, difficulties in forecasting prices for key raw materials and building a pricing mechanism in key markets, which are represented by polyethylene terephthalates, high density polyethylene, low density polyethylene and polypropylene. The introduction of chemolysis into the well-established technological processes of oil and gas chemical companies to work with secondary polymers requires an assessment of the acceptable level of risk. The needs of the market on the part of customers are not fully formed, so the dynamic changes, creating difficulties for petrochemical companies. Most of the highlighted problems are typical for both Russian and global markets of secondary petrochemicals. At the same time, the features of state regulation and logistics services for secondary petrochemical products are regional in nature, therefore, they are considered in the work for the conditions of the Russian Federation.

Keywords: sustainable development, circular economy, responsible production and consumption, petrochemistry, project management, polymers, secondary raw materials, risks

For citation: Gainochenko T.M., Gainochenko M.V. (2022) Challenges and problems of petrochemical companies' use of secondary resources. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 16–28. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-16-28



Введение / Introduction

В основе зарождения любых систем лежит неорганизованная среда, в которой возникают стихийно или вводятся целенаправленно элементы порядка и организации. С точки зрения глобальных проблем человечества, современный этап развития экономических систем представляет собой слабо организованную среду, в которой экономические субъекты имеют недостаточные стимулы для добровольного внедрения в хозяйственную практику инноваций, обеспечивающих формирование экосистем. При этом накопилось немало научных и практических фактов, которые свидетельствуют о том, что компании, не пренебрегающие инновациями в условиях кризиса, получают преимущество перед конкурентами во время восстановления экономики [Дементьев, 2021]. Высокий уровень вертикальной и горизонтальной децентрализации мировой, региональных, субрегиональных и локальных экономических систем объективно диктует развитие координационных механизмов, в задачи которых входит не только трансформация существующих структурных элементов этих систем, но и создание новых элементов, которые могут быть адаптированы к актуальным социально-экономическим реалиям [Дементьев, 2021]. Подобные процессы подбора и адаптации характерны для внутрисистемных и межсистемных связей, которые обеспечивают обменные процессы между разными формами экономических систем.

Известно, что количественное изменение параметров структурных элементов и их связей приводит на определенных этапах к их качественному изменению. В современной теории систем такой переход называется фазой бифуркации, а процессы бифуркации изучаются теорией катастроф. Период бифуркации можно сравнить с состоянием кризиса. Однако далеко не все кризисы приводят к бифуркациям и далеко не все бифуркации способствуют появлению новых позитивных качеств у структурных элементов экономической системы. Следовательно, развитие экономических систем может быть как поступательным, так и реверсивным. Считается, что накопленные знания в этой области могут помочь в преодолении реверсивных тенденций развития экономических систем. Однако это является очень сложной задачей и требует высокого уровня интеллектуальной организации общества.

Несмотря на то что с конца XX в. мировое общество осознало глобальные проблемы человечества и разработало ряд целеполагающих

документов^{1,2,3,4,5,6,7} в области устойчивого развития экономических систем, механизмы их реализации остаются проработанными лишь в общих чертах и вызывают много острых дискуссий между участниками [Мандрыкина, 2019]. Однако уровень современных знаний о различных системных объектах существенно облегчает поиск и выработку рекомендаций для экономических систем с высоким уровнем вертикальной и горизонтальной децентрализации [Гайноченко, Персианов, 2017].

Известно, что развитие экономической системы может происходить двумя основными способами. Во-первых, за счет расширения спектра свойств структурных элементов экономической системы. Во-вторых, за счет включения в экономическую систему других структурных элементов с требуемыми свойствами. Следует отметить, что объединение элементов в систему не добавляет автоматически рациональности ее развития даже в том случае, если она функционирует устойчиво в новом качестве. Следовательно, возникает потребность в изучении надежности функционирования системы и оценке уровня избыточности функционала ее структурных элементов.

¹ Организация Объединенных Наций (1992). Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 25.06.2022).

² Организация Объединенных Наций (2012). Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию. Режим доступа: https://unesce.org/fileadmin/DAM/env/documents/2012/A_RES_66_288_TheFutureWeWant_r.pdf (дата обращения: 25.06.2022).

³ Центр стратегических разработок (2021). Климатическая повестка России: реагируя на международные вызовы. Отчет ЦСР и Аналитического центра ТЭК РЭА Минэнерго России. Режим доступа: <https://www.csr.ru/ru/news/klimaticheskaya-povestka-rossii-reagiruyana-mezhdunarodnye-vyzovy/> (дата обращения: 25.06.2022).

⁴ Организация Объединенных Наций (2016). Парижское соглашение по климату. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/542655698/> (дата обращения: 25.06.2022).

⁵ Организация Объединенных Наций (2015). Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 25.06.2022).

⁶ Организация Объединенных Наций (1992). Повестка дня на XXI век. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 25.06.2022).

⁷ Организация Объединенных Наций. Цели в области устойчивого развития ООН. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 25.06.2022).

Обзор литературы и постановка проблемы / Literature review and problem statement

За более чем столетнюю историю развития нефтегазохимическая отрасль прошла ряд производственно-технологических и территориальных сдвигов: от роста производства нефтегазохимических полу-продуктов и полимеров в США, СССР, Германии и Японии, перемещения его в Китай, Саудовскую Аравию, страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки и до обращения интересов крупнейших компаний развитых стран в сторону производства малотоннажной наукоемкой дорогостоящей продукции за счет глубокой переработки углеводородного сырья и образования глобальной сети взаимосвязанных и взаимозависимых центров нефтегазохимического производства и исследований [Брагинский, 2020]. Вместе с тем процесс адаптации нефтегазохимической отрасли к условиям функционирования мировой экономической системы в целевом пространстве устойчивого развития сопряжен с рядом проблем, которые не могут контролироваться субъектами отрасли непосредственно. Выявление и классификация таких проблем представляет собой актуальную исследовательскую задачу.

Более того, границы допустимых решений проблем такого рода ограничены объективными требованиями к процессам самоорганизации экономических систем. Для того чтобы процесс самоорганизации системы достиг высокого уровня, любая экономическая система должна развивать те направления деятельности, которые характеризуются высоким платежеспособным спросом и низкой стоимостью обеспечения ресурсами и технологиями при максимально эффективной и надежной системе управления. С другой стороны, на пути самоорганизации экономические системы не всегда могут избежать гибели. Она происходит при наличии одного из следующих признаков: истощение ресурсного обеспечения экономической системы; нарушение обменных процессов между структурными элементами экономической системы или нарушение устойчивости самих структурных элементов экономической системы. Следует отметить, что те факторы, которые определяют конкурентоспособность экономических систем, с течением времени оказываются причинами их упадка и гибели. Например, технологическое преимущество запускает процессы имитации другими экономическими системами. Достигнутые высокие результаты деятельности способствуют росту инерционных процессов в экономических системах. Постоянная оптимизация

структурных элементов приводит к снижению эффективности их функционирования. Успешное решение системной проблемы функционирования с течением времени приводит к изменению правил взаимодействия экономических систем.

Кардинальные сдвиги в структуре мировой экономики стимулируют поиск пути формирования национальных экономик нового типа за счет наукоемкого высокопроизводительного и энергоэффективного производства. По мнению многих представителей науки и бизнеса, драйверами российской экономики должны стать реальный сектор экономики, в основном за счет внутреннего и внешнего спроса на продукцию высокотехнологичных производств, а также создание современной экономики знаний и здоровья [Аганбегян и др., 2020]. В соответствии с расчетами Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, среднегодовые темпы прироста высокотехнологичных производств целесообразно в ближайшие 2–4 года довести в среднем до 15 %. Емкость внутреннего рынка позволяет решить эту задачу [Апокин, 2017]. Более того, расчеты для Евразийского экономического союза показали, что наиболее высокий интеграционный потенциал импортозамещения ожидается по товарным группам, относящимся к машиностроению и химическому комплексу, а также по ряду услуг [Апокин и др., 2021].

Именно сейчас мы можем наблюдать в нефтегазохимии дифференциацию стран по степени глубины переработки углеводородного сырья, снижение роли сырьевого сектора экономики как фактора роста, слияние нефтегазохимических компаний с фармацевтическими, распространение сетевых структур, в которых наиболее энергичное увеличение добавленной стоимости происходит не всегда на начальной или конечной стадии производства, но и на промежуточных сегментах цепей созданий ценности [Дементьев и др., 2018].

Реализация крупнейших проектов по производству нефтегазохимической продукции и полимеров массового использования создает такие положительные эффекты, как удовлетворение внутреннего спроса, обеспечение импортозамещения и поступление денежных средств от экспорта. Но одновременно возникают и новые научно-практические задачи: планомерность развития нефтегазохимической промышленности в мировом масштабе, пересмотр норм и правил, обеспечивающих применение новых видов продукции нефтегазохимической промышленности. Выпуск средней малотоннажной продукции с более высокой добавленной стоимостью определяет

вектор развития нефтегазохимии на ближайшую перспективу [Апокин, 2021]. Следовательно, роль нефтегазохимических компаний во взаимодействии с клиентами должна изменяться. Им следует проводить активную политику в области ценообразования инновационной продукции высоких переделов и продукции, использующей в своем составе вторичное сырье. Реализация активной ценовой политики в сфере продукции, удовлетворяющей целям устойчивого развития (далее – ЦУР), позволит сократить потери и затраты на эволюцию экономических систем при переходе на принципы экономики замкнутого цикла [Авилова, 2021].

Сравнение политик устойчивого развития компаний нефтегазохимической отрасли / Oil and gas chemical companies: Sustainability policies comparison

Рассмотрим долгосрочное целевое видение крупнейших нефтехимических компаний из разных стран. Перечень рассматриваемых компаний, а также стран и ключевых ЦУР, которые выделили для себя данные компании представлен в таблице 1.

Как следует из сравнения реализуемых ЦУР выбранными для анализа нефтегазодобывающими компаниями мира, ответственное потребление и производство, а также борьба с изменением климата вошли в политики устойчивого развития всех компаний. Вместе с тем, как было отмечено ранее, достижение ЦУР 12 связано с углублением сетевого взаимодействия компаний в цепочках добавленной стоимости.

Крупнейшая российская нефтегазохимическая компания ПАО «СИБУР Холдинг» в обновленной стратегии устойчивого развития⁸, детализировала целевые показатели по ЦУР 6, 11, 15 до 2025 г. В области охраны окружающей среды компания ставит задачи по:

- уменьшению потребления воды не менее чем на 5 %;
- снижению выбросов загрязняющих веществ минимум на 5 %;

⁸ ПАО «СИБУР Холдинг». Обновленная стратегия ПАО «СИБУР Холдинг» в области устойчивого развития до 2025 года. Режим доступа: <http://dev.sibur-back.only.com.ru/upload/iblock/529/grrgoue4ksxvsvt5h1yoelldh349c6d4.pdf> (дата обращения: 05.06.2022).

Таблица 1

Нефтегазохимические компании мира и реализуемые ими цели устойчивого развития

Table 1. World oil and gas chemical companies and their sustainable development goals

Цели устойчивого развития / Sustainable development goals	Компания (страна) / Company (country)				
	ПАО «СИБУР Холдинг» (Россия) / SIBUR Holding PJSC (Russia)	Braskem (Бразилия / Brazil)	BOREALIS (Австрия / Austria)	LyondellBasell (США / USA)	Indorama (Индонезия / Indonesia)
ЦУР 1 Ликвидация нищеты / SDG 1 End poverty	-	+	-	-	-
ЦУР 2 Ликвидация голода / SDG 2 End hunger	-	-	-	+	-
ЦУР 3 Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию / SDG 3 Ensure healthy lives and promote well-being	+	-	+	+	+
ЦУР 4 Качественное образование / SDG 4 Quality education	-	-	-	+	-
ЦУР 5 Гендерное равенство / SDG 5 Gender equality	+	-	-	-	-
ЦУР 6 Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии / SDG 6 Ensure availability and sustainable management of water and sanitation	+	+	+	-	+
ЦУР 7 Недорогостоящая и чистая энергия / SDG 7 Affordable and sustainable energy	+	-	+	+	+
ЦУР 8 Достойная работа и экономический рост / SDG 8 Decent jobs and economic growth	+	+	-	+	-
ЦУР 9 Индустриализация, инновации и инфраструктура / SDG 9 Industrialization, innovation and infrastructure	+	+	-	+	+
ЦУР 10 Уменьшение неравенства / SDG 10 Reduce inequality	+	-	-	-	-
ЦУР 11 Устойчивые города и населенные пункты / SDG 11 Resilient cities and human settlements	+	+	-	-	-
ЦУР 12 Ответственное потребление и производство / SDG 12 Responsible consumption and production	+	+	+	+	+

Окончание табл. 1

Цели устойчивого развития / Sustainable development goals	Компания (страна) / Company (country)				
	ПАО «СИБУР Холдинг» (Россия) / SIBUR Holding PJSC (Russia)	Braskem (Бразилия / Brazil)	BOREALIS (Австрия / Austria)	LyondellBasell (США / USA)	Indorama (Индонезия / Indonesia)
ЦУР 13 Борьба с изменением климата / SDG 13 Combating climate change	+	+	+	+	+
ЦУР 14 Сохранение морских экосистем / SDG 14	-	-	+	+	+
ЦУР 15 Сохранение экосистем суши / SDG 15 Preserving marine ecosystems	+	-	-	-	+
ЦУР 16 Мир, правосудие и эффективные институты / SDG 16 Peace, justice and effective institutions	+	-	-	-	-
ЦУР 17 Партнерство в интересах устойчивого развития / SDG 17 Partnerships for sustainable development	+	-	-	+	+

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

- сокращению количества токсичных веществ в сточных водах на 40 %;
- утилизации не менее половины всех отходов, генерируемых компанией по сравнению с 2018 г.

В рамках инициативы Operation Clean Sweep (с англ. Операция «чистая уборка») — международной программы, призванной сократить количество полимеров, которые во время операционного цикла компаний попадают в окружающий мир — компания ПАО «СИБУР Холдинг» намерена бороться с попаданием пластика в окружающую среду⁹.

В области создания «устойчивого» продуктового портфеля ПАО «СИБУР Холдинг» создает новые виды продуктов, например с использованием вторичных гранул¹⁰. Для этого компания планирует следующее:

- направлять в два раза больше инвестиций в исследовательские проекты по переработке отходов из полимеров;
- выстроить сотрудничество с 10–15 % поставщиков химической продукции, которые соответствуют экологическим критериям;
- проверять, чтобы не менее 40 % от общего объема производимого полиэтилентерефталата (далее — ПЭТ) содержало вторичную гранулу;
- контролировать продукцию на соответствие стандартам безопасности клиентов, а также на возможность переработки и вторичного использования;
- развивать партнерские проекты с целью достижения экономики замкнутого цикла.

⁹ ПАО «СИБУР Холдинг». Стратегия устойчивого развития: ESG стратегия ПАО СИБУР. Режим доступа: <https://www.sibur.ru/ru/sustainability/operation-clean-sweep/> (дата обращения: 05.06.2022).

¹⁰ ПАО «СИБУР Холдинг». Уникальное для российского рынка решение СИБУРа — полимеры с вовлечением вторичного пластика. Режим доступа: <https://vivilen.sibur.ru/> (дата обращения: 05.06.2022).

В области снижения климатического воздействия ПАО «СИБУР Холдинг» намерен снизить выбросы парниковых газов в атмосферу. Достичь это планируется за счет повышения использования электроэнергии из возобновляемых источников в 5 раз по сравнению с 2019 г. и сокращения выбросов парниковых газов по сравнению с 2018 г. на 5 % для газопереработки и на 15 % для нефтехимии на тонну продукции. Компания имеет оценку «В» (2021 г.) в рамках Программы раскрытия информации о выбросах углерода (Carbon Disclosure Project, далее — CDP), что выше среднего показателя по миру и по отрасли¹¹.

Бразильская нефтехимическая компания Braskem определяет для себя несколько приоритетных целей устойчивого развития в качестве макроцелей, в которые она готова привнести значительный вклад^{12,13}:

- повсеместно покончить с бедностью во всех ее формах (ЦУР 1);
- обеспечить чистую воду и санитарию (ЦУР 6);
- содействовать устойчивому, инклюзивному экономическому росту и обеспечить полную занятость (ЦУР 8);
- содействовать устойчивой инфраструктуре, индустриализации и инновациям (ЦУР 9);
- обеспечить доступ к безопасному жилью (ЦУР 11);

¹¹ ПАО «СИБУР Холдинг». SIBUR retains high CDP scores in 2021. Режим доступа: <https://www.sibur.ru/en/press-center/news-and-press/SIBURretainshighCDPscoresin2021/> (дата обращения: 05.06.2022).

¹² Braskem. Corporate policy. Режим доступа: https://www.braskem.com/porta1/principal/arquivos/Pol%C3%ADtica%20DS_EN.pdf (дата обращения: 05.06.2022).

¹³ Braskem. Sustainable solution for a circular economy. Режим доступа: https://www.braskem.com.br/porta1/imgreen/arquivos/catalogos/Catalogo_Im_green_ING_AF_BX-.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

- достичь устойчивого производства и потребления (ЦУР 12);
- принять срочные меры по борьбе с изменением климата и его последствиями (ЦУР 13).

В области изменения климата компания Braskem в 2018 г. сформулировала цель достичь углеродно-го нейтралитета к 2050 г. Компания ставит задачи по развитию собственной торговой марки «Я зеленый» (англ. “I am green”) которая представляет устойчивый продуктовый портфель, соответствующий приверженности экономике замкнутого цикла, и включает в себя продукты на биологической основе и переработанные продукты. Компания стремится к 2025 г. продавать 300 тыс. т переработанной продукции в год, а к 2030 г. — 1 млн т в год. Достижение углеродной нейтральности Braskem планирует достичь за счет сокращения (цель — сократить выбросы углекислого газа от операций на 15 % к 2030 г.), компенсации и улавливания выбросов. Среди климатических инициатив компании — замещение бензина этанолом в корпоративном парке, реализуемое с 2017 г.

В сфере энергоэффективности компания Braskem предприняла меры для модернизации завода АБС-пластиков в Сан-Паулу, инвестировав 600 млн бразильских реалов (117,5 млн долл. США) совместно с компанией Siemens, с целью снижения энергопотребления и выбросов углекислого газа. Стоит отметить, что в 2018 г. на возобновляемые источники приходился 81 % потребления электроэнергии.

В соответствии со своей стратегией по укреплению возобновляемых химических веществ, Braskem выпустила этиленвинилацетат (ЭВА, EVA) — сополимер этилена и винилацетата — на биологической основе, изготовленный из сахарного тростника. Запуск этого продукта расширяет портфель проекта «Я зеленый».

В рамках достижения экономики замкнутого цикла Braskem сформулировала восемь глобальных инициатив по стимулированию переработки пластмасс. Компания присоединилась к «Альянсу по ликвидации пластиковых отходов» и «Форуму индустрии пластмасс», который был создан Социальным и экологическим институтом пластмасс (Plastivida) и Океанографическим институтом Университета Сан-Паулу.

Braskem стала одной из 126 компаний, получивших рейтинг «А» Программы раскрытия информации об выбросах углерода (CDP).

Австрийская нефтегазохимическая компания Borealis сфокусировала внимание на экономике замкнутого цикла, что означает выполнение следующих задач:

- нулевые потери гранул;
- исследования в области переработки пластмасс;

- сокращение количества отходов за счет использования упаковки, пригодной для вторичной переработки или повторного использования для 100 % потребительских товаров.

В области борьбы с изменениями климата компания запланировала в 2020 г.:

- повышение энергоэффективности на 20 % по сравнению с 2015 г. и полное сокращение факельного сжигания;
- использование возобновляемых источников энергии местного производства на уровне 50 % всей используемой электроэнергии;
- сокращение выбросов углекислого газа на транспорте;
- расширение портфеля продуктов для использования возобновляемых источников энергии, повышения энергоэффективности и сокращения выбросов.

Компания поддерживает проект «Европейская зеленая сделка» (англ. The European Green Deal) по формированию углеродно-нейтрального пространства в Европейском союзе (далее — ЕС)¹⁴.

Американская компания LyondellBasell акцентирует внимание на 9 ЦУР ООН. Цели и задачи компании в области устойчивого развития сгруппированы в три направления: работа с пластиковыми отходами, борьба с изменением климата и поддержка процветающего общества¹⁵.

В сфере пластиковых отходов компания стремится:

- разрабатывать механические и усовершенствованные (молекулярные) решения для переработки отходов и достижения цикличности;
- поддерживать политику, продвигающую экономику замкнутого цикла для пластмасс;
- развивать внешнее партнерство по инициативам по предотвращению попадания отходов в окружающую среду и дальнейшему развитию систем управления пластиковыми отходами.

Компания планирует производить и продавать 2 млн метрических тонн переработанных и возобновляемых полимеров ежегодно к 2030 г., повторно использовать, перерабатывать и/или восстанавливать 100 % пластиковой упаковки во всем мире к 2040 г., а также обеспечить нулевые потери пластиковых гранул в процессе деятельности и цепочке поставок.

В сфере борьбы с изменением климата LyondellBasell намеревается достичь чистых нулевых выбросов

¹⁴ Borealis. Borealis: circular economy. Режим доступа: <https://www.borealisgroup.com/circular-economy> (дата обращения: 05.06.2022).

¹⁵ LyondellBasell. Sustainability Report LyondellBasell (2020). Режим доступа: <https://www.lyondellbasell.com/globalassets/sustainability/2020-lyb-sustainability-report.pdf> (дата обращения: 05.06.2022).

от глобальных операций к 2050 г., производить к 2030 г. не менее 50 % электроэнергии из возобновляемых источников и достичь абсолютного сокращения прямых и косвенных выбросов природного газа на 30 % к 2030 г.

Индонезийская компания Indorama к экологическим приоритетам относит минимизацию отходов, переработку и повторное использование сточных вод, мониторинг и контроль качества выбросов в атмосферу, расширение зеленых насаждений, а также проведение оценки воздействия на окружающую среду и получение различных экологических сертификатов¹⁶.

В таблице 2 представлены результаты сравнительного анализа политик устойчивого развития, выбранных для исследования нефтегазохимических компаний. Можно заметить, что все компании выделяют в качестве приоритета развитие регионов присутствия компании, повышение качества и уровня жизни населения, просветительские проекты об осознанном и рациональном потреблении.

Не все компании раскрывают информацию о раз­мере инвестиций в устойчивое развитие. Реинвести­рование 24,2 % чистой прибыли на развитие устойчивых проектов запланировала бразильская компания Braskem. Российский СИБУР планирует реинвести­ровать около 2,5 % собственной прибыли, а также реализует инициативу «Формула хороших дел», кото­рая предусматривает государственную поддержку.

Характерной особенностью всех рассмотренных нефтегазовых компаний является развитие собственных брендов и марок экологических или «зеленых» нефтегазохимических продуктов. Из основных продуктовых решений можно выделить производство вторичных гранул, использование продуктов на биологической основе в качестве сырья,

достижение замкнутого цикла производства (производство полностью перерабатываемых продуктов), новые технологические решения в области применения продукции (замещение других трудно перерабатываемых полимеров с помощью ПЭТ); разработка продукции с содержанием вторичного сырья.

Ключевые проблемы в области управления и использования вторичных ресурсов / Secondary resources management and usage: key problems

В настоящее время возрастает значимость рационального использования бывших в употреблении и хранящихся на свалках продуктов полимеров. Этот сегмент представляет собой сложный, но перспективный источник развития нефтегазохимии высоких переделов. Рост предложения первичных углеводородов на российском рынке из-за сокращения потребления сырьевых ресурсов на мировом рынке является, с одной стороны, фактором, сдерживающим развитие вторичного сектора переработки полимеров. С другой стороны, стимулирующим фактором выступает расширение круга потребителей продукции нефтегазохимии со стороны отраслей приборостроения, электроники, информационных технологий, биотехнологий, фармацевтики и т.д. [Брагинский, 2020]. Следовательно, внутривос­сийский рынок нефтегазохимической продукции более высоких переделов имеет значительный потенциал развития, и сегмент вторичной переработки полимеров может рассматриваться как полигон для выработки приемлемых форм партнерства между нефтегазохимическими компаниями и остальными участниками цепочек добавленной стоимости.

Анализируя рынок вторичной нефтегазохимической продукции, важно понимать ее жизненный цикл. Он представлен на рисунке 1.

Таблица 2

Сравнение политик устойчивого развития нефтегазохимических компаний

Компания (страна)	Ключевые цели устойчивого развития (по номерам)	Компоненты реализации политики устойчивого развития			
		Наличие собственных программ в рамках устойчивого развития в области пластика	Годовые затраты на цели устойчивого развития	Участие в международных инициативах	Новые продукты для достижения целей устойчивого развития
ПАО «СИБУР Холдинг» (Россия)	3, 5–13, 15–17	Программа «Формула хороших дел» по направлениям: • город, образование и наука, спорт, охрана окружающей среды, культура, волонтерство, инклюзия; • просветительская программа для школьников «Вторая жизнь пластика»	40 753 млн долл. США (2019 г.) на сокращение негативного воздействия на окружающую среду. Чистая прибыль – 1 649 млрд долл. США Реинвестировано на устойчивое развитие: 2,47 %	Участие в международной программе Operation Clean Sweep (с англ. Операция «чистая уборка»)	Vivilen – бренд продукто­вых решений с использованием вторичных гранул

¹⁶ Indorama. Indorama: Sustainability Strategy. Режим доступа: <https://sustainability.indoramaventures.com/en/our-sustainability/sustainability-strategy> (дата обращения: 05.06.2022).

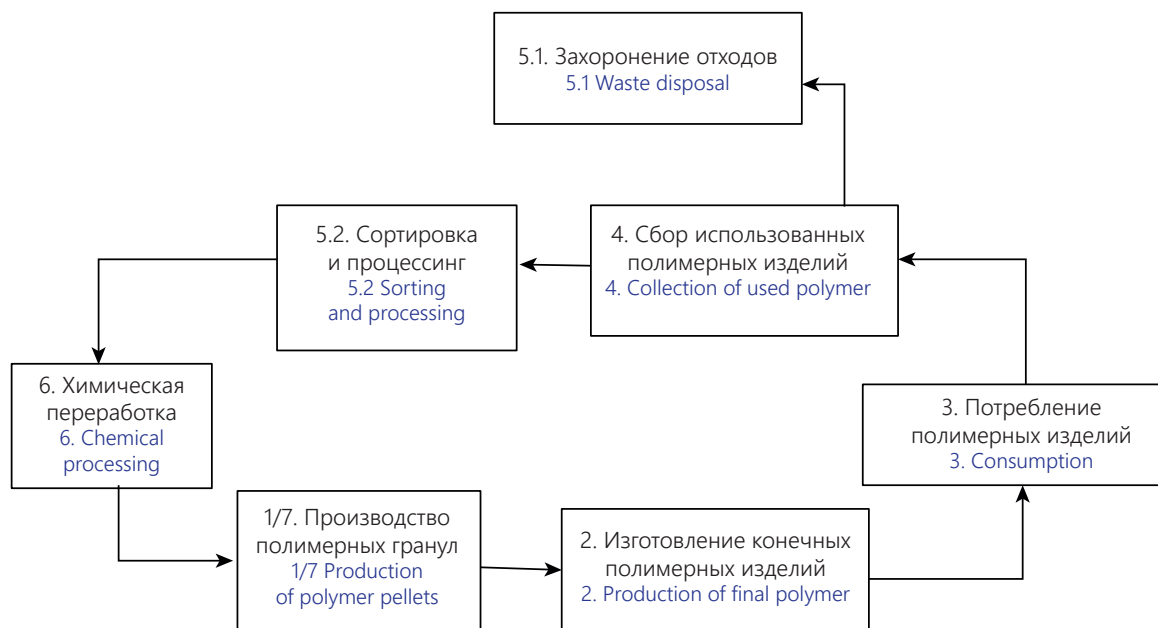
Компания (страна)	Ключевые цели устойчивого развития (по номерам)	Компоненты реализации политики устойчивого развития			
		Наличие собственных программ в рамках устойчивого развития в области пластика	Годовые затраты на цели устойчивого развития	Участие в международных инициативах	Новые продукты для достижения целей устойчивого развития
Braskem (Бразилия)	1, 6, 8, 9, 11–13	Проекты: • Ser+ Realizador направлен на увеличение объемов переработки пластиковых отходов; • Fábrica de Florestas – восстановление лесов; • Edukatu – обучающая сеть для осознанного потребления; • Estação Ambiental – экологическая станция по мониторингу местной фауны и флоры	43 220 млн долл. США (2019 г.). Чистая прибыль – 9 843 млрд долл. США. Реинвестировано на устойчивое развитие: 0,44 %	Сотрудничество с Альянсом за ликвидацию пластиковых отходов, участие в Форуме индустрии пластмасс	Торговая марка «Я зеленый» – продукты на биологической основе и переработанные продукты из сахарного тростника
Borealis (Австрия)	3, 6, 7, 12–14	Участие в европейской инициативе Polyolefin Circular Economy Platform (с англ. Платформа экономики замкнутого цикла полиолефинов).	Нет раскрытой информации	Участие в экологическом проекте по очистке океанов от пластикового загрязнения Stop Ocean Plastic, партнер инициативы New Plastics Economy, участник проекта CEFLEX project по созданию гибкой упаковки	Линия продуктов The Bornnewables из полиолефинов премиум класса, созданных при замкнутом цикле производства. Налажено производство возобновляемого полипропилена
Lyondell-Basell (США)	2–4, 7–9, 12–14, 17	Пилотный проект Closed Loop (с англ. Замкнутый контур) в Африке. Цель – сделать сбор пластиковых отходов значимой работой	Нет раскрытой информации	Партнер международного стандарта энергоэффективности потребительских товаров Energy Star в рамках программы Environmental Protection Agency Energy Star США	Бренд продуктовых решений Circulen polymer, включающий следующие продукты: • CirculenRecover (механическая переработка пластиковых отходов и производство вторичных смол); • CirculenRevive (молекулярная переработка); • CirculenRenew (производство полипропилена и полиэтилена из возобновляемого сырья)
Indorama (Индонезия)	3, 6, 7, 9, 12–15, 17	Проекты: • «Эко-дети и эко-школа»; • RECO – ежегодный конкурс дизайна в Таиланде для повышения осведомленности об использовании отходов полиэтиленотерфталата и полиэстера для создания ярких дизайнов	1 500 млрд долл. США (2020 г.) Чистая прибыль – 6,2 млрд долл. США. Реинвестировано на устойчивое развитие: 24,19 %	Участник Глобального партнерства по борьбе с пластиком Всемирного экономического форума	Участие в проекте Project Mainstream – межотраслевой глобальной инициативе Всемирного экономического форума, направленной на обеспечение масштабного функционирования экономики замкнутого цикла

Составлено авторами по материалам исследования

Table 2. Comparison of petrochemical companies' sustainable development policies

Company (country)	Key sustainable development goals (number)	Components of the sustainable development policy implementation			
		Availability of own programs within the framework of sustainable development in the field of plastics	Annual expenditures on sustainable development	Participation in international initiatives	New products for achieving sustainable development goals
SIBUR Holding PJSC (Russia)	3, 5–13, 15–17	- Formula of Good Deeds program in the following areas: city, education and science, sports, environmental protection, culture, volunteering, inclusion; - educational program for schoolchildren The Second Life of Plastics	40,753 million USD (2019) to reduce negative environmental impact. Net income – 1,649 billion USD. Reinvested in sustainable development: 2.47 %	Participation in the international Operation Clean Sweep program	Vivilen brand of product solutions using recycled pellets
Braskem (Brazil)	1, 6, 8, 9, 11–13	Projects: - Ser+ Realizador aims to increase the recycling of plastic waste; - Fábrica de Florestas – reforestation; - Edukatu – educational network for conscious consumption; - Estação Ambiental – ecological station for monitoring local fauna and flora	43,220 million USD (2019). Net income is 9,843 billion USD Reinvested in sustainable development: 0.44 %	Cooperation with the Alliance To End Plastic Waste, participation in the Plastics Industry Forum	“I am green” trade mark: products on a biological basis and processed products from sugar cane
Borealis (Austria)	3, 6, 7, 12–14	Participation in the European initiative Polyolefin CircularEconomy Platform	No information disclosed	Participation in Stop Ocean Plastic project to clean up the oceans from plastic pollution, partner of the New Plastics Economy initiative, participant in the CEFLEX project to create flexible packaging	The Borenewables line of premium polyolefins created in a closed-loop production process. Renewable polypropylene production is established
LyondellBasell (USA)	2-4, 7-9, 12-14, 17	Closed Loop pilot project in Africa. The goal is to make plastic waste collection a meaningful job	No information disclosed	Partner of the Energy Star International Energy Efficiency Standard for Consumer Products under the US Environmental Protection Agency Energy Star Program	Circulen polymer brand product solutions: - CirculenRecover (mechanical recycling of plastic waste and production of recycled resins); - CirculenRevive (molecular recycling); - CirculenRenew (production of polypropylene and polyethylene from renewable raw materials)
Indorama (Indonesia)	3,6, 7, 9,12,13,14, 15, 17	- Eco-Children and Eco-School projects; - RECO project, an annual design competition in Thailand to raise awareness about the use of polyethylene terephthalate and polyester waste to create vibrant designs	1,500 billion USD (2020). Net income is 6.2 billion USD. Reinvested in sustainable development: 24.19 %	Member of the World Economic Forum's Global Plastic Action Partnership	Participation in Project Mainstream, a cross-industry global initiative of the World Economic Forum aimed at ensuring the large-scale functioning of a closed-loop economy, together with partners develop new product solutions

Compiled by the authors on the materials of the study



Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 1 Жизненный цикл полимерной продукции
Figure 1. Lifecycle of polymer products

Произведенные полимерные гранулы используются компаниями-клиентами нефтегазохимических предприятий для выпуска конечной полимерной продукции: ПЭТ-бутылки, полиэтиленовые пакеты, оконные рамы, шины, линолеум, обои и другое. После первичного использования продукция собирается на мусорных полигонах и в пунктах вторсырья. Далее она либо отправляется на захоронение, либо сжигается, либо транспортируется к месту дальнейшей обработки. В последнем случае отходы сортируются по видам полимерного сырья с частичной очисткой: отряхивание, срывание этикеток и т.п. Далее отходы обязательно измельчаются (дробление) и проходят мойку и сушку. Затем дробленка проходит процесс компаундирования (внедрение добавок и наполнителей в полимерный материал) и грануляцию. На этом этапе, в частности, устраняется неприятный запах путем добавления полиалкиленимина. В большинстве случаев процессинг разделен на этапы (сортировка, дробление, мойка, компаундирование и грануляция) и предоставляется отдельными предприятиями. На последних стадиях жизненного цикла полученное сырье пускают снова в рециклинг или, что более распространено на данный момент, порциями добавляют в исходные материалы, то есть используют в виде смесей.

Подобного рода смеси представляют собой разновидность «зеленых» продуктов нефтегазохимии. Однако по цене и уровню качества они уступают первичным полимерным изделиям. Более того,

сокращение программ сбора и сортировки отходов, характерное для многих стран мира из-за высокого спроса со стороны Китая на смешанные пластиковые отходы, привело к сокращению производственных мощностей по сортировке и переработке многих видов полимерных изделий. В Российской Федерации были нарушены существовавшие ранее технологические схемы работы с отходами и выросло количество мест и объемы захоронения мусора. Рост количества индивидуальной упаковки в секторе потребительских товаров способствовал изменению качественного наполнения мест захоронения отходов. Продукция нефтегазохимической промышленности составляет значительную долю в структуре мусора и может стать источником дополнительных положительных эффектов как для нефтегазохимических компаний и их партнеров, так и для общества в целом в виду его низко затратного характера по сравнению с добычей и переработкой первичного углеводородного сырья. Вместе с тем, существующие альтернативные материалы (стекло, алюминий, бумага) создают более высокие издержки для предпринимателей и экономики в целом. Например, в 2018 г. было использовано 84 млн т пластика на весь сектор потребительских товаров и упаковки, альтернативных материалов было бы затрачено более 342 млн т, то есть выполняя одну и ту же функцию расходы на альтернативные материалы

в 4 раза выше, чем на полимеры¹⁷. Следовательно, использование вторичного полимерного материала критически важно для достижения целей устойчивого развития.

Стремясь развиваться в данном направлении, клиенты нефтегазохимических компаний устанавливают свои критерии содержания вторичного сырья в полимерных гранулах, чем стимулируют формирование долгосрочных партнерских отношений в цепях создания стоимости.

Анализ факторов, сдерживающих эту тенденцию, позволил сгруппировать ключевые проблемы в области управления и использования вторичных ресурсов на основе выделения критических источников их возникновения:

- неразвитость конъюнктуры рынка отходов;
- неравномерность в масштабах и географии отходов;
- отсутствие системности при обосновании и выборе мер регулирования рынка отходов;
- цепочка создания стоимости, обеспечивающая замкнутый цикл, находится на ранней стадии развития: на стадии «сбора» — неконтролируемые объемы отходов, отсутствие развитых систем сбора в некоторых регионах; на стадии «сортировка и процессинг» — нехватка надежных технологий; на стадии конечного использования — необходимость контроля качества и управления рисками.

Заключение / Conclusion

У нефтегазохимических компаний, производящих полимерные гранулы, обозначенные ключевые проблемы вызывают сложности при реализации проектов, связанных со вторичной нефтегазохимической продукцией. Во-первых, исходными видами сырья для выпуска вторичной нефтегазохимической продукции являются: флекс (ПЭТ-флекс — продукт измельчения ПЭТ до образования хлопьев), древесная щепа, пшеница, кукуруза. У нефтегазовых компаний отсутствуют необходимые компетенции для работы с этими видами сырья. Например, трудности вызывает построение качественных прогнозов цен по большинству позиций, которое влечет за собой сложности с расчетом себестоимости конечного продукта. И, как следствие, возникает неопределенность в оценке эффективности инвестиционного проекта и приемлемого уровня рисков, снижается

привлекательность решений о целесообразности реализации проекта руководством компаний.

Во-вторых, спрос на готовую продукцию и критерии содержания вторичного сырья в полимерных гранулах варьируются от клиента к клиенту, а также у одного клиента с течением времени в зависимости от изменения параметров политики устойчивого развития, которые устанавливает для себя клиент. Следовательно, такие проектные параметры, как объем выпуска продукции и оптимальная производственная мощность производственной линии, также имеют неопределенный характер. В этой ситуации целесообразно развивать относительно небольшие по мощности проекты производства вторичной нефтегазохимической продукции на основе гибких производственных линий.

В-третьих, для разработки механизма ценообразования на конечную продукцию (вторичный ПЭТ, 100%-й гРЕТ, Этил-трет-бутиловый эфир, Биоэтанол 2G, вторичные полиолефины) необходимо формировать компетенции проактивного ценообразования.

В-четвертых, логистические центры нефтегазохимических компаний находятся на этапе формирования и только разрабатывают требования к перевозчикам, исходя из физико-химических свойств вторичной нефтегазохимической продукции, к подвижному составу и условиям организации перевозок. Вместе с тем данная проблема вполне решается в краткосрочной перспективе.

В-пятых, применение в технологическом процессе специфических вспомогательных материалов (например, энзимов) является дополнительным функционалом, требующим развития внутренних компетенций, но, в силу небольшой доли таких материалов в сумме операционных затрат проекта, это может представлять вполне преодолимые сложности при принятии инвестиционных решений.

В-шестых, из-за отсутствия прямого выхода на конечных потребителей могут возникать сложности с определением марочного колеса. Однако они относительно легко преодолеваются за счет организации B2B (от англ. business-to-business — бизнес для бизнеса) взаимодействий между участниками цепочки создания добавленной стоимости. Целесообразно в организационной структуре компании выделить ответственное, компетентное лицо из продуктового направления — бизнес-заказчика — с достаточным опытом и соответствующим клиентским портфелем, с ответственностью за бизнес-результат по проекту и продукту.

В-седьмых, отсутствие компетенции в вопросах государственного регулирования новых видов продукции создает серьезный вызов для оценки жизнеспособности проекта на новом рынке. Решением

¹⁷ *Trucost and the American Chemistry Council* (2016). *Plastics and Sustainability: A valuation of environmental benefits, costs and opportunities for continuous improvement*. Режим доступа: https://www.marinelittersolutions.com/wp-content/uploads/2016/07/ACC-report_July-2016_v4.pdf (дата обращения: 05.06.2022).

данной проблемы может стать развитие структуры по реализации B2G взаимоотношений (от англ. business-to-government — отношения между бизнесом и государством) внутри компании, отвечающей за проекты, связанные со вторичной нефтегазохимической продукцией.

И, наконец, внедрение химического при работе со вторичными нефтегазохимическими процессами влечет за собой необходимость заново отлаживать сложившиеся технологические процессы, нести дополнительные расходы и риски, что также

сопряжено со снижением заинтересованности в принятии инвестиционных решений.

Все выявленные сложности реализации проектов, связанных с выпуском «зеленой» продукции, лежат на уровне тактического руководства нефтегазохимических компаний и неопределенность принятия инвестиционных решений может быть снижена за счет строительства и запуска относительно небольших по мощности объектов производства нефтегазохимической продукции более высоких переделов.

Список литературы

Авилова В.В. (2021). Переход к экономике замкнутого цикла как ведущий тренд инновационного развития и формирования нового технологического уклада // *Инновационное развитие экономики*. № 5(65). С. 12–20. <http://doi.org/10.51832/2223-79842021512>

Аганбегян А.Г., Клепач А.Н., Порфирьев Б.Н. (2020). Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // *Проблемы прогнозирования*. № 6(183). С. 18–26. <http://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26>

Апокин А.Ю. (2017). Компоненты совокупной факторной производительности экономики России относительно других стран мира: роль технической эффективности // *Проблемы прогнозирования*. № 1(160). С. 22–29.

Апокин А.Ю., Гнидченко А.А., Сабельникова Е.М. (2021). Потенциал импортозамещения и выгоды от экономической интеграции: дезагрегированные оценки // *Экономическая политика*. Т. 12, № 2. С. 44–71. <http://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-2-02>

Брагинский О.Б. (2020). Новые тенденции развития нефтегазохимической промышленности мира // *Нефтегазохимия*. № 3–4. С. 5–8. <http://doi.org/10.24412/2310-8266-2020-3-4-5-8>

Брагинский О.Б. (2021). Российская нефтегазохимия: новая дорога // *Нефтегазохимия*. № 3–4. С. 5–8. <http://doi.org/10.24412/2310-8266-2021-3-4-5-8>

Гайноченко Т.М., Персианов В.А. (2017). Инвестиционный потенциал национальных производственно-экономических систем и механизм его укрепления в условиях становления единого экономического пространства // *Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2017: Материалы Десятой международной конференции: в 2-х томах*, Москва, 02–04 октября 2017 года; общ. ред. Васильев С.Н., Цвиркун А.Д.; М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. С. 196–198.

Дементьев В.Е. (2021). Цепочки создания ценности перед вызовами цифровизации и экономического спада // *Вопросы экономики*. № 3. С. 68–83. <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-68-83>

Дементьев В.Е., Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г. (2018). Цифровая трансформация цепочек создания ценности: «улыбка» может оказаться «хмурой» // *Журнал институциональных исследований*. Т. 10, № 4. С. 58–77. <http://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.4.058-077>

Мандрыкина И. (2019). Парижское соглашение и ТЭК: почему нефтяники заинтересованы в его реализации? // *Энергетическая политика*. № 3(141). С. 62–71.

References

Avilova V.V. (2021), “Transition to the closed-cycle economy as a leading trend of innovative development and the formation of a new technological mode”, *Innovational development of economy*, no. 5(65), pp. 12–20, <http://doi.org/10.51832/2223-79842021512>

Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfiriev B.N. (2020), “Post-pandemic recovery of the Russian economy and the transition to sustainable socio-economic development”, *Problems of Forecasting*, no. 6 (183), pp. 18–26, <http://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26>

Apokin A. Yu. (2017), “Components of the aggregate factor productivity of Russia’s economy relative to other countries of the world: the role of technical efficiency”, *Problems of Forecasting*, no. 1(160), pp. 22–29.

Apokin A. Yu., Gnidenchenko A.A., Sabelnikova E.M. (2021), “Import substitution potential and benefits of economic integration: Disaggregated estimates”, *Economic Policy*, vol. 12, no. 2, pp. 44–71, <http://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-2-02>

Braginsky O.B. (2020), “New trends in the development of the petrochemical industry of the world”, *Oil & gas chemistry*, no. 3–4, pp. 5–8, <http://doi.org/10.24412/2310-8266-2020-3-4-5-8>

Braginsky O.B. (2021), “Russian oil and gas chemistry: a new road”, *Oil & gas chemistry*, no. 3–4, pp. 5–8, <http://doi.org/10.24412/2310-8266-2021-3-4-5-8>

Gainochenko T.M., Persianov V.A. (2017), “Investment potential of national production and economic systems and the mechanism of its strengthening in the conditions of formation of a single economic space”, In: Vasiliev S.N., Tsvirkun A.D. (eds.), *Management of development of large-scale systems MLSD'2017: Proceedings of the Tenth International Conference: in 2 volumes, Moscow, 2–4 October 2017*, Trapeznikov Institute of Management Problems Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 196–198 (in Russian).

Dementiev V.E. (2021), “Value creation chains before the challenges of digitalization and economic decline”, *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 68–83, <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-68-83>

Dementiev V.E., Ustyuzhanina E.V., Evsyukov S.G. (2018), “Digital transformation of value chains: the “smile” may turn out to be a “frown””, *Journal of Institutional Research*, vol. 10, no. 4, pp. 58–77, <http://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.4.058-077>

Mandrykina I. (2019), “The Paris Agreement and the fuel and energy complex: why are oil producers interested in its implementation?”, *Energy Policy*, no. 3(141), pp. 62–71.

Анализ практики «зеленых» финансов в Соединенных Штатах Америки, Великобритании и Российской Федерации

Горбачева Татьяна Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансового учета

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3287-6440>, e-mail: t-gorbacheva@bk.ru

Буневич Константин Георгиевич

Канд. экон. наук, доц. каф. финансового учета

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6844-0377>, e-mail: kbunevich@muiv.ru

Московский университет имени С.Ю. Витте, 115432, 2-й Кожуховский проезд, 12с1, г. Москва, Россия

Аннотация

В настоящее время, когда мировая экономика постепенно трансформируется в низкоуглеродную, критерий устойчивого развития «зеленой» экономики становится все более решающим фактором конкурентоспособности государства. При этом агрессивное развитие бизнеса, особенно в отношении кредитования и инвестирования, часто противостоит вопросам защиты окружающей среды. Целью статьи является исследование практики «зеленых» финансов в развитых странах и выявление перспектив развития в Российской Федерации. В работе были использованы методы системного и критического анализа, графического метода. Выявлено, что зарубежные развитые страны активно совершенствуют законодательство и внедряют механизмы «зеленого» финансирования. Эти процессы протекают не всегда гладко — требуется время на их адаптацию, развитие, но «зеленых» финансовых инструментов становится все больше, мировая финансовая система постепенно меняется. Установлено, что процессы «зеленого» энергоперехода должны иметь устойчивый, но плавный характер, в противном случае, всегда есть риск получения совершенно неожиданного негативного результата. Выявлено, что у России есть все необходимые ресурсы для построения новой, более экологичной экономики за счет «зеленого» финансирования. Но переход к устойчивому развитию, улучшение инфраструктуры и развитие экологически чистых отраслей невозможно без активного вмешательства государства и изменения в самосознании россиян.

Ключевые слова: «зеленые» финансы, «зеленые» облигации, устойчивое развитие экономики, финансирование экологических проектов, инструменты «зеленого» финансирования, низкоуглеродная экономика, ответственное инвестирование, экологически ответственный бизнес

Цитирование: Горбачева Т.А., Буневич К.Г. Анализ практики «зеленых» финансов в Соединенных Штатах Америки, Великобритании и Российской Федерации // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 29–37. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-29-37



Green finance in the United States of America, United Kingdom and Russian Federation: practice analysis

Tatiana A. Gorbacheva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof at the Financial Accounting Department
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3287-6440>, e-mail: t-gorbacheva@bk.ru

Konstantin G. Bunevich

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof at the Financial Accounting Department
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6844-0377>, e-mail: kbunevich@muiv.ru
Moscow Witte University, 12s1, 2nd Kozhukhovskii pr-d, Moscow 115432, Russia

Abstract

Now, when the world economy is gradually transforming into a low-carbon one, the criterion of sustainable development of the green economy is becoming an increasingly decisive factor in the competitiveness of the state. Another aspect of relevance is the fact that aggressive business development, especially in terms of lending and investment, often opposes environmental protection issues. The purpose of this article is to study the practice of green finance in developed countries and identify development prospects in the Russian Federation. The methods of system and critical analysis, as well as graphical method were used in the work. It is revealed that foreign developed countries are actively improving legislation and introducing mechanisms of green financing. These processes do not always occur smoothly, it takes time to adapt and develop them, but there are more and more green financial instruments, the global financial system is gradually changing. It has been established that the processes of green energy transfer should have a steady but smooth character, otherwise there is always a risk of getting a completely unexpected negative result. It has been revealed that Russia has all the necessary resources to build a new, more environmentally friendly economy through green financing. But the transition to sustainable development, improvement of infrastructure and environmentally friendly industries is impossible without the active intervention of the state and changes in the self-consciousness of Russians.

Keywords: green finance, green bonds, sustainable economic development, environmental projects financing, green financing instruments, low-carbon economy, responsible investment, environmentally responsible business

For citation: Gorbacheva T.A., Bunevich K.G. (2022) Green finance in the United States of America, United Kingdom and Russian Federation: practice analysis. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 29–37. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-29-37



Введение / Introduction

Трансформация мировой финансовой системы и глобальные изменения климата, экологии не оставляют выбора практически ни одной крупной экономике, ни одному государству мира — игнорировать происходящие изменения попросту становится невозможным. Человечество в новом тысячелетии столкнулось с целым рядом проблем, имеющих общемировое значение.

Правительства многих стран, общественные институты, население обеспокоены изменениями климата, нарушением экологии на всех континентах планеты. Причинами изменения климата является деятельность человека, приводящая к огромным выбросам в окружающую среду продуктов жизнедеятельности, промышленного производства¹. Поэтому правительства многих стран принимают меры по защите окружающей среды, снижению выбросов в атмосферу углекислого газа, повышению энергоэффективности производств, стимулированию перехода на экологически чистые и возобновляемые источники энергии.

Постановка проблемы / Problem statement

Проанализировав литературные источники, авторы пришли к выводу, что направление «зеленых» финансов достаточно «молодое», относительно времени функционирования мировой финансовой системы, и представляет особый интерес. Датой начала «экологизации» международной кредитно-финансовой системы является 1989 г.², именно тогда была внедрена и закреплена практика Всемирного банка по проведению оценки воздействия на окружающую среду. Что касается непосредственно «зеленых» финансов, то, например, первые «зеленые» облигации были эмитированы международными банками развития в 2007–2008 гг.³, что послужило точкой отсчета для функционирования рынка «зе-

леных» финансовых инструментов. Особенно остро этот вопрос стоит в настоящее время на фоне разворачивающегося энергетического кризиса. Указанные факторы предопределили объект и предмет исследования, а также его цель и задачи.

Рынок «зеленых» финансовых инструментов США / The US market of green financial instruments

Рынок «зеленых» финансовых инструментов США является самым крупным в мире по объему эмиссии «зеленых» облигаций, доля выпуска которых составляет одну пятую часть всего мирового рынка. Но наряду с этим доля американской валюты продолжает постепенно сокращаться в структуре «зеленых» облигаций. Основными направлениями «зеленого» инвестирования в США по-прежнему остаются отрасли, вызывающие наибольшие опасения в плане экологических проблем, такие как транспорт, энергетика, водопользование, строительство [Stern, 2008].

Несмотря на мировое лидерство США по объемам выпуска «зеленых» облигаций, внутри самой страны они составляют не более 0,1 % от общего объема выпусков облигационных займов, причем данная тенденция сохраняется на протяжении нескольких лет [Banga, 2019].

Вместе с тем исторически США являются также и мировым лидером по величине выбросов углекислого газа в атмосферу⁴, оставляют второй по величине после Китая экологический след, в общем и целом, имеют очень сильное негативное влияние на состояние окружающей среды не только на своей территории, но также по всему миру. Логично предположить, что такой стране должны быть присущи и лидирующие позиции по интенсивности развития «зеленого» финансирования, экологически ответственного бизнеса, но на практике дела обстоят не совсем так, как должно быть [Steffen et al., 2018]. Основными причинами такого положения дел являются:

- отсутствие регулярности в размещениях «зеленых» облигаций;
- отсутствие государственных стандартов для «зеленых» облигаций,
- низкие уровни осведомленности и доверия со стороны управляющих компаний и инвесторов относительно «зеленых» долговых бумаг;

1 *Forbes* (Четверг 12 авг. 2021). Состав потепления: как ученые доказали решающую роль человека в изменении климата. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/437233-sostav-potepleniya-kak-uchenye-dokazali-reshayushchuyu-rol-cheloveka-v-izmenenii> (дата обращения: 21.07.2022).

2 *Министерство финансов Российской Федерации* (2016). Отчет о научно-исследовательской работе. Режим доступа: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/06/main/2016_Final_report.pdf (дата обращения: 21.07.2022).

3. *Экспертно-аналитическая платформа «Инфраструктура и финансы устойчивого развития Infragreen»* (2021) Зеленые финансы Евразии-2020: сборник. Режим доступа: https://infragreen.ru/frontend/images/PDF/INFRAGREEN-Zelenye_finansy_Evrazii-2020.pdf (дата обращения: 21.07.2022).

4 *Carbon Brief* (2021). Analysis: Which countries are historically responsible for climate change? Режим доступа: <https://www.carbonbrief.org/analysis-which-countries-are-historically-responsible-for-climate-change> (дата обращения: 05.07.2022).

- отсутствие конкурентных преимуществ в отношении прибыльности по сравнению с традиционными финансовыми инструментами.

На рынке «зеленых» финансов США до сих пор нет единого понимания степени важности экологических проблем для государства и общества. Например, бывший президент Соединенных Штатов Барак Обама в 2015 г. вступил в Парижское соглашение, направленное на снижение темпов глобального изменения климата, но уже в 2017 г. следующий американский президент Дональд Трамп объявил о выходе из данного соглашения, а в январе 2021 г. очередной глава Белого дома Джоозеф Байден снова заявил о возвращении США к обязательствам Парижского соглашения по климату.

Подобные трудности в нахождении общих интересов в направлении развития «зеленого» финансирования присутствуют во многих сферах политической и общественной жизни США, что не добавляет решимости инвесторам и частным компаниям вкладывать свои средства в этом направлении.

Одной из проблем «зеленых» финансов в США является также особый режим налогообложения дохода, получаемого по облигациям муниципальных образований. Муниципалитеты привержены не только получению финансовой выгоды, но и заинтересованы в экологической эффективности реализуемых проектов — именно это является основным побудительным фактором к эмиссии именно «зеленых» облигаций [Хмыз, 2019]. Но в США такой тип ценных бумаг практически полностью освобожден от уплаты подоходного налога (около 80 % всего объема выпусков не подлежат налогообложению), в связи с чем этот рынок долговых бумаг имеет ряд ограничений для иностранных инвесторов [Леонова, 2021].

Вместе с тем крупнейший в мире финансовый рынок США активно развивается в относительно новом направлении «зеленого» финансирования. Выпуском «зеленых» облигаций начинают интересоваться крупнейшие международные компании. Холдинг Alphabet — владелец Google — в 2020 г. выпустил «зеленые» облигации на сумму 5,75 млрд долл. США, компания Apple в марте 2021 г. выпустила «зеленые» облигации в объеме 4,7 млрд долл. США, компания Amazon в 2021 г. выпустила свои первые облигации устойчивого развития, направленные на привлечение 1 млрд долл. США для инвестиций в возобновляемые источники энергии, чистый транспорт, экологически чистые здания и доступное жилье⁵. Но при этом основная роль

развития корпоративного «зеленого» долга принадлежит внутренним компаниям Соединенных Штатов: по данным Инициативы по климатическим облигациям (англ. Climate Bonds Initiative, CBI), крупнейшим эмитентом «зеленого» долга в 2020 г. была Fannie Mae крупнейшее американское ипотечное агентство с объемом выпуска в 13,0 млрд долл. США долговых ценных бумаг, обеспеченных «зеленой» ипотекой, то есть используемых для финансирования ипотечных кредитов, выданных на недавно построенные многоквартирные дома, имеющие «зеленый» сертификат соответствия⁶. Другими крупными эмитентами «зеленых» облигаций являются операторы городского транспорта, такие как Metropolitan Transportation Authority в Нью-Йорке и в Лос-Анджелесе.

В США роль государства в развитии «зеленых» финансов весьма незначительна. Каких-либо регулирующих законов федерального уровня пока не существует, в основном государственная политика регулирования рынка «зеленых» финансов касается отдельных регионов с включением их в определенные программы развития, финансируемые посредством «зеленых» облигаций. Каждый штат вправе сам выбирать основные направления политики в отношении «зеленых» облигаций. Кроме того, критериев классификации «зеленых» облигаций на государственном уровне не разработано, их оценку проводят независимые международные эксперты [Тутеева, 2020].

В США до сих пор имеются противоречия касательно проводимой экологической политики, но общемировая тенденция на «озеленение» финансовой системы на международном уровне задана, она активно развивается, и крупнейшая экономика планеты не остается в стороне от происходящих трансформаций. Финансовый рынок, в том числе рынок «зеленых» облигаций США, является крупнейшим и представляется весьма перспективным как для внутренних инвесторов, так и для иностранных. Пока еще «зеленые» облигации в США находятся на стадии становления и не играют ключевой роли в развитии экономики государства [Киселева, 2021].

effibenmelech/2021/06/02/how-green-are-green-bonds/ (дата обращения: 22.07.2022).

⁶ *Climate Bonds Initiative* (2020). Sustainable debt global state of the market 2020. Режим доступа: https://www.climatebonds.net/files/reports/cbi_sd_sotm_2020_04d.pdf (дата обращения: 22.07.2022).

⁵ Benmelech E. (Wednesday 02 June 2021). How Green Are Green Bonds? // *Forbes*. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/>

«Зеленые» финансовые инструменты Великобритании / United Kingdom green financial instruments

Великобритания является мировым лидером по приверженности идеям перехода на эффективную низкоуглеродную экономику. Национальный план такого перехода в Великобритании действует с 2008 г., в соответствии с ним страна обязуется сократить выбросы углекислого газа на 57 % до 2028–2032 гг. относительно уровня выбросов 1990 г., а к 2050 г. — достичь снижения до 80 %. На текущий момент Великобритании удалось сократить выбросы углекислого газа уже более чем на 40 % при росте экономики на 2/3 за тот же период⁷.

Власти Великобритании прекрасно понимают, что без развития системы «зеленых» финансов осуществить масштабные планы по улучшению климата и экологии не получится.

В Великобритании в 2012 г. открылся Green Investment Bank — первый в мире банк, предназначенный для «зеленого» финансирования. В 2016 г. в стране появился Лондонский фонд «зеленых» финансов. В 2017 г. создана Целевая группа по «зеленым» финансам (англ. Green Finance Taskforce). Деятельность этих организаций направлена на совершенствование механизмов «зеленого» финансирования, привлечения капитала всех уровней и достижение поставленных целей. Особенное внимание уделяется привлечению частного капитала для инвестиций в низкоуглеродные технологии и инфраструктуру⁸.

Лондон в 2019 г. был признан лучшим в мире финансовым центром по качеству предлагаемых финансовых услуг «зеленого» финансирования. Но в некоторых позициях страна все же не всегда удерживает мировое лидерство: в 2019 г. Великобритания не попала в рейтинг 15 лучших стран по выпуску «зеленых» облигаций, хотя впоследствии ей удалось попасть в этот список по объему выпуска. По итогам первого полугодия 2021 г. Великобритания оказалась на 14-м месте⁹.

⁷ Christaen C. (2019). The UK Government's Green Finance Strategy and the Opportunity for Geospatial Solutions // Satellite Applications Catapult. Режим доступа: <https://sa.catapult.org.uk/blogs/the-uk-governments-green-finance-strategy-and-the-opportunity-for-geospatial-solutions/> (дата обращения: 16.06.2022).

⁸ Hussain T. (Wednesday 2 February 2022), The Environment and Climate Change Law Review: United Kingdom // LawReviews. Режим доступа: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-environment-and-climate-change-law-review/united-kingdom> (дата обращения: 06.06.2022).

⁹ HM Government — Официальный сайт правительства Великобритании (2019). Green finance strategy. Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/820284/190716_BEIS_Green_Finance_Strategy_Accessible_Final.pdf (дата обращения: 06.06.2022).

Великобритания принимает участие в различных инициативах как регионального, так и международного масштаба, таких как Парижское соглашение 2015 г., Система торговли выбросами Европейского Союза (далее — ЕС), ряде программ по снижению углеродного следа. Даже несмотря на выход из ЕС (так называемый Brexit), на территории Великобритании по-прежнему действуют некоторые законодательные акты Европейского Союза, касающиеся «Плана действий по устойчивому финансированию ЕС» (англ. EU Sustainable Finance Action Plan) и направленные на поддержку ESG-инвестиций (англ. environmental, social and governance — экология, социальная политика и корпоративное управление)¹⁰.

В июле 2019 г. правительство страны представило Green Finance Strategy («Зеленую финансовую стратегию», далее — Стратегия), в которой признается роль финансов в достижении общемировых и внутренних климатических и экологических целей. Предыдущим основным документом, регламентирующим государственную деятельность в области вопросов изменения климата и защиты окружающей среды, был «Закон о защите окружающей среды» 2008 г.

Рассмотрим содержание и цели «Зеленой финансовой стратегии». Документ представляет собой результат совместной плодотворной работы правительства, регулирующих органов и частного сектора в направлении развития «зеленых» финансов. Стратегия содержит две основные цели и три ключевых пути их достижения.

Цели Стратегии заключаются в приведении финансовых потоков частного сектора в соответствие с чистым, экологически устойчивым и стабильным ростом при поддержке правительства страны, а также в повышении конкурентоспособности финансового сектора Великобритании¹¹.

Три основных направления Стратегии 2019 г. включают в себя:

- «озеленение» финансов;
- «зеленое» финансирование;
- использование коммерческих возможностей.

«Озеленение» финансов (англ. greening finance) подразумевает обеспечение устойчивости рынков «зеленых» финансовых продуктов, а также гарантию

¹⁰ Кондратенко М. (Вторник 14 июня. 2022). ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать // РБК Тренды. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения: 16.07.2022).

¹¹ Devlin C. (Thursday 15 August 2019). Launch of the UK Government Green Finance Strategy // Brodies LLP. Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=d123d080-eb7a-4f9c-b66b-67d0f4ebf942> (дата обращения: 10.07.2022).

тесной связи климатических и экологических факторов с процессами принятия основных решений в финансовой сфере¹².

«Зеленое» финансирование (англ. *financing green*) заключается в мобилизации и увеличении темпов частного финансирования в ключевые секторы охраны окружающей среды, экологически чистого роста как внутри страны, так и на международном уровне, в разработке долгосрочной политики «зеленого» финансирования, упрощении доступа к «зеленым» финансовым инструментам¹³.

Использование коммерческих возможностей (англ. *capturing the opportunity*) предполагает охват финансовыми услугами Великобритании возможностей по использованию коммерческих предложений как внутри страны, так и за рубежом, возникающих в результате «озеленения» финансов.

В Стратегии изложены действия, которые Великобритания намерена предпринять в ближайшие годы для ускорения роста «зеленого» финансирования как внутри страны, так и за рубежом с целью стимулирования экономического роста в реальной экономике в период больших перемен и появления новых возможностей. Стратегия поддерживает экономическую политику Великобритании, направленную на сильный, устойчивый и сбалансированный рост и реализацию ее современной промышленной стратегии. Великобритания остается в авангарде глобальных усилий по борьбе с изменением климата и защите окружающей среды, одновременно повышая конкурентоспособность сектора финансовых услуг, в том числе «зеленых» [Ермакова, 2020].

Великобритания добилась значительных успехов в борьбе с изменением климата за счет активной работы государства в этом направлении, но все же выход из состава ЕС и довольно посредственная активность частного капитала на международном рынке «зеленых» финансов в значительной мере осложняют развитие международного сотрудничества в данной сфере, даже несмотря на наличие развитой финансовой инфраструктуры страны [Carney, 2019].

Рынок «зеленых» финансовых инструментов России / Green financial instruments market in the Russian Federation

Россия, как одно из крупнейших государств планеты, следует общемировым тенденциям в направлении устойчивого развития, которые затрагивают вопросы экологических и климатических преобразований, а также реорганизации финансовой системы, перехода к «зеленой» экономике.

Специфика российской экономики заключается в ее ресурсоориентированности и наполняемости бюджета главным образом за счет сырьевого экспорта, что в текущих условиях общемировых тенденций экологизации, конечно, весьма архаично. Со стороны государства уже есть понимание необходимости осуществления значительных перемен, касающихся области «зеленых» инвестиций и создания экологически чистых производств [Боркова, 2020]. России необходимо увеличивать темпы включения в общемировой процесс «озеленения» экономики, чтобы не оказаться за пределами границ качественного развития в условиях современного энергоперехода с ископаемых источников энергии на более экологичные, в том числе возобновляемые.

Правительства 132 стран, производящих 82 % всех выбросов в окружающую среду, уже разработали и приняли к действию национальные программы и инициативы по развитию «зеленого» финансирования¹⁴. Безусловно, если процесс становления нормативно-правовой межгосударственной базы в этой области пройдет мимо Российской Федерации, то в конечном итоге ей все равно придется принять разработанные нормы и правила, но на условиях, навязанных другими государствами. Властям страны необходимо ускорить процесс по налаживанию взаимодействия с другими государствами в области становления «зеленой» финансовой системы¹⁵. К сожалению, Россия практически не имеет своих представительств в крупнейших международных организациях, занимающихся развитием «зеленых» финансов, социально-ответственным инвестированием, и эта проблема, безусловно, требует скорейшего решения со стороны государства и национальных участников финансовой системы [Яковлев и др., 2021].

¹² Ehlers T., Gao D., Packer F. (2021). A taxonomy of sustainable finance taxonomies // Bank for international settlements Paper. № 118. Режим доступа: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bisap118.pdf> (дата обращения: 02.08.2022).

¹³ Volz U. (2017). On the Role of Central Banks in Enhancing Green Finance // UNEP Inquiry: Design of a Sustainable Financial System. Режим доступа: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2017/02/On_the_Role_of_Central_Banks_in_Enhancing_Green_Finance.pdf (дата обращения: 02.08.2022).

¹⁴ Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. Зеленые финансы: повестка дня для России. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/51270/diagnostic_note.pdf (дата обращения: 20.07.2022). Далее – Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России.

¹⁵ Ehlers T., Gao D., Packer F. (2021). A taxonomy of sustainable finance taxonomies // Bank for international settlements Paper. № 118. Режим доступа: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bisap118.pdf> (дата обращения: 02.08.2022).

Также российскому финансовому рынку свойственна недостаточная развитость, относительно невысокая капитализация и рыночная ликвидность финансовых инструментов. Мировой финансовый рынок в настоящий момент трансформируется в новую экосистему глобальных финансов, основу которой составляют факторы ESG, а частные инвесторы, национальные институты и международные организации все больше внимания уделяют появлению «зеленых» финансовых инструментов [Рубцов, Аненнская, 2019].

В последнее время государство активно разрабатывает нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность рынка «зеленых» инвестиций в России, в свою очередь, со стороны потенциальных инвесторов — крупнейших компаний — к этому процессу также начинает проявляться интерес.

В 2019 г. Указом Президента Российской Федерации утверждена «Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации» (далее — Доктрина), в которой признается все возрастающая роль «зеленых» технологий, финансов¹⁶. Вместе с тем в ней отражены и угрозы, возникающие со стороны отдельных государств, выражающиеся в ущемлении интересов топливно-энергетических компаний России на международном рынке путем изменений, вносимых в нормативно-правовые документы международного значения и касающихся регулирования сферы энергетики, в том числе под предлогом следования экологической и климатической политике. Также к внешнеполитическим рискам для российской энергетической безопасности в Доктрине отнесена концентрация усилий по ускоренному переходу к «зеленой экономике» в рамках реализации климатической политики на международном уровне. Таким образом, политика ускоренного перехода к «зеленым» финансам при поспешной ее реализации может являться политическим оружием развитых государств против развивающихся стран, экономика которых не может перестроиться столь кардинальным образом за короткий промежуток времени.

По примеру других крупнейших стран-участниц Россия в 2019 г. ратифицировала Парижское соглашение по климату, обязуясь сокращать вредные выбросы в атмосферу.

Государственными министерствами и ведомствами в настоящий момент ведется активная работа по разработке различных плановых и стратегических документов в области развития «зеленых» технологий, защиты окружающей среды, в том числе и по развитию «зеленых» финансов. Основной вклад в разработку правовых основ «зеленого» финансирования вносит Министерство экономического развития Российской Федерации¹⁷.

Участниками рынка «зеленых» финансов в России являются национальные институты развития, коммерческие банки и страховые компании, эмитенты «зеленых» облигаций, Московская биржа, организации экспертизы и сертификации, советы, экспертные группы и общественные организации [Гаврилова, 2020].

Одним из ведущих национальных институтов развития является Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» (до 2018 г. — Внешэкономбанк), для которой был утвержден Меморандум о финансовой политике, в нем одним из основных направлений инвестиционной деятельности указано развитие «зеленой» экономики¹⁸.

ПАО «Сбербанк» является системообразующим банком России и инициатором развития рынка «зеленых» облигаций, кредитных структурированных нот с экологической составляющей, а также совершенствования правовых основ в области выпуска «зеленых» облигаций, управления рисками «зеленого» инвестирования.

Рынок «зеленых» облигаций в России находится в начальной стадии своего развития [Семенова, 2019]. На сегодняшний день эмитентами «зеленых» облигаций являются: ООО «Ресурсосбережение ХМАО» — один выпуск объемом 1,1 млрд руб., ОАО «РЖД» — два выпуска еврооблигаций объемом 500 млн евро (размещены на Ирландской бирже) и объемом 250 млн швейцарских франков (размещены на Швейцарской бирже), один выпуск российских облигаций объемом 100 млрд руб., ПАО КБ «ЦентрИнвест» — два выпуска объемом 0,25 млрд руб. и 0,30 млрд руб., АО «Коммерческая недвижимость ФПК «ГарантИнвест» — два выпуска с капитализацией 0,5 млрд руб. каждый, ООО «СФО РуСол 1» — выпущены 3 класса облигаций суммарным

¹⁷ Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России.

¹⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10.08.2021 № 2208-р «Об утверждении Меморандума о финансовой политике государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402517576/> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <https://base.garant.ru/72240884/> (дата обращения: 20.07.2022).

объемом в 5,7 млрд руб., ООО «Транспортная концессионная компания» — пять выпусков разного класса на сумму 11,9 млрд руб. В мае 2021 г. впервые на Московской бирже разместился субъект Российской Федерации — г. Москва, объем размещения составил 70 млрд руб¹⁹.

Практически все размещения «зеленых» облигаций происходят на площадке Московской биржи, за исключением двух выпусков еврооблигаций ОАО «РЖД», размещенных на Ирландской и Швейцарской биржах. Самой ранней датой размещения «зеленых» облигаций на внутреннем рынке является 27 сентября 2016 г. (ООО «Транспортная концессионная компания»), первое размещение «зеленых» долговых инструментов на зарубежной площадке осуществило ОАО «РЖД» 23 сентября 2019 г. Но стоит отметить, что в России пока еще не существует даже самых общих стандартов отнесения облигаций к категории «зеленых».

Крупнейший российский биржевой холдинг — Московская Биржа — является важнейшей российской площадкой для развития «зеленой» финансовой системы, на текущий момент она имеет все инструменты для допуска «зеленых» облигаций к торгам, но не обладает возможностями экспертной оценки «зелености» облигаций.

Российские организации, осуществляющие экспертную и сертификационную деятельность, специализируются на экологических проектах, оценке, разработке экологической сертификации в области строительства. Это такие организации, как эколого-энергетическое рейтинговое агентство «Интерфакс-ЭРА», Аналитический центр НРА, национальное рейтинговое агентство АК&М, некоммерческое партнерство «Центр экологической сертификации — Зеленые стандарты».

Заключение / Conclusion

Подводя итоги, стоит отметить, что спрос на «зеленые» инвестиционные продукты стремительно растет. В основном он связан с акцентом инвесторов на финансовых рынках с фиксированной доходностью. Но вместе с тем растет и обеспокоенность, что в связи с появлением нового класса активов, может развиваться пузырь, если только не будет обеспечена рыночная прозрачность. Для этого крупнейшие экономики США и Великобритании, задающие тон в темпах и объемах «зеленого» финансирования, и совершенствуют свою нормативно-правовую базу.

Следует подчеркнуть, что энергетический переход, «озеленение» мировой финансовой системы это тенденции XXI в., требующие колоссальных усилий и ресурсов на международном и межгосударственном уровне. Эти процессы необратимы, они жизненно необходимы, человечество не может продолжать бесконтрольно потреблять и истощать конечные ресурсы планеты без наступления пагубных последствий. Особенно сложно угнаться за глобальными переходными процессами будет развивающимся экономикам, к которым также относится и экономика Российской Федерации.

Россия находится в самом начале пути развития «зеленых» финансов, количество эмитентов, разместивших «зеленые» облигации, можно пересчитать по пальцам, но понимание необходимости трансформации традиционной экономики у правящих кругов есть, появляются соответствующие программы и стратегии развития, организации. Климатическая повестка пока еще не прочно вписалась в политику социально-экономического развития. Не сформирована полноценная институциональная среда климатического финансирования. Решение вопросов, в первую очередь, законодательного, нормативно-правового характера, разработка государственной стратегии по климатической повестки, разработка и реализация финансовых программ для поддержки и стимулирования «зеленых» инвестиционных проектов, выпуск государственных «зеленых» облигаций по международным стандартам поспособствуют развитию «зеленой» экономики и рынка «зеленых» финансовых инструментов в Российской Федерации.

¹⁹ Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России.

Список литературы

- Боркова Е.А. (2020). Политика устойчивого развития и управление «зеленым» ростом // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 3. С. 16–18.
- Гаврилова Э.Н. (2020). «Зеленое» финансирование в России: специфика, основные инструменты, проблемы развития // Вестник Московского университета имени С.Ю.Витте. Серия 1: Экономика и управление. № 2 (33). С. 48–54. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-2-48-54>
- Ермакова Е.П. (2020). «Зеленая финансовая стратегия» Великобритании 2019 г. — программный документ в области «зеленого финансирования» // Образование и право. № 9. С. 333–339. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10953>
- Киселева Е.Г. (2021). «Зеленые облигации»: тенденции на мировом рынке и в России // Мировая экономика и международные отношения. № 2. С. 62–70. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-62-70>
- Леонова К.С. (2021). Рынок «зеленых» облигаций в мировой экономике // Инновации. наука. Образование. № 26. С. 407–412.
- Рубцов Б.Б., Аненская Н.Е. (2019). «Зеленые» облигации — особый инструмент в создании дорожной карты «зеленых» финансов (мнение экспертов финансового университета) // Банковские услуги. № 11. С. 2–9. https://doi.org/10.36992/2075-1915_2019_11_2
- Семенова Н.Н. (2019). «Зеленая экономика»: новые подходы к финансированию // Финансовая жизнь. № 2. С. 30–35.
- Тутеева В.М. (2020). Рынок «зеленых» облигаций: зарубежный и российский опыт // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 10, № 2-1. С. 274–280.
- Хмыз О.В. (2019). Международный опыт выпуска «зеленых» облигаций // Экономика. Налоги. Право. Т. 12, № 5. С. 132–141. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-5-132-141>
- Яковлев И.А., Калибр Л.С., Никулина С.И. (2021). Организация климатического финансирования в России на основе международного опыта // Экономика. Налоги. Право. Т. 14, № 4. С. 30–39. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-4-30-39>
- Banga J. (2019). The green bond market: a potential source of climate finance for developing countries // Journal of Sustainable Finance and Investment. No. 9(1). Pp. 17–32. <http://dx.doi.org/10.1080/20430795.2018.1498617>
- Carney M. (2019). Fifty shades of green // Finance & Development magazine. V. 56, no. 4. Pp. 12–15.
- Steffen W., Rockström J., Richardson K., Lenton T.M., Folke C., Liverman D., Summerhayes C.P. (2018). Trajectories of the Earth System in the Anthropocene // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. No. 115(33). Pp. 8252–8259. <https://doi.org/10.1073/pnas.1810141115>
- Stern N. (2008). The Economics of Climate Change // American Economic Review. V. 98, no. 2. Pp. 1–37. <https://doi.org/10.1257/aer.98.2.1>

References

- Borkova E.A. (2020), “Sustainable policy and green growth management”, *Izvestiya SPbGEU*, no. 3, pp. 16–18.
- Gavrilova E.N. (2020), ““Green” financing in Russia: specific features, basic tools, problems of development”, *Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*, no. 2 (33), pp. 48–54, <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-2-48-54>
- Ermakova E.P. (2020), “UK green finance strategy 2019 — green finance policy paper”, *Education and law*, no. 9, pp. 333–339, <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10953>
- Kiseleva E.G. (2021), “Green bonds: new trends in the global market and opportunities for the Russian economy”, *World economy and international relations*, no. 2, pp. 62–70. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-62-70>
- Leonova K.S. (2021), “The market of “green” bonds in the world economy”, *Innovations. Science. Education*, no. 26, pp. 407–412.
- Rubtsov B.B., Anenskaya N.E. (2019), “Green bonds as a special instrument in developing a green finance road map (the position of the experts of financial university)”, *Banking services*, no. 11, pp. 2–9, https://doi.org/10.36992/2075-1915_2019_11_2
- Semenova N.N. (2019), ““Green economy”: new approaches to financing”, *Financial life*, no. 2, pp. 30–35.
- Tuteeva V.M. (2020), “Green bonds market: foreign and Russian experience”, *Economics. Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 10, no. 2-1, pp. 274–280
- Khmyz O.V. (2019), “International experience of green bonds issue”, *Economy. Taxes. Law*, vol. 12, no. 5, pp. 132–141, <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-5-132-141>
- Yakovlev I.A., Kalibr L.S., Nikulina S.I. (2021), “Organization of climate finance in Russia based on international experience”, *Economy. Taxes. Law*, vol. 14, no. 4, pp. 30–39, <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-4-30-39>
- Banga J. (2019), “The green bond market: a potential source of climate finance for developing countries”, *Journal of Sustainable Finance and Investment*, no. 9(1), pp. 17–32, <http://dx.doi.org/10.1080/20430795.2018.1498617>
- Carney M. (2019), “Fifty shades of green”, *Finance & Development magazine*, vol. 56, no 4, pp. 12–15.
- Steffen W., Rockström J., Richardson K., Lenton T.M., Folke C., Liverman D., Summerhayes C.P. (2018), “Trajectories of the Earth System in the Anthropocene”, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, no. 115(33), pp. 8252–8259. <https://doi.org/10.1073/pnas.1810141115>
- Stern N. (2008), “The Economics of Climate Change”, *American Economic Review*, vol. 98, no. 2, pp. 1–37, <https://doi.org/10.1257/aer.98.2.1>

Внутриструктурные процессы учета и контроля финансовых результатов как инструмент повышения эффективности управления дебиторской задолженностью

Федоров Алексей Васильевич

Аспирант, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6522-3983>, e-mail: alexfedorov@mail.ru

Рогоуленко Татьяна Михайловна

Д-р экон. наук, проф. каф. бухгалтерского учета, аудита и налогообложения

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1027-1248>, e-mail: tmguu@mail.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы организации и внедрения внутриструктурных процессов учета и контроля финансовых результатов как инструмента повышения эффективности управления дебиторской задолженностью на предприятиях фармацевтической отрасли. Для удовлетворения требований рынка к качеству выпускаемой продукции руководству необходимо не только повышать уровень технологичности производства, но и решать вопросы повышения эффективности управления предприятием, направленного на достижение запланированных величин финансовых результатов. Ключевую роль в выборе управленческого решения играет организация на предприятии механизмов сбора, обработки и хранения производственной информации, а также разработка алгоритмов учета и контроля показателей деятельности предприятия. Наличие на предприятии источников систематизированной информации служит обоснованием выбора той или иной стратегии управления. Достижение поставленных задач руководством предприятия обеспечивается не только качеством принятия управленческих решений, но и внедрением механизмов внутриструктурных процессов учета и контроля. Приводится обоснование значимости работы по управлению дебиторской задолженностью в построении эффективного управления предприятием и достижении наибольшей результативности деятельности предприятия. Особое внимание в статье уделено важности осуществления бухгалтерского и управленческого учетов, а также контроля ключевых параметров деятельности предприятия, позволяющих выявить причины возникающих отклонений фактических параметров от базовых и выработать рекомендации по корректировке реализованного управляющего воздействия на внутриструктурные процессы предприятия. По мнению авторов, рассмотренный механизм построения и организации функционирования внутриструктурных процессов учета и контроля финансовых результатов обеспечивает принятие оперативных управленческих решений, своевременное выявление и нивелирование отклонений, что позволяет преодолеть кризисные ситуации и минимизировать негативное воздействие внешних и внутренних факторов на предприятие.

Ключевые слова: финансовые результаты, управление, контроль, учет, плановые показатели, внутриструктурные процессы, контрольные параметры, дебиторская задолженность, оперативное управление, управляющее воздействие, производственная информация

Цитирование: Федоров А.В., Рогоуленко Т.М. Внутриструктурные процессы учета и контроля финансовых результатов как инструмент повышения эффективности управления дебиторской задолженностью // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 38–47. DOI: [10.26425/2309-3633-2022-10-3-38-47](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-38-47)



Received: 28.07.2022

Revised: 31.08.2022

Accepted: 09.09.2022

Intra-structural processes of accounting and financial results control as a tool for improving the efficiency of accounts receivable management

Alexey V. Fedorov

Postgraduate Student, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6522-3983>, e-mail: alexfedorov@mail.ru

Tatiana M. Rogulenko

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Accounting, Auditing and Taxation Department

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1027-1248>, e-mail: tmguu@mail.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The article deals with the organization and implementation of intra-structural processes of accounting and control of financial results as a tool to improve the efficiency of accounts receivable management at pharmaceutical enterprises. In order to meet the requirements of the market for the quality of products, the management needs not only to increase the level of manufacturability of production, but also to solve the issues of improving the efficiency of enterprise management aimed at achieving the planned values of financial results. A key role in choosing a management decision is played by the organization of mechanisms for collecting, processing and storing production information at the enterprise, the development of algorithms for accounting and control of enterprise performance indicators. The availability of systematized information sources at the enterprise serves as a justification for the choice of a particular management strategy. The achievement of the tasks set by the management of the enterprise is ensured not only by the quality of managerial decision-making, but also by the introduction of mechanisms of internal accounting and control processes. The authors substantiate the importance of accounts receivable management in building effective enterprise management and achieving the greatest efficiency of the enterprise. Special attention in the article is paid to the importance of accounting and management accounting, as well as control of key parameters of the company's activities, which allow to identify the causes of deviations of actual parameters from the basic ones and to develop recommendations for adjusting the implemented control influence on the internal processes of the enterprise. According to the authors, the considered mechanism for building and organizing the functioning of intra-structural processes for accounting and controlling financial results ensures the adoption of operational management decisions, the timely identification and leveling of deviations, which makes it possible to overcome crisis situations and minimize the negative impact of external and internal factors on the enterprise.

Keywords: financial results, management, control, accounting, planned indicators, intra-structural processes, control parameters, accounts receivable, operational management, management impact, production information

For citation: Fedorov A.V., Rogulenko T.M. (2022) Intra-structural processes of accounting and financial results control as a tool for improving the efficiency of accounts receivable management. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 38–47. DOI: [10.26425/2309-3633-2022-10-3-38-47](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-38-47)



Введение / Introduction

Фармацевтический рынок в России входит в число самых быстрорастущих и привлекает внимание многих иностранных и отечественных инвесторов и аналитиков. Реализация инновационных процессов, применение фундаментальных исследований в производственной плоскости стали визитной карточкой этого направления отраслевой деятельности [Репринцева, 2017]. Все больше отечественных фармацевтических компаний выходят на международный рынок, что свидетельствует о признании российской фармацевтики и позитивно влияет на привлекательность как отдельно взятых компаний, так и отрасли в целом. Стремление к снижению импорта фармацевтической продукции и производству отечественных препаратов нацелено на обеспечение современными качественными лекарственными средствами российского потребителя и на решение вопроса импортозамещения.

Производство товаров как для людей, так и для животных возлагает на фармацевтические компании высокую ответственность за качество предлагаемой рынку продукции. Безопасность ставится во главу угла и обязывает ориентировать все производственные процессы на сохранение здоровья и окружающей среды. Особенности контроля и учета в фармацевтических компаниях продиктованы жестким государственным регулированием производства и продажи лекарственных препаратов, а также ограниченным сроком их использования. Эти факторы обуславливают ведение подробной аналитики расходов по каждому препарату, как в процессе его разработки, так и при реализации. В соответствии с пп. 47 п.1 ст. 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», на фармацевтическую деятельность распространяется требование проведения лицензирования¹. Получение лицензии означает соответствие предприятия установленным требованиям по выпуску лекарственных средств, их хранению, перевозке и реализации.

Повышение требований к качеству фармацевтической продукции, переход на более высокий уровень производимых лекарственных средств определяет необходимость внедрения высокотехнологичного производства, организации и совершенствования внутривидовых процессов учета и контроля. Качественно выстроенные процессы реализации

учета и контроля позволяют существенным образом решить вопросы увеличения эффективности производственной деятельности предприятия и достигнуть наивысших финансовых результатов.

Принятие управленческого решения и его реализация на основе внутривидовых процессов учета и контроля / Management decision-making and its implementation based on internal accounting and control processes

Основной задачей фармацевтического предприятия является производство качественной продукции и достижение высоких финансовых результатов при снижении уровня затрат. Повышение эффективности деятельности фармацевтического предприятия связано не только с преодолением отраслевых проблем, являющихся следствием состояния отечественной экономики, но и проблем, находящихся внутри самого предприятия или холдинга в целом. Потребность в современном оборудовании, новых технологиях и научных разработках усиливает зависимость предприятий от кредитных ресурсов и инвестиций, прибыльность применения которых во многом зависит от эффективности принимаемых управленческих решений. Принятие решений значимо для управления бизнесом, поскольку выступает звеном, связывающим основные функции управления: планирование, организацию, мотивацию, контроль [Изварина, Залиева, 2020].

По мнению Г.А. Демина [2019], управленческое решение – творческий акт субъекта управления, определяющего программу деятельности коллектива по эффективному разрешению назревшей проблемы на основе знания объективных законов, функционирования управляемой системы и анализа информации о ее состоянии. П.В. Иванов [2019] определяет управленческое решение как результат анализа, прогнозирования, оптимизации, экономического обоснования и выбора альтернативы из множества вариантов достижения конкретной цели системы менеджмента.

Мы можем рассмотреть различные определения понятия управленческого решения, которые приведены в трудах известных ученых. Там управленческое решение представляет собой выбор в рамках должностных полномочий и компетенций, сделанный руководством предприятия из множества альтернативных вариантов. Решение, которое кажется наиболее верным, и будет реализовано как эффективный инструмент достижения целей предприятия. Однако выбранное решение необходимо еще реализовать. И здесь мы сталкиваемся с необходимостью опреде-

¹ Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 07.07.2022).

ления времени, в течение которого планируется реализация выбранного решения, и необходимостью разработки механизма, применяя который, руководство предприятия сможет воплотить намеченное.

Многообразие субъектов управления с присутствующими им специфическими видами деятельности и различной сложности структурной организации предопределяют, соответственно, наличие множества видов и характеристик управленческих решений [Свирина, 2021]. Формирование управленческого решения осуществляется на определенных интервалах функционирования предприятия².

Управленческий блок предприятия состоит из менеджеров, отвечающих за курируемый комплекс задач и реализацию принятых управленческих решений, возглавляемые ими подразделения предприятия, обладающие необходимой ресурсной базой и взаимодействующие между собой на уровне внутривидовых процессов управления, учета и контроля. Управляющее решение важно не только сгенерировать, но и реализовать с минимальными затратами. Воплощение управленческой мысли направлено на организацию процесса, обеспечивающего развитие и функционирование предприятия в рамках разработанной стратегии, и представляет собой процесс переработки руководством предприятия полученной информации о сложившейся ситуации, отражающий последовательность действий, направленных на решение поставленных задач.

Показателем результативности деятельности предприятия является получение ожидаемых финансовых результатов. Важную роль в достижении намеченных финансовых показателей играет качество принимаемых управленческих решений. Эффективность управленческих решений во многом зависит от информационного ресурса, формирующегося в результате качественно организованных внутривидовых процессов учета и контроля на предприятии. Результативность работы внутривидовых процессов учета и контроля во многом определяет эффективность работы цельного механизма под названием «предприятие».

Как показывает практика, предприятия, имеющие сложную производственную структуру, остро нуждаются в получении оперативной информации, в частности помогающей оптимизировать все виды затрат и максимизировать прибыль, принимать экономически обоснованные управленческие решения [Стасюк, Загадайлова, 2017]. При принятии

решений менеджеры вынуждены обосновывать выбор того или иного замысла, основываясь на собственном опыте, интуиции, знании бизнес-процессов и профессиональной производственной информации. Наличие источников объективной актуальной информации сложно переоценить. Реализация на предприятии механизмов сбора, обработки и хранения производственной информации позволяет заложить фундамент в разработку и принятие обоснованных управленческих решений в сжатые сроки. Для принятия решения сроки являются принципиальным фактором, определяющим качества управления и эффективности достижения результативности. Систематизированная информация и механизмы внутривидовых процессов учета и контроля являются неотъемлемой частью жизнедеятельности предприятия.

Обработка накопленной информации позволяет выделить несколько альтернативных решений, в результате анализа которых принимается наиболее обоснованное как с точки зрения его реализации, так и с точки зрения оценки эффективности. В процессе реализации принятого решения осуществляется применение внутривидовых процессов учета и контроля, роль которых в реализации выработанных установок приобретает особое значение. С одной стороны, настройка и работа этих процессов позволяет организовать управление и контроль исполнения сформированных задач. С другой стороны, происходит накопление управленческой информации, которая позволяет произвести оценку принятого управленческого решения и своевременно применить корректирующие действия, призванные устранить проявление негативных факторов и перевести работу системы в направлении требуемого результата. Учет и контроль ключевых параметров позволяет выявить причины возникающих отклонений базовых параметров от фактических и дать рекомендации по выработке управленческого решения с учетом опыта системы воздействия на внутривидовые процессы и возможностей базы данных информационного ресурса.

Ключевую роль в рассматриваемом процессе играют данные бухгалтерского и управленческого учетов. К основным преимуществам бухгалтерского учета можно отнести возможность определить рентабельность работы предприятия, успешность принятых решений [Малярова, 2018]. Существенная роль пополнения базы данных информационного ресурса предприятия отводится содержанию регистров бухгалтерского учета. В бухгалтерский учет вводятся, систематизируются и накапливаются данные за определенные регламентированные

² Студопедия (2021). Этапы принятия управленческих решений. Режим доступа: https://studopedia.ru/4_110444_etapi-prinyatiya-upravlencheskogo-resheniya.html (дата обращения: 13.07.2022).

промежутки времени — периоды отчетности, состоявшиеся в прошлом. Данные за предшествующие периоды помогают разработать методику и выстроить алгоритм принятия решений, но для планирования на перспективу важно учесть все возможные факторы, оказывающие влияние на внутрисктурные процессы функционирования предприятия, и представлять результаты, которые можно получить по итогам деятельности предприятия в будущих отчетных периодах. Накопленные данные бухгалтерского учета формируются в разрезе отчетных периодов, что позволяет обобщать собранную информацию в виде динамических коэффициентов, соотношение которых увязывается с принятыми в соответствующем отчетном периоде решениями, и расчетными показателями, которые дают представление об имущественном состоянии и финансовом положении предприятия.

Наряду с данными бухгалтерского учета, существенную роль в принятии управленческих решений играет информация и данные динамических бюджетов. Привязка бюджетов к контрольным параметрам дает возможность корректной оценки ситуации и прогнозирования ее развития по итогам управляющих воздействий, осуществляемых руководством предприятия.

Управленческий учет включает в себя изучение следующих важных проблем [Токенова, 2016]:

- анализ поведения различных видов затрат;
- влияние затрат на величину финансового результата;
- системы учета затрат;
- калькулирование себестоимости различных типов производственных процессов;
- организация системы нормативных затрат;
- анализ отклонений фактических данных от их нормативных или бюджетных значений;
- использование данных анализа при оценке исполнения бюджетов, эффективности работы отдельных менеджеров и управления в целом.

Обработывая данные управленческого учета и отчетности, мы получаем комплексное отражение текущей деятельности предприятия в цифрах и обоснование возможностей его развития. Эта информация позволяет произвести оценку внешних и внутренних факторов для разработки решений, предоставляющих возможность реализовать намеченное с минимизацией издержек при максимальном использовании внутренних ресурсов предприятия.

Как показывает практика, повышение конкурентоспособности и создание конкурентных преимуществ может быть достигнуто повышением качества управления, в том числе и за счет внедрения на предприятии внутрисктурных процессов учета и контроля.

Результативность организации процессов учета и контроля определяет качество получаемой информации о реальном положении предприятия и объективной оценки ее активов. Организация внутрисктурных процессов учета и контроля, их нормативное регулирование и регламентирование, направлены на оптимизацию оборотных средств и обеспечение платежеспособности предприятия.

Разрабатывая регламенты работы процессов учета и контроля, внедряя систему динамического бюджетного управления, экономический субъект создает основу для реализации управленческих решений, механизмы их корректировки в зависимости от развития внешней рыночной ситуации. Гибкость в получении информации, ее обработке, позволяют ранжировать принимаемые решения по категориям их значимости и силе влияния на деятельность предприятия.

Управленческое решение отражает общую концепцию управления предприятием и реализуется путем воздействия на систему структурных элементов с помощью выстроенных внутрисктурных процессов, обеспечивающих согласованную работу, направленную на получение желаемого уровня финансовых результатов. Выполнение принятого управленческого решения неразрывно связано с внедрением внутрисктурных процессов учета и контроля, организация которых на предприятии позволяет объединить в единый механизм его структурные подразделения, регламентировать порядок их взаимодействия между собой, определить контрольные параметры рабочих процессов, при отслеживании которых появляется возможность оценить качество реализации управленческих решений, своевременно внести корректирующие воздействия и устранить дестабилизирующее влияние негативных факторов как внешней, так внутренней среды.

Наличие на предприятии внутрисктурных процессов учета и контроля является основополагающим механизмом реализации управленческого решения. Работа от момента обработки ключевой информации и до момента получения результатов осуществления принятого решения происходит на основе функционирования внутрисктурных динамических процессов с учетом определения плана действий для каждого привлекаемого участника реализации принятого руководством решения. Все это проходит по заранее определенному алгоритму с применением внутрисктурных процессов учета контроля.

У всех структурных подразделений предприятия, которые являются центрами затрат, есть свой уникальный функционал, зафиксированный в подготовленных регламентах или внутренних локально-

нормативных документах. На данном этапе вполне обоснованно возникает вопрос проработки такого порядка взаимодействия участников, при котором принцип функционирования подразделений при реализации определенных задач был бы универсальным и не требовал бы существенных доработок в зависимости от особенностей принимаемых решений.

Для контроля качества прохождения реализуемого управленческого решения и проводимых внутриструктурных процессов важно определить контрольные параметры и время их фиксации для каждого участника. Оценивая фактические параметры работы и сравнивая их с параметрами, которые должны быть достигнуты по итогам определенных этапов, менеджмент предприятия получает текущую информацию о прохождении решения и может оперативно осуществить корректировочные действия как работы участников и характеристик внутриструктурных процессов, так и параметров исходного решения. Проведение корректировки позволяет существенным образом повысить эффективность достижения поставленной цели и своевременно устранять выявленные отклонения.

Роль внутривидовых процессов управления и контроля в управлении дебиторской задолженностью / The role of intra-structural management and control processes in the receivables management

Принятые управленческие решения могут находить свое воплощение в распоряжении активами предприятия. Анализируя изменение показателей активов как контрольных параметров, руководство предприятия может получать данные о качестве реализации принятого решения. При сведении в единый алгоритм данных бухгалтерского и управленческого учета формируется модель контроля и учета, в которой внутривидовые процессы выполняют функции рычагов управления и регулирования, воздействия которых приводят в динамике к изменениям параметров активов предприятия.

Среди активов предприятий особое внимание уделяется работе с дебиторской задолженностью и оценке запасов. Для предприятий фармацевтической отрасли доля дебиторской задолженности и запасов в общем объеме активов, как показывает практика, является наибольшей (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Данные активов предприятия коммерческого блока

Table 1. Commercial block enterprise asset data

Наименование показателя / Indicator	Величина показателя (тыс. руб.) / Indicator value (thousand rubles)			Доля показателя в общем объеме активов (%) / Share of the indicator in total assets (%)		
	На 31 декабря 2021 г. / As of December 31, 2021	На 31 декабря 2020 г. / As of December 31, 2020	На 31 декабря 2019 г. / As of December 31, 2019	На 31 декабря 2021 г. / As of December 31, 2021	На 31 декабря 2020 г. / As of December 31, 2020	На 31 декабря 2019 г. / As of December 31, 2019
I. Внеоборотные активы / Non-current assets	226 159	106 528	93 468	4,13	2,02	2,26
II. Оборотные активы, в том числе: / Current assets, including:	5 247 796	5 169 898	4 041 123	95,87	97,98	97,74
Запасы / Inventories	2 063 437	2 239 885	1 681 621	37,70	42,45	40,67
Дебиторская задолженность / Accounts receivable	2 973 026	2 730 036	2 191 152	54,31	51,74	53,00
Прочие оборотные активы / Other current assets	211 332	199 977	168 351	3,86	3,79	4,07
Баланс / Balance	5 473 956	5 276 426	4 134 591	100,00	100,00	100,00

Составлено авторами на основании бухгалтерской отчетности предприятий / Compiled by the authors on the accounting statements of enterprises

Таблица 2

Данные активов предприятия производственного блока

Table 2. Production unit enterprise assets data

Наименование показателя / Indicator	Величина показателя (тыс. руб.) / Indicator value (thousand rubles)			Доля показателя в общем объеме активов (%) / Share of the indicator in total assets (%)		
	На 31 декабря 2021 г. / As of December 31, 2021	На 31 декабря 2020 г. / As of December 31, 2020	На 31 декабря 2019 г. / As of December 31, 2019	На 31 декабря 2021 г. / As of December 31, 2021	На 31 декабря 2020 г. / As of December 31, 2020	На 31 декабря 2019 г. / As of December 31, 2019
I. Внеоборотные активы / Non-current assets	576 571	594 381	582 667	31,21	32,88	33,04
II. Оборотные активы, в том числе: / Current assets, including:	1 270 672	1 213 122	1 181 049	68,79	67,12	66,96
Занасы / Inventories	412 922	365 908	680 563	22,35	20,24	38,59
Дебиторская задолженность / Accounts receivable	738 942	793 657	430 119	40,00	43,91	24,39
Прочие оборотные активы / Other current assets	118 808	53 557	70 367	6,43	2,96	3,99
Баланс / Balance	1 847 243	1 807 503	1 763 716	100,00	100,00	100,00

Составлено авторами на основании бухгалтерской отчетности предприятий / Compiled by the authors on the accounting statements of enterprises

Дебиторская задолженность, безусловно, является важным элементом оборотного капитала, определяющим финансовую устойчивость и конкурентоспособность компании на рынке [Скрипина, 2017]. Экономическая сущность дебиторской задолженности заключается в отвлечении финансовых ресурсов предприятия из его оборота и имобилизацией средств в пользу третьих лиц. В идеальном случае организация не должна допускать образования дебиторской задолженности как таковой. Однако в ходе реальной деятельности такого положения добиться невозможно, так как объективной основой ее образования является принятая на практике система расчетов по обязательствам [Сурина, 2016].

Наличие у предприятия дебиторской задолженности можно рассматривать как риск упущенной выгоды в виде своевременного поступления средств от покупателей. Дебиторская задолженность всегда несет в себе негатив, выраженный в риске и непредвиденных тратах, поэтому показатели и методика анализа являются основными при ее оценке. Анализ задолженности позволяет увеличивать прибыль за счет сокращения неплатежей и ускорения расчетов [Гельцер, 2016]. Отсутствие своевременной оплаты поставленной продукции приводит руководство предприятия к необходимости решения задачи пополнения финансовых ресурсов путем привлечения дополнительных источников. Разрешение такой ситуации может быть представлено в виде алгоритма,

учитывающего возможные варианты управления дебиторской задолженностью. В большинстве случаев реализация готовой продукции осуществляется партнерам на условиях отсрочки платежей. Применяя такой подход, предприятие предлагает покупателям коммерческий кредит, что создает дополнительные возможности для реализации продукции. Необходимость управления дебиторской задолженностью предприятия обусловлена быстрым расширением продаж своей продукции в кредит и существенным ее ростом [Токталиева, Курманбеков, 2019]. Предоставление отсрочки платежа вынуждает предприятие пополнять оборотные средства за счет кредитов либо за счет увеличения отпускной цены другим покупателям. Привлечение кредитов обязывает закладывать расходы на их обслуживание в стоимость товара, реализуемого покупателям. Таким образом, одни покупатели формируют выгоду для других покупателей. С другой стороны, системный подход к управлению дебиторской задолженностью обусловлен поиском компромиссного решения между риском и доходностью продаж и должен быть направлен на своевременное проведение расчетов за поставленный товар и минимизацию просроченной и безнадежной дебиторской задолженности.

Решение вопроса управления дебиторской задолженностью в фармацевтических предприятиях носит стратегический характер. Принципы управления дебиторской задолженностью закладываются

исходя из стратегии предприятия по работе с клиентами и уровня дебитора. К крупным покупателям можно отнести контрагентов, чьи объемы приобретения продукции составляют существенную долю в общем объеме продаж. Стратегия работы с такими покупателями основывается на индивидуальных особенностях и подходе к конкретному контрагенту с учетом условий каждого соглашения и результативности взаимодействия в отчетном периоде по объемам реализованной продукции.

Особенную нишу в клиентской базе занимают покупатели, приобретающие товары премиального класса. Как правило, объемы выборки товара невысокие, по сравнению со средним сегментом, но в пополнение бюджета данный вид продукции вносит существенный вклад. Все аспекты работы с клиентами основываются на индивидуальном подходе. Производственные предприятия или холдинги, как правило, создают свои коммерческие службы и торговые подразделения, осуществляющие сбыт товаров. Покупатели, входящие в общую производственную группу, являются составной частью механизма реализации готовой продукции; взаимоотношения с ними зависят от принятой на предприятии или холдинге внутрикорпоративной учетной политики. Покупатели, не вошедшие в сформулированные выше группы, осуществляют взаимодействие с применением общих, но не единых условий. Специфику накладывает региональная принадлежность покупателя, логистическая оснащенность региона нахождения покупателя, особенности и разнообразие ассортимента приобретаемой продукции и т.д.

Всех покупателей можно классифицировать по типу погашения дебитовой задолженности на покупателей, которым, в соответствии с договором, предоставлена официально оговоренная отсрочка платежа, и покупателей, осуществляющих погашение задолженности за поставленный товар с нарушением сроков, оговоренных в документах. И в том и в другом случае предприятию необходимо решить вопрос с обеспечением ликвидности и предоставить альтернативные источники пополнения финансовой базы. Дебиторская задолженность оказывает большое влияние на текущую ликвидность предприятия и на его зависимость от кредитных средств. Для предприятий благоприятнее, когда дебиторская задолженность имеет среднюю величину в валюте баланса и не оказывает сильного влияния на краткосрочные обязательства [Бутакова, Курмышева, 2018]. Эффективность управления дебиторской задолженностью на предприятии достигается разработкой кредитной политики, учитывающей особенности работы с дебиторской задолженностью

и уровень реализации процессов учета и контроля. Разрабатываемая кредитная политика подразумевает необходимость выполнения следующих подготовительных шагов:

- создание актуальной договорной базы, определение истинных объемов дебиторской задолженности и сроков ее возникновения погашения;
- анализ дебиторской задолженности в предшествующих периодах, определение динамики изменения дебиторской задолженности по клиентам;
- проведение расчета дополнительных объемов продаж, вызванных увеличением сроков погашения задолженности за поставленную продукцию, и величин финансовых результатов, на которые предприятие сможет выйти по итогам реализации разработанной кредитной политики;
- принятие базовых принципов кредитной политики и регламентов работы с покупателями;
- обеспечение дополнительного объема финансирования, позволяющего решить вопрос покрытия прироста дебиторской задолженности;
- определение границы объемов дебиторской задолженности, которые будут возможны без риска фатального ухудшения финансового положения предприятия;
- проработка и выбор инструментов уменьшения роста и влияния дебиторской задолженности на финансовые результаты.

Работа с дебиторской задолженностью достаточно трудоемкий и кропотливый процесс, требующий понимания не только текущей рыночной ситуации, но и оценки внутренних возможностей экономического субъекта. Можно поставить в прямую зависимость решение вопроса управления дебиторской задолженностью и полученные финансовые результаты. Управление дебиторской задолженностью представляет собой функцию финансового менеджмента, основной целью которого является увеличение прибыли предприятия за счет эффективного использования дебиторской задолженности как экономического инструмента [Горелкина, Корчагина, 2018]. Оптимизация объемов дебиторской задолженности является важным направлением повышения качества финансовых результатов. Крупные производственные компании работают одновременно с достаточно большим количеством контрагентов. Среди проверенных и эффективно работающих инструментов можно выделить следующие:

- индивидуальный подход и анализ состояния покупателя;
- наличие внутрикорпоративного классификатора клиентов, позволяющего ввести оценивающие коэффициенты, влияющие на обеспечение более

комфортных условий поставок или выделение ненадежных клиентов;

- премиальное стимулирование сотрудников предприятия, осуществляющих клиентскую работу по сопровождению покупателей;
- предусмотрение в договоре форм поощрения покупателей за проведение своевременного расчета за поставленный товар, в том числе отсрочек, рассрочек.

Широко распространенной проблемой на предприятиях является отсутствие организованного процесса сбора, обработки и анализа информации об объективных объемах, сроках погашения дебиторской задолженности и отлаженного механизма совместной работы подразделений предприятий и единиц холдинговой группы. Отсутствие локально-нормативной документации на местах с четким описанием реализации процедур управления дебиторской задолженностью, правил работы и взаимодействия структурных подразделений группы приводят к необходимости привлечения дополнительных ресурсов и ухудшению финансовых показателей.

Решение этой задачи видится авторам в реализации внутрикорпоративного взаимодействия и отстройки внутривидовых процессов учета и контроля. Организация работы подразделений и выстраивание внутривидового учета и контроля финансовых результатов подразумевает проведение комплекса мероприятий, необходимых для качественной реализации внедряемых процессов, среди которых выделим наиболее важные:

- разработка организационной структуры холдингового объединения, определение подразделений, которые будут привлечены к участию в реализации внутривидовых процессов;
- определение перечня задач, возложенных на введенные структурные подразделения в рамках реализации производственных процессов;
- создание плана работы, определение целевых показателей и назначение ответственных за реализацию этапов работы;
- подготовка локально-нормативных документов, регламентирующих работу и процедуры взаимодействия структурных подразделений при реализации утвержденных задач;
- разработка процедуры контроля исполнения этапов плана работы, внедрение регламента контроля и учета;
- отражение реализуемых процессов в действующих регламентирующих документах, предусматривающих изменения в подготовке информации и ведении бухгалтерского и управленческого учетов;

- определение контролируемых параметров и их отклонений от заданных величин;
- разработка комплекса мер, которые необходимо принять при выявлении отклонений фактических показателей от заданных плановых величин;
- выбор программного обеспечения и автоматизация системы внутривидовых процессов контроля;
- разработка и внедрение аналитического комплекса, охватывающего все внутривидовые процессы, участвующие в учете и контроле финансовых результатов;
- подготовка сотрудников, организующих работу с применением разрабатываемых процессов и выполняющих текущую работу в рамках внедряемых нововведений.

Заключение / Conclusion

Принимая во внимание важность достижения результативного управления предприятием и обеспечение повышения эффективности его деятельности, считаем существенной организацию на предприятии внутривидовых процессов учета и контроля финансовых результатов, формирование источников производственной информации, реализацию их своевременной наполняемости актуальными данными и внедрение механизмов, позволяющих производить подготовку управленческих решений.

Внедрение внутривидовых процессов учета и контроля финансовых результатов позволяет не только повысить эффективность управления дебиторской задолженностью, но и обеспечить повышение финансовой устойчивости и результативности деятельности предприятия. Наличие выверенных контрольных параметров, применение автоматизированных алгоритмов, учитывающих особенности функционирования предприятия, способствует выработке управленческого решения, направленного на достижение поставленных менеджментом задач.

Список литературы

- Бутакова Н.М., Курмышева Д.С. (2018). Влияние динамики дебиторской задолженности на финансовую устойчивость предприятия // Евразийский союз ученых. № 4–6 (49). С. 67–71.
- Гельцер А.А. (2016). Особенности, методы управления дебиторской задолженностью // Вестник Науки и Творчества. № 12 (12). С. 55–60.
- Горелкина И.А., Корчагина К.С. (2018). Обоснование выбора методов управления дебиторской задолженностью организации // Финансовый вестник. №4 (43). С.16–23.
- Демин Г.А. (2019). Методы принятия управленческих решений: учеб. пособие. Пермь: Изд-во ПГНИУ. 88 с.
- Иванов П.В. (2019). Методы принятия управленческих решений: учебное пособие для вузов 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт. 276с.
- Изварина Н.Ю., Залиева Э.К. (2020). Использование управленческого учета для принятия управленческих решений // Экономика и бизнес: теория и практика. № 6(64). С. 117–119.
- Малыарова Д.А. (2018). Бухгалтерский учет как источник информации для принятия управленческих решений // SOUTHERN ALMANAC OF SCIENTIFIC RESEARCH. №7. С. 5–10.
- Репринцева Е.В. (2017). Оптимизация дебиторской задолженности фармацевтического предприятия // Карельский научный журнал. Т.6, № 3 (20). С. 127–130.
- Свирина Л.Н. (2021). Эффективность управленческих решений в качестве основополагающего фактора оптимизации управленческих процессов в деятельности органов государственного управления // Международный научно-исследовательский журнал. № 4–4(106). С. 149–152. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.134>
- Скрипина Л.В. (2017). Мониторинг как методологический подход к управлению дебиторской задолженностью // Современные инновации. № 7 (21). С. 7–10.
- Стасюк Т.П., Загадайлова Е.М. (2017). Принятие эффективных управленческих решений на предприятиях молокоперерабатывающей отрасли на основе информации о затратах // Вестник приднестровского университета. Серия: Физико-математические и технические науки. Экономика и управление. № 3(57). С. 190–193.
- Сурина Е.В. (2016). Дебиторская задолженность: экономическая сущность, понятие и виды // Совершенствование учета, анализа и контроля как механизмов информационного обеспечения устойчивого развития экономики. № 2. С. 655–663.
- Токенова С.М. (2016). Управленческий учет как информационная база для принятия обоснованных управленческих решений // Вестник науки казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина. № 4(91). С. 105–117.
- Токталиева А.К., Курманбеков О. (2019). Современные методы управления дебиторской задолженностью предприятия // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. № 11. С. 52–55.

References

- Butakova N.M., Kurmysheva D.S. (2018), “The impact of the dynamics of accounts receivable on the financial stability of the enterprise”, *Eurasian Union of Scientists*, no. 4–6 (49), pp. 67–71.
- Demin G.A. (2019), *Methods of managerial decision-making: study guide*, Perm State University Publ. House, Perm, Russia (in Russian).
- Geltser A.A. (2016), “Features, methods of accounts receivable management”, *Bulletin of Science and Creativity*, no. 12 (12), pp. 55–60.
- Gorelkina I.A., Korchagina K.S. (2018), “Justification of the choice of methods for managing accounts receivable of an organization”, *Financial Bulletin*, no. 4 (43), pp.16–23.
- Ivanov P.V. (2019), *Methods of managerial decision-making: a textbook for universities*, 2nd ed., Urait, Moscow, Russia (in Russian).
- Izvarina N.Yu., Zalieva E.K. (2020), “The use of management accounting for management decision-making”, *Economics and Business: theory and practice*, no. 6(64), pp. 117–119.
- Malyarova D.A. (2018), “Accounting as a source of information for managerial decision-making”, *SOUTHERN ALMANAC OF SCIENTIFIC RESEARCH*, no. 7, pp. 5–10.
- Reprintseva E.V. (2017), “Optimization of accounts receivable of a pharmaceutical enterprise”, *Karelian scientific journal*, vol. 6, no. 3 (20), pp. 127–130.
- Svirina L.N. (2021), “On the effectiveness of management decisions as a fundamental factor in optimizing management processes in the activities of public administration bodies”, *International Research Journal*, no. 4–4 (106), pp. 149–152, <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.134>
- Skipina L.V. (2017), “Monitoring as a methodological approach to accounts receivable management”, *Modern innovations*, no. 7 (21), pp.7–10.
- Stasyuk T.P., Zagudailova E.M. (2017), “Making effective management decisions at enterprises of the dairy processing industry based on information about costs”, *Bulletin of the Pridnestrovian University. Series: Physical, mathematical and technical sciences. Economics and management*, no. 3(57), pp. 190–193.
- Surina E.V. (2016), “Accounts receivable: economic essence, concept and types”, *Improving accounting, analysis and control as information support mechanisms for sustainable economic development*, no. 2, pp. 655–663.
- Tokenova S.M. (2016), “Managerial accounting as an information base for making informed managerial decisions”, *Seifullin Kazakh Agrotechnical University Bulletin of Science*, no. 4(91), pp. 105–117.
- Toktalieva A.K., Kurmanbekov O. (2019), “Modern methods of managing accounts receivable of the enterprise”, *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, no. 11, pp. 52–55.

Динамика и структурные особенности занятости в Соединенных Штатах Америки

Петровская Наталья Евгеньевна

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр. отдела экономических исследований

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5954-0656>, e-mail: viter@mail.ru

Институт Соединенных Штатов Америки и Канады Российской академии наук,
121069, Хлебный пер., 2/3, г. Москва, Россия

Аннотация

Целью исследования является выявление тенденций и проблем занятости населения в США. С учетом поставленной цели определены основные задачи: исследовать динамику занятости в XXI в., оценить уровень участия в рабочей силе по разным возрастным группам и социально-демографическим характеристикам, рассмотреть проблемы молодежной занятости, научно-инженерных кадров, показать роль малого бизнеса в обеспечении занятости, проанализировать гендерные особенности и вопросы частичного трудоустройства на американском рынке труда. В статье использованы следующие методы: системный, экономико-статистический, логический и метод сравнительного анализа. Исследование базируется на данных Бюро трудовой статистики Министерства труда США. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что занятость является неотъемлемым элементом жизни, оказывающим существенное влияние как на социально-экономическую, так и на политическую ситуацию в стране и в мире. Проведенный анализ позволил выявить актуальные тренды. Среди долгосрочных вызовов отмечается снижение экономической активности американского населения. Происходит старение и трансформация рабочей силы. За счет иммигрантов и роста численности молодых расово-этнических групп, относящихся к нескольким расам, прослеживается тенденция увеличения многонациональности США. Наиболее уязвимыми группами населения является молодежь, женщины, а также люди с низким уровнем образования. Показана взаимосвязь между уровнем образования, безработицей и уровнем доходов. Одной из долгосрочных тенденций является рост занятости в секторах, связанных с исследовательской деятельностью, внедрением технологических новшеств, использованием научно-инженерных знаний.

Ключевые слова: занятость, безработица, рабочая сила, малый бизнес, молодежь, США, гендерные особенности, научно-инженерные кадры

Цитирование: Петровская Н.Е. Динамика и структурные особенности занятости в Соединенных Штатах Америки // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 48–57. DOI: [10.26425/2309-3633-2022-10-3-48-57](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-48-57)



Received: 26.07.2022

Revised: 22.08.2022

Accepted: 31.08.2022

Dynamics and structural features of employment in the United States of America

Natalia E. Petrovskaya

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher at the Economic Research Department

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5954-0656>, e-mail: vitern@mail.ru

Institute for US and Canadian studies of the Russian Academy of Sciences,
2/3, Khlebny per., Moscow 121069, Russia

Abstract

The purpose of the study is to identify trends and problems of employment in the United States. The main objectives of the article are defined in accordance with the stated goal: to study the dynamics of employment in the 21st century, to assess participation in the labor force by different age groups and socio-demographic characteristics, to consider the problems of youth employment, scientific and engineering personnel, to show the role of small business in providing employment, analyze gender and part-time employment issues in the US labor market. The paper uses the system, economic-statistical, logical, and comparative analysis approaches. The study is based on data from the Bureau of Labor Statistics of the U.S. Department of Labor. The relevance of the research topic is due to the fact that employment is an integral element of life that has a significant impact on both the socio-economic and political situation in the country and in the world. The analysis made it possible to identify current trends. Among the long-term challenges, there is a decline in the economic activity of the American population. The workforce is aging and transforming. Due to immigrants and the growth of the number of young racial-ethnic groups that identify themselves as multi-racial, there is a trend towards an increase in the multinationality of the United States. The most vulnerable groups of the population are youth, women, as well as people with a low level of education. The correlation between the level of education, unemployment and income is shown. One of the long-term trends is the growth of employment in sectors related to research, introduction of technological innovations and use of scientific and engineering knowledge.

Keywords: employment, unemployment, labor force, small business, youth, USA, women in the labor force, STEM workers

For citation: Petrovskaya N.E. (2022) Dynamics and structural features of employment in the United States of America. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 48–57. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-48-57



Введение / Introduction

Занятость населения США в первой четверти XXI в. характеризуется структурными изменениями по гендерному, возрастному, профессиональному, отраслевому и расово-этническим аспектам. На рисунке 1 показана динамика занятости с начала текущего столетия, выделены периоды рецессии, которые стали серьезным испытанием для участников рынка труда и носят выраженный социальный характер: глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. и пандемия COVID-19 в 2020 г. [Григорьев и др., 2021].

Как видно из представленных данных, динамика изменения численности рабочей силы в США является неравномерной и прогнозируется, что численность занятых в США вырастет с 153,5 млн чел. до 165,4 млн чел. к 2030 г. Это увеличение отражает годовой темп роста на 0,7 %, что выше предыдущих прогнозов, и объясняется восстановлением после пандемии COVID-19 и связанной с ней рецессией. Уровень безработицы в апреле 2022 г. в США составлял 3,6 % или 5,9 млн чел. Эти показатели сопоставимы с данными в феврале 2020 г. (3,5 % и 5,7 млн чел), предшествовавшими пандемии коронавируса COVID-19¹. Тяжесть кризиса, вызванного пандемией, для тех, кто потерял работу,

будет зависеть от длительности пребывания в этом состоянии [Григорьев, Григорьева, 2021].

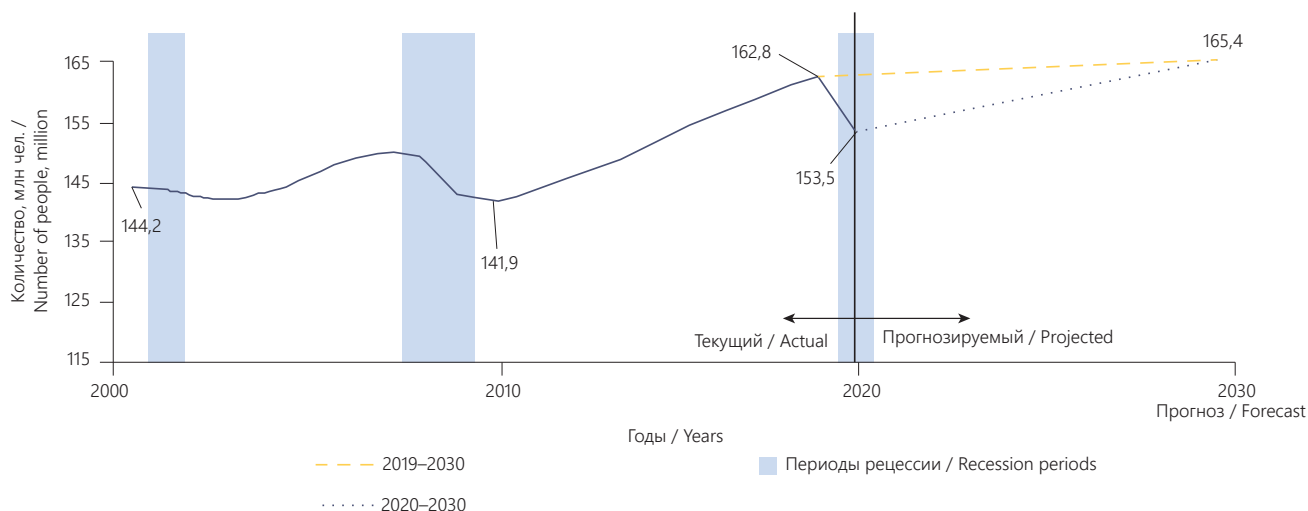
Ожидается, что быстрее всего будет расти занятость в секторе досуга и гостиничного бизнеса, в основном за счет восстановительного роста, в то время как в секторе здравоохранения и социальной помощи, по прогнозам, будет создано больше всего новых рабочих мест. Среди профессиональных групп прогнозируется самый быстрый рост числа рабочих мест в сфере медицинского обслуживания. Этому будут способствовать растущий спрос на уход за стареющим населением поколения бэби-бума, увеличение продолжительности жизни и продолжающийся рост числа пациентов с хроническими заболеваниями.

Ожидается, что технологические достижения будут содействовать значительному росту занятости в сфере профессиональных, деловых и научных услуг. Будет расти спрос на профессии, связанные с обеспечением ИТ-безопасности и разработкой программного обеспечения, в том числе из-за роста удаленной работы.

В связи с ростом популярности электронной коммерции прогнозируется потеря около 600 тыс. рабочих мест в сфере розничной торговли. Технологические изменения, ведущие к повышению уровня автоматизации, повлекут за собой сокращение офисного и административного персонала. Что касается производственного сектора, то, с одной

¹ Bureau of Labor Statistics (2022). The Employment Situation: April 2022. Режим доступа: <https://www.bls.gov/news.release/pdf/empsit.pdf> (дата обращения: 01.07.2022).

² Bureau of Labor Statistics (2021). Employment projections: 2020–2030. Режим доступа: <https://www.bls.gov/emp/graphics/total-employment.htm> (дата обращения: 17.07.2022). Далее – Bureau of Labor Statistics (2021). Employment projections: 2020–2030.



Источник² / Source²

Рис. 1. Динамика занятости с 2000 г. и прогноз до 2030 г.
Figure 1. Employment dynamics since 2000 and forecast to 2030

стороны, ожидается небольшой рост занятости, с другой стороны, в ряде отраслей прогнозируется сокращение занятости, обусловленное глобальной конкуренцией и внедрением новых технологий, повышающих производительность труда.

Также прогнозируется увеличение производительности труда: если в период с 2010 г. по 2020 г. она росла на 1,1 % в год, то в третьем десятилетии XXI в. ожидается рост до 1,7 % в год.

Среди долгосрочных вызовов стабильности социальной защищенности населения эксперты отмечают снижение экономической активности населения, проявившееся задолго до пандемии и усиленное ею [Лебедева, 2022]. С начала XXI в. снижается участие американцев в рабочей силе страны: в 2000 г. — 67,1 %, в 2006 г. — 66,2 %, в 2016 г. — 62,8 %, в 2020 г. — 61,7 %, а к 2030 г. прогнозируется участие на уровне 60,4 %³. Сокращение участия в рабочей силе связано со старением поколения бэби-бума, продолжением тенденции к снижению участия мужчин и небольшим снижением участия женщин.

На рисунке 2 показана трансформация структуры рабочей силы по возрастным группам. Трудовое долголетие ощутимо изменило возрастную структуру рабочей силы [Лебедева, 2019]. К 2030 г. представителям поколения бэби-бумеров будет не менее 65 лет. Специалисты отмечают, что, с точки зрения демографии, стареющее и сокращающееся белое население

³ Там же.

США пополняется более молодыми расово-этническими группами, включая людей, относящих себя к нескольким расам [Филиппенко, 2022]. В ближайшем будущем именно иммигранты будут определять рост численности американской рабочей силы [Супян, 2021].

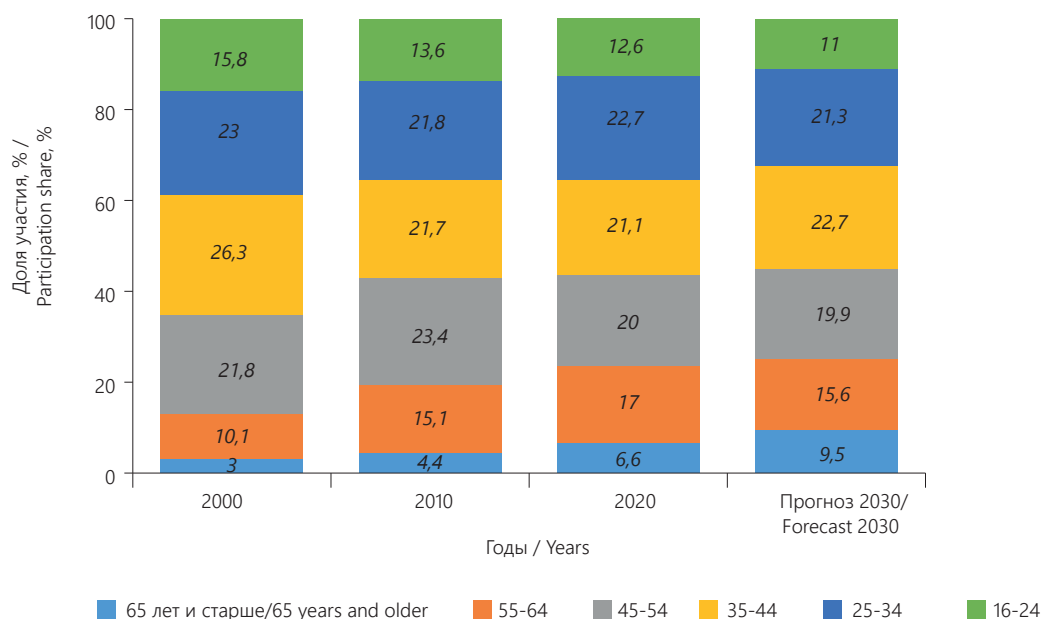
В США создана модель государства труда, ключевая идея которой заключается в повышении социальной активности личности [Пискунов, 2022], взятии личной ответственности за возможности трудоустройства и собственного благосостояния.

Проблемы молодежной занятости / Youth employment issues

Молодежный рынок труда является наиболее уязвимым. Проблема заключается не только в том, что в этом сегменте самый высокий уровень безработицы, но и в длительности поиска работы, нестабильности рабочих мест и несоответствии выполняемой работы уровню полученной квалификации. Серьезные структурные сдвиги в экономике создают растущее неравенство между рабочими местами и опытом, которым обладают работники, и теми, кто становятся все более востребованными на рабочем месте⁵.

⁴ Там же.

⁵ *Business Roundtable* (2009). *Getting Ahead — Staying Ahead: Helping America's Workforce Succeed in the 21st Century*. Режим доступа: <https://www.businessroundtable.org/archive/resources/the-springboard-project-releases-final-recommendations-to-strengthen-a> (дата обращения: 03.07.2022).



Источник⁴ / Source⁴

Рис. 2. Уровень участия в рабочей силе по возрастным группам в XXI в.
Figure 2. Labor force participation in the 21st century rate by age group.

В среднем за последние два десятилетия безработица среди молодежи была примерно на 8 % выше, чем среди взрослого населения. Во время кризисов, когда идет сокращение рабочих мест, часто срабатывает модель «последний пришел — первый ушел», таким образом, молодые сотрудники становятся первыми в списке на увольнение. В другом случае показатели безработицы среди молодежи улучшаются за счет поступления на менее оплачиваемую работу и/или работу, не соответствующую полученной подготовке. Исследования показывают, что 66 % роста заработной платы за всю жизнь приходится на первые десять лет карьеры. Студенты, оканчивающие колледж в условиях экономического спада, страдают от потери заработной платы в течение более десяти лет после окончания учебы. Около 43 % американцев, родившихся в семьях, относящихся по доходам к нижней квинтили, на ней и остаются⁶. Молодые люди, которые не могут перейти на стабильную работу к двадцати годам, подвергаются риску более частых и длительных периодов безработицы, постоянного снижения заработка в течение всей жизни. Доступ к большему количеству возможностей в начале карьеры снижает риски и увеличивает шансы надежного финансового будущего для себя и своих семей, влияет на качество жизни поколения. Если раньше считалось, и это подтверждалось статистическими данными доходов, что дети живут лучше, чем их родители, то нынешнее молодое поколение страны — первое в новейшей истории США, которое сталкивается с реальной угрозой падения своего уровня жизни по сравнению со своими родителями [Печатнов, 2020].

Молодежная рабочая сила — это работающие или активно ищущие работу люди в возрасте от 16 до 24 лет; показатели их занятости резко возрастают в период с апреля по июль каждого года. В эти месяцы большое количество старшеклассников и студентов колледжей устраиваются на летнюю работу, а многие выпускники выходят на рынок труда в поисках постоянной работы. Пик летней занятости приходится на июль, и в 2021 г. насчитывалось 20,3 млн занятых в возрасте от 16 до 24 лет⁷.

Исследование отраслевых особенностей занятости молодежи показывает, что 25 % (или 5,2 млн чел.) работали в индустрии досуга и гостеприимства, еще

20 % молодежи работали в сфере розничной торговли, 12 % — в сфере образования и здравоохранения. На эти 3 сектора приходится 57 % молодежной занятости, что отражает тенденцию роста занятости в сфере услуг.

Перепись населения США в 2020 г. показала, что при медленном росте и старении белого населения страна стала гораздо более разнообразной в расовом отношении (особенно среди молодежи) [Филиппенко, 2022]. Демографический состав населения значительно изменился в пользу граждан азиатского происхождения и испаноязычной группы [Григорьев, Григорьева, 2021]. Рост численности цветной молодежи является ключевым элементом меняющейся демографической картины населения США в возрасте до 18 лет. Эта группа не только остановила резкое сокращение численности, но и по мере старения будет обеспечивать основной прирост рабочей силы. Прослеживается тенденция увеличения многонациональности США [Филиппенко, 2022].

Занятость научно-инженерных кадров / Employment of scientific and engineering personnel (STEM workers)

Особо следует выделить взаимосвязь между уровнем образования, безработицей и уровнем доходов (рис. 3). Как видно из представленных данных, чем выше уровень образования, тем выше уровень доходов и ниже уровень безработицы.

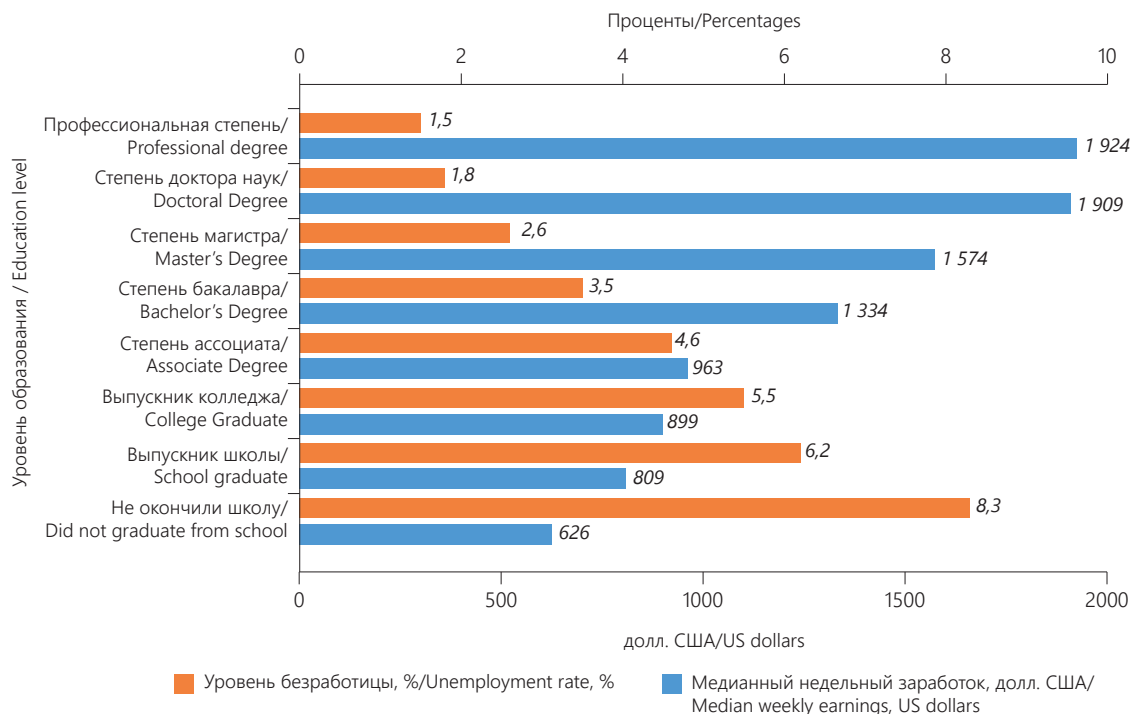
Растет спрос на высококвалифицированную рабочую силу. В США имеют степень доктора наук или ее аналог 2,5 % людей от общего количества занятых, и около 25 % занятых находятся на другом конце шкалы образования, то есть не окончили полный курс школы.

Одной из долгосрочных тенденций в США является рост занятости в секторах, связанных с исследовательской деятельностью, внедрением технологических новшеств.

Важность сильного глобального научно-технического потенциала страны была подчеркнута во время пандемии COVID-19, которая имела разрушительные последствия для всей мировой экономики в целом и для экономики США в частности. Пандемия продемонстрировала необходимость быстрой, совместной и эффективной научно-технической инновационной деятельности. Глобальное положение США в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее — НИОКР) изменилось из-за быстрого роста инвестиций в научно-технический потенциал стран Азии. Темпы роста некоторых стран, включая Китай, опережают США.

⁶ The Rockefeller Foundation (2014). U.S. Youth Employment. Режим доступа: <https://www.rockefellerfoundation.org/report/u-s-youth-employment> (дата обращения: 15.07.2022).

⁷ Bureau of Labor Statistics (2022). Employment and Unemployment Among Youth. Режим доступа: <https://www.bls.gov/news.release/youth.nr0.htm> (дата обращения: 17.07.2022).



Источник⁸ / Source⁸

Рис. 3. Корреляция уровня доходов и уровня безработицы в зависимости от уровня образования
Figure 3. Correlation of income level and unemployment rate depending on the education level

Тем не менее, Соединенные Штаты остаются ключевым игроком в мире НИОКР.

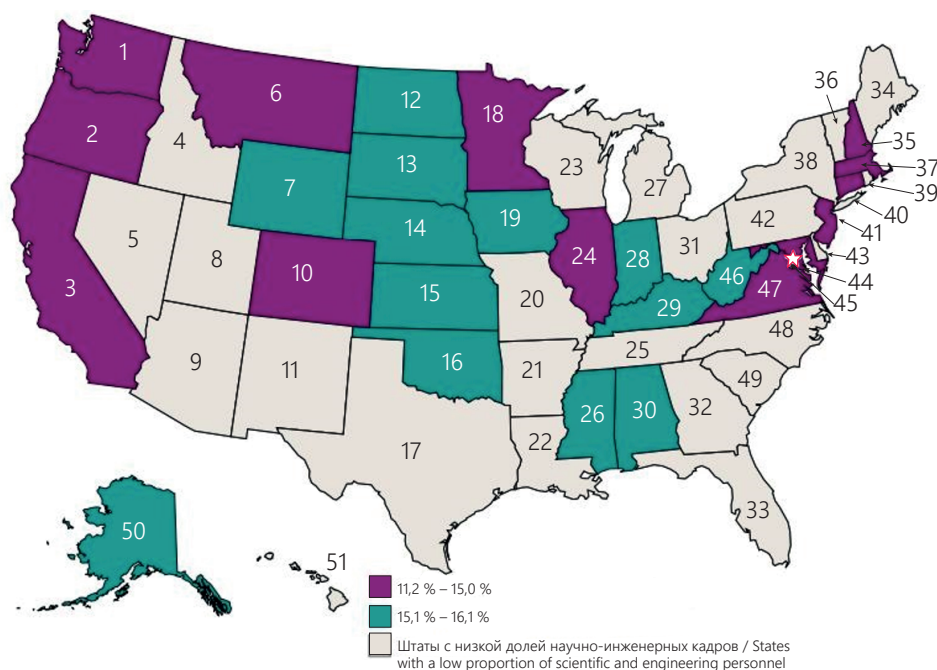
В 2022 г. Национальный научный совет (англ. National Science Board) в своем докладе о показателях в области науки и техники (англ. Science and Engineering Indicators) ввел новое определение рабочей силы научного-инженерного персонала — STEM (англ. science, technology, engineering and mathematics — наука, технологии, инженерия и математика). Теперь в рабочую силу научно-инженерного персонала (STEM) включаются все работники, которые используют в своей работе научно-инженерные знания, а не только имеют соответствующее образование. Такое определение удваивает число лиц, отнесенных к категории рабочей силы научно-инженерного персонала, включая 16 млн работников, имеющих по крайней мере степень бакалавра по научно-инженерным специальностям, и 20 млн работников, не имеющих профильного образования⁹. Таким образом, более чем 36 млн чел. заняты в различных профессиях, требующих знаний и опыта STEM, что составляет 23 % от общей численности рабочей силы США.

Работники, занятые в STEM-профессиях, имеют более высокий медианный заработок (55 тыс. долл. США в год против 33 тыс. долл. США для профессий, не связанных со STEM) и более низкий уровень безработицы, чем их коллеги, не работающие в STEM (2 % против 4 %). Вопросы подготовки научно-инженерного персонала находятся в центре внимания правящих кругов в США при участии представителей соответствующих секторов.

С 2010 г. занятость научно-инженерных кадров росла быстрее по сравнению с занятостью работников, которые не используют в своей работе научно-инженерные знания, и эта тенденция продолжится. Однако распределение занятости научно-инженерных кадров идет по штатам крайне неравномерно. Карта на рисунке 4 показывает, что большая часть таких работников сконцентрирована в таких штатах, как Северная и Южная Дакота, Вайоминг, Небраска, Канзас, Оклахома, Аляска, Айова, Индиана, Кентукки, Огайо, Миссисипи и Алабама, их доля составляет 15–16 % от общего уровня занятости. В штатах Калифорния, Орегон, Вашингтон, Монтана, Миннесота, Иллинойс, Виргиния, Нью-Джерси, Мэн, Дэлавер, Коннектикут, Массачусетс доля научно-инженерного персонала составляет от 11,2 % до 15 % от общего количества занятых.

⁸ Bureau of Labor Statistics (2021). Employment projections: 2020–2030.

⁹ National Science Foundation (2022). The State of U.S. Science and Engineering 2022. Режим доступа: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20221> (дата обращения: 14.07.2022).



1. Вашингтон / State of Washington, 2. Орегон / State of Oregon, 3. Калифорния / State of California, 4. Айдахо / State of Idaho, 5. Невада / State of Nevada, 6. Монтана / State of Montana, 7. Вайоминг / State of Wyoming, 8. Юта / State of Utah, 9. Аризона / State of Arizona, 10. Колорадо / State of Colorado, 11. Нью-Мексико / State of New Mexico, 12. Северная Дакота / State of North Dakota, 13. Южная Дакота / State of South Dakota, 14. Небраска / State of Nebraska, 15. Канзас / State of Kansas, 16. Оклахома / State of Oklahoma, 17. Техас / State of Texas, 18. Миннесота / State of Minnesota, 19. Айова / State of Iowa, 20. Миссури / State of Missouri, 21. Арканзас / State of Arkansas, 22. Луизиана / State of Louisiana, 23. Висконсин / State of Wisconsin, 24. Иллинойс / State of Illinois, 25. Теннесси / State of Tennessee, 26. Миссисипи / State of Mississippi, 27. Мичиган / State of Michigan, 28. Индиана / State of Indiana, 29. Кентукки / Commonwealth of Kentucky, 30. Алабама / State of Alabama, 31. Огайо / State of Ohio, 32. Джорджия / State of Georgia, 33. Флорида / State of Florida, 34. Мэн / State of Maine, 35. Нью-Гэмпшир / State of New Hampshire, 36. Вермонт / State of Vermont, 37. Массачусетс / Commonwealth of Massachusetts, 38. Нью-Йорк / State of New York, 39. Род Айленд / State of Rhode Island, 40. Коннектикут / State of Connecticut, 41. Нью-Джерси / State of New Jersey, 42. Пенсильвания / Commonwealth of Pennsylvania, 43. Делавэр / State of Delaware, 44. Мэриленд / State of Maryland, 45. Вашингтон, окр. Колумбия / Washington D.C., 46. Западная Виргиния / State of West Virginia, 47. Виргиния / Commonwealth of Virginia, 48. Северная Каролина / State of North Carolina, 49. Южная Каролина / State of South Carolina, 50. Аляска / State of Alaska, 51. Гавайи / State of Hawai'i

Источник¹⁰ / Source¹⁰

Рис. 4. Распределение научно-инженерных кадров по штатам в 2019 г.

Figure 4. Concentration of scientific and engineering personnel (STEM workers) by state in 2019

Бюро трудовой статистики Министерства труда США опубликовало прогнозные оценки динамики занятости по отдельным отраслям и профессиям. По их мнению, самыми быстрорастущими профессиями в ближайшие 10 лет будут: цифровые кино-механики (1,2 тыс. рабочих мест, медианная заработная плата 27,5 тыс. долл. США в год), специалисты по обслуживанию ветрогенераторов (4,7 тыс. рабочих мест, 56,2 тыс. долл. США в год), билетеры, кассиры, обслуживающий персонал в вестибюлях (50,4 тыс. рабочих мест, медианная заработная плата 25 тыс. долл. США в год), практикующие медсестры (114,9 тыс. рабочих мест, медианная заработная плата 111,7 тыс. долл. США), установщики солнечных фотоэлектрических систем (6,1 тыс. рабочих мест, медианная заработная плата 46,5 тыс. долл. США в год).

Наибольшая занятость, по прогнозам до 2030 г., ожидается в сфере здравоохранения и персонального ухода на дому (1,1 млн рабочих мест с медианной заработной платой 27 тыс. долл. США в год), также востребованными будут повара и другие работники ресторанного бизнеса (563,5 тыс. рабочих мест с медианной заработной платой 28,8 тыс. долл. США в год), работники фаст-фуда и уличной торговли (517,5 тыс. рабочих мест с медианной заработной платой 23,8 тыс. долл. США в год), разработчики программного обеспечения и аналитики по контролю качества программного обеспечения, тестировщики (409,5 тыс. рабочих мест с медианной заработной платой 110 тыс. долл. США в год), официанты и официантки (407,6 тыс. рабочих мест с медианной заработной платой 23,7 тыс. долл. США в год)¹¹.

¹⁰ Там же.

¹¹ Bureau of Labor Statistics (2021). Employment projections: 2020–2030.

Занятость в малом бизнесе / Employment in small business

Малый бизнес играет важнейшую роль в сфере занятости США. В условиях крупномасштабных преобразований именно малые предприятия проявляют большую гибкость и быстро реагируют на преобразования рынка труда, принимая уволенных работников из среднего и крупного бизнеса. Важно отметить, что деятельность малого бизнеса влияет не только на экономическое развитие страны, но и на социальное, становясь для многих образом жизни. В секторе малого бизнеса создается свыше 70 % новых рабочих мест. По данным за 2021 г., в США насчитывалось свыше 32,5 млн малых предприятий, на которые в целом по стране приходилось 46,8 % (61,2 млн чел.) занятых в частном секторе. Предприятия открываются и закрываются постоянно. Например, в период с марта 2019 г. по март 2020 г. открылось миллион организаций, и в этот же период закрылось 993 тыс., таким образом, общее количество малых предприятий увеличилось на 42,6 тыс. Открытие фирм добавило 12,8 млн новых рабочих мест, в то время как закрытие привело к сокращению рабочих мест на 12,3 млн чел. Таким образом, количество рабочих мест в сфере малого бизнеса увеличилось на 406 тыс.¹² Разнообразные государственные программы поддержки малого бизнеса в США сохраняют его высокую долю в экономике в период кризисов, а также обеспечивают решение важной социальной задачи — снижения уровня безработицы [Заболоцкая, 2019].

Самая высокая доля занятых наблюдается на малых предприятиях в сельском и лесном хозяйствах, рыболовстве и охотничьем промысле — 83,6 %; в сфере услуг — 80,0 %, строительстве — 76,8 %. Увеличивается количество и доля малых предприятий, которые не имеют работников. Если в 1997 г. таких предприятий было 15,4 млн, в 2015 г. — 24,3 млн (80 %), то в 2021 г. — 26,5 млн (81,4 %).

Существенно различается отраслевая структура занятости по штатам. Например, штат Калифорния — лидер по количеству малых предприятий — 4,2 млн, на которых работает 7,3 млн чел. (48,2 % всех занятых штата). Более 1,1 млн чел. занято в сфере гостиничного бизнеса и общественного питания. Следующим крупнейшим штатом по количеству малых предприятий является Техас — 3 млн организаций и 4,9 млн занятых на них, что составляет 45,1 % всех занятых в штате. При этом наибольшее количество занятых (более

723 тыс. чел.) работают в сфере здравоохранения и социальной помощи.

Учитывая экономическую и социальную роль малого бизнеса, правительством США оказывается всесторонняя поддержка его развитию [Петровская, 2019]:

- расширение доступности капитала;
- создание инвестиционных компаний;
- страхование;
- государственные гарантии в сфере аренды;
- помощь при чрезвычайных ситуациях.

Рассмотрение занятости на предприятиях малого бизнеса важно с практической точки зрения для развития этого направления в России.

Гендерные особенности сферы занятости / Gender characteristics of the employment sphere

Численность населения США составляет 332,7 млн чел.¹³ из них 169 млн чел. — женщины. Быстрый рост участия женщин в рабочей силе стал важным событием на рынке труда во второй половине XX в. В целом, участие женщин в рабочей силе резко возросло с 1960-х гг. по 1980-е гг., а затем замедлилось в 1990-х гг. и начале 2000-х гг. Последовало снижение доли женщин в рабочей силе, которое ускорило после рецессии с декабря 2007 г. по июнь 2009 г., достигнув в 2015 г. предпандемийного минимума в 56,7 %. Затем этот показатель вырос до 57,4 % в 2019 г. В 2020 г. доля женщин в составе рабочей силы составила 56,2 %, что является самым низким показателем с 1987 г. Заметим, что пик доли занятости женщин был в 1999 г. и составил 60 %¹⁴.

Министерство труда США отмечает, что женщины уже более 100 лет входят в состав рабочей силы США. Можно проследить, как трансформировалась их профессиональная деятельность по десятилетиям. Например, в 1920 г. большинство оказывали бытовые услуги (670 тыс. чел.), работали учителями (622 тыс. чел.), стенографистками и машинистками (567 тыс. чел.), клерками (442 тыс. чел.), сельскохозяйственными рабочими (396 тыс. чел.), прачками (384 тыс. чел.), продавцами (350 тыс. чел.), бухгалтерами и кассирами (337 тыс. чел.), поварами (266 тыс. чел.). А в 2019 г. профессии, в которых занято наибольшее количество женщин, выглядели следующим образом: учителя (4,3 млн чел.), медсестры (3,8 млн чел.), нянечки, сиделки и другие работники

¹² *Small Business Administration* (2021). United States Small Business profile 2021. Режим доступа: <https://cdn.advocacy.sba.gov/wp-content/uploads/2021/08/30144808/2021-Small-Business-Profiles-For-The-States.pdf> (дата обращения: 17.07.2022).

¹³ *Census Bureau* (2022). U.S. and World Population Clock. Режим доступа: <https://www.census.gov/popclock/> (дата обращения: 27.06.2022).

¹⁴ *Bureau of Labor Statistics* (2018). Women in the labor force: a databook. Режим доступа: <https://www.bls.gov/opub/reports/womens-databook/2021/home.htm> (дата обращения: 27.06.2022).

социальных служб, помощники по хозяйству (3 млн чел.), секретари, кассиры и другие административные помощники (2,6 млн чел.), сотрудники службы поддержки (1,9 млн чел.), менеджеры по продажам (1,6 млн чел.), официантки (1,5 млн чел.)¹⁵.

Участие женщин на рынке труда заметно изменилось за последние несколько десятилетий. Например, у женщин появилось гораздо больше возможностей получить более высокий уровень образования: с 1970 г. по 2020 г. доля женщин в возрасте от 25 до 64 лет, имеющих высшее образование, увеличилась более чем в 4 раза, в то время как доля мужчин с высшим образованием увеличилась более чем в 2 раза за тот же период времени. В 2020 г. 47,2 % женщин в возрасте от 25 до 64 лет имели степень бакалавра и выше по сравнению с 11,2 % в 1970 г. Женщины также стали чаще работать полный рабочий день и круглый год.

Участие в рабочей силе зависит от семейного положения и отличается у женщин и мужчин. Никогда не состоявшие в браке женщины имеют самый высокий уровень участия среди всех женщин.

В 2020 г. медианный доход женщин, работавших полный рабочий день, составил 891 долл. США в неделю (82,3 % от медианного дохода мужчин). Эксперты отмечают, что это связано в том числе и с тем, что женщины вынуждены чаще, чем мужчины, прерывать свою трудовую деятельность. А возвращаясь на работу, они проигрывают в профессиональном опыте и стаже, и зачастую в карьерном росте [Шведова, 2015].

Ежегодно в США отмечают День равной оплаты труда (англ. Equal Pay Day) — эта Дата символизирует, как долго в течение года женщины должны работать, чтобы заработать то, что мужчины заработали в предыдущем году. В 2022 г. этот день был 15 марта¹⁶.

Самый высокий недельный уровень доходов среди женщин-фармацевтов — 2 160 долл. США, руководителей — 2 051 долл. США, менеджеров по компьютерным и информационным системам — 1 910 долл. США, ассистентов врачей — 1 894 долл. США.

Средняя продолжительность работы на одном месте у женщин составляет 3,9 лет, а у мужчин — 4,3 года.

Доля работающих бедных среди женщин выше, чем среди мужчин — 4,5 % и 3,5 % соответственно. 3,4 млн женщин и 2,9 млн мужчин в США являются работающими бедными, то есть теми, кто по меньшей

мере 27 недель был в составе рабочей силы (работали или находились в поисках работы). При этом, с учетом расово-этнических характеристик, доля работающих бедных среди чернокожих и испаноязычных женщин в 2019 г. составила 8,9 % и 7,1 % соответственно. Факторами риска являются уровень образования и частичная занятость.

В США увеличивается число женщин-кормилиц, чьи доходы являются единственным источником семейного бюджета. Растет доля семей (около 30 %), в которых женщины зарабатывают больше мужчин при том, что работают оба. Растет доля самозанятых женщин: если в 1976 г. их было 26,8 %, то в 2020 г. — 41,6 %.

При всех своих успехах женщины продолжают сталкиваться с трудностями в сфере занятости, в том числе и при поиске работы, равной оплаты труда, баланса между работой и семейной жизнью.

Частичная занятость / Part-time employment

Согласно данным Бюро трудовой статистики США, в апреле 2022 г. 25,2 млн чел. имели частичную занятость, то есть работали менее 35 часов в неделю. Важно отметить, что 4,2 млн чел. были заняты неполный рабочий день по экономическим причинам. Эти люди предпочли бы работать полный рабочий день, но либо их рабочий день сократил работодатель, либо они не смогли найти работу на полный рабочий день. Для 21 млн чел. это собственный осознанный выбор. Исторически сложилось так, что неполный рабочий день чаще выбирают женщины, подростки и пожилые работники.

В США на федеральном уровне с 1979 г. установлена минимальная оплата труда, размер которой периодически пересматривается. Последний раз размер минимальной оплаты труда был установлен в 2009 г. и с тех пор составляет 7,25 долл. США в час. Следует отметить, что более половины всех штатов имеют минимальную заработную плату, превышающую федеральный минимум. Самая высокая минимальная оплата труда на уровне штата установлена в округе Колумбия и составляет 15,2 долл. США в час¹⁷. По данным на 2021 г., 76,1 млн чел. работали с почасовой оплатой, это составляет 55,8 % от всех наемных работников. Из них 181 тыс. чел. получали минимальную оплату труда, а 910 тыс. чел. имели заработную плату ниже федерально установленного минимума¹⁸.

¹⁵ Department of Labour (2021). 100 Years of Working Women. Режим доступа: <https://www.dol.gov/agencies/wb/data/occupations-decades-100> (дата обращения: 17.07.2022).

¹⁶ Bureau of Labor Statistics (2022). Equal Pay Day: March 15, 2022. Режим доступа: <https://www.census.gov/newsroom/stories/equal-pay-day.html> (дата обращения: 17.07.2022).

¹⁷ Minimum Wage (2022). List of Minimum Wage Rates by State 2022. Режим доступа: <https://www.minimum-wage.org/wage-by-state> (дата обращения: 25.07.2022).

¹⁸ Bureau of Labor Statistics (2022). Characteristics of minimum wage workers, 2021. Режим доступа: <https://www.bls.gov/opub/reports/minimum-wage/2021/home.htm> (дата обращения: 01.07.2022).

Заключение / Conclusion

В работе проведен комплексный анализ тенденций занятости в США. Выполнен теоретико-методологический анализ российских и зарубежных исследований, информационно-статистических материалов Бюро трудовой статистики США. Рассмотрены проблемы молодежной занятости, научно-инженерных кадров, показана роль малого бизнеса в обеспечении занятости, проанализированы гендерные особенности и частичная занятость на американском рынке труда.

О значении, придаваемом в США вопросам занятости и трудоустройства, свидетельствует создание целой системы государственных органов

на всех уровнях власти. Государство выступает не только гарантом соблюдения всей нормативной базы в сфере труда, но и проводит активную политику повышения качества рабочих мест, актуализации подготовки новых кадров в связи с быстро меняющимися требованиями рынка труда, повышения уровня образования, стимулирования занятости получателей государственных видов помощи, содействия трудоустройства социально-уязвимым группам населения. Роль государства при администрации президента Джозефа Байдена остается одним из ключевых факторов экономического развития страны [Супян, 2021].

Список литературы

- Григорьев Л.М., Григорьева Н.Л. (2021). США: экономика и социальная структура перед сменой эпох // Вопросы экономики. № 1. С. 98–119. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-98-119>
- Григорьев Л.М., Елкина З.С., Медникова П.А., Серова Д.А., Стародубцева М.Ф., Филиппова Е.С. (2021). «Идеальный шторм» личного потребления // Вопросы экономики. № 10. С. 27–50. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-10-27-50>
- Заболоцкая В.В. (2019). Государственные программы поддержки малого бизнеса в США // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 15–22.
- Лебедева Л.Ф. (2018). Создание рабочих мест по Трампу: приоритеты, реалии и риски // Мировая экономика и международные отношения. № 11. С. 77–86. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-77>
- Лебедева Л.Ф. (2022). Социальная повестка администрации Дж. Байдена // США & Канада: экономика – политика – культура. № 2. С. 24–35. <https://doi.org/10.31857/S268667302202002X>
- Петровская Н.Е. (2019). Проблемы занятости в XXI веке: глобальные тенденции и национальные особенности (опыт США). М.: ИНФРА-М. 275 с.
- Печатнов В.О. (2020). США в тисках кризисов // Мировая экономика и международные отношения. № 10. С. 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16>
- Пискунов Д.С. (2022). Модель государства труда: (workfare state) // Образование. Наука. Научные кадры. № 1. С. 31–33. <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2022-1-31-33>
- Супян В.Б. (2021). США: современная иммиграция и экономика // Россия и Америка в XXI веке. № 1. <https://doi.org/10.18254/S207054760014759-1>
- Супян В.Б. (2021). Экономика США после кризиса 2020 г.: перспективы восстановления // США & Канада: экономика – политика – культура. № 4. С. 5–17. <https://doi.org/10.31857/S268667300014335-8>
- Филиппенко А.А. (2022). Демографические и политические изменения в США, отраженные в переписи населения // Россия и Америка в XXI веке. № 2. <https://doi.org/10.18254/S207054760019836-6>
- Шведова Н.А. (2015). Американки на рынке труда в современных США // Россия и Америка в XXI веке № 2. С. 6.

References

- Filippenko A. (2022), “Demographic and political changes in the United States reflected in the census”, *Russia and America in the 21st Century*, no. 2, <https://doi.org/10.18254/S207054760019836-6>
- Grigoryev L.M., Elkina Z.S., Mednikova P.A., Serova D.A., Starodubtseva M.F., Filippova E.S. (2021), “The perfect storm of personal consumption”, *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 27–50, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-10-27-50>
- Grigoryev L.M., Grigoryeva N.L. (2021), “U.S. economy and social structure before the change of eras”, *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 98–119, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-98-119>
- Lebedeva L. (2018). “Creating jobs under Trump’s policy: priorities, realities and risks”, *World Economy and International Relations*, no.11, pp. 77–86, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-77>
- Lebedeva L. (2022), “The Biden Administration’s Social Agenda”, *USA & Canada: economics, politics, culture*, no. 2, pp. 24–35, <https://doi.org/10.31857/S268667302202002X>
- Pechatnov V.O. (2020), “America gripped by crises”, *World Economy and International Relations*, no. 10, pp. 5–16, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16>
- Petrovskaya N.E. (2019), *Employment problems in the XXI century: global trends and national characteristics (US experience)*, INFRA-M, Moscow, Russia (in Russian).
- Piskunov D.S. (2022), “The model of workfare state”, *Education. Science. Scientific personnel*, no. 1, pp. 31–33, <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2022-1-31-33>
- Shvedova N. (2015) “The American women in the labor market in the modern USA”, *Russia and America in the 21st Century*, no. 2, p. 6.
- Supyan V. (2021), “The US Economy after 2020 crisis: prospects of recovery”, *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, no. 4, pp. 5–17, <https://doi.org/10.31857/S268667300014335-8>
- Supyan V. (2021), “USA: Immigration and Economy”, *Russia and America in the 21st Century*, no. 1, <https://doi.org/10.18254/S207054760014759-1>
- Zabolotskaya V.V. (2019), “Governmental programs of small business support in the USA”, *World Economy and International Relations*, no. 12, pp. 15–22.

UDC 325.2

JEL J01

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-58-66>

Received: 23.06.2022

Revised: 22.07.2022

Accepted: 28.07.2022

Educational migration from Tajikistan to Russia: trends and consequences

Abubakr Kh. Rakhmonov

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

ORCID: <https://doi.org/0000-0001-9924-5857>, e-mail: abubak.93@mail.ru

Institute of Demographic Research FCTAS RAS, 6k1, Fotievoi str., Moscow 119333, Russia

Abstract

The article considers the scale of emigration from Tajikistan to Russia, the distribution of Tajik migrants on the territory of Russia, the importance of the educational migration development for Tajikistan. As well as the trends of educational emigration from Tajikistan to Russia, the prospects of educational migration from Tajikistan and practical recommendations for Tajikistan on the preservation and return of highly qualified specialists to the country are proposed. Tajikistan, as a country with a young return structure of the population, has become a significant participant in various migration flows in recent years. Migrants from Tajikistan can be divided into two parts according to the level of education: the first is young people with secondary or incomplete secondary education, very rarely – with vocational education. The second group consists of middle-aged and older people, skilled workers, and specialists with secondary specialized and higher education. Traditionally, Tajik youth went to study in Russia and Kazakhstan. Half of Tajik university graduates are trying to continue their studies and/or find a job abroad using the Internet. Many people see educational migration as one of the channels of emigration. This process is accompanied by the receipt by Tajik citizens of another education or retraining, the recognition of Tajik diplomas, the passage of appropriate courses in the receiving countries. The socio-economic situation in Tajikistan and the opportunity to earn money and improve living conditions both inside the country and abroad were primarily the driving factor of migration from Tajikistan to Russia. The main reasons why migrants do not want to return to Tajikistan are not only low wages at home, but also great opportunities abroad, which have not only economic, but also political and social dimensions (freedom of political views, the possibility of self-expression, the possibility of realizing abilities). As a result of this wave of migration, Tajikistan is losing not only young people, but also bright potential. We need a policy of attracting highly qualified people to the country, which is impossible without real changes in the socio-economic and political sphere. The purpose of the article is to identify trends and prospects for the development of educational migration from Tajikistan to Russia, as well as the consequences of educational emigration for Tajikistan.

Keywords: Tajikistan, Russia, students, youth, educational migration, labor emigration, higher education, labor market, educational services market

For citation: Rakhmonov A.Kh. (2022) Educational migration from Tajikistan to Russia: trends and consequences. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 58–66. DOI: [10.26425/2309-3633-2022-10-3-58-66](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-58-66)

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Programme of fundamental and applied scientific research “Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of the all-Russian identity” (instruction of the President of the Russian Federation No. PR-71 dated 16.01.2020).



Получено: 23.06.2022

Статья доработана после рецензирования: 22.07.2022

Принято: 28.07.2022

Образовательная миграция из Таджикистана в Россию: тенденции и последствия

Рахмонов Абубакр Хасанович

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: <https://doi.org/0000-0001-9924-5857>, e-mail: abubak.93@mail.ru

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, 119333, Фотиевой ул., 6к1, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются масштабы эмиграции из Таджикистана в Россию, распределение таджикских мигрантов на территории России, важность развития образовательной миграции для Таджикистана. А также тенденции образовательной эмиграции из Таджикистана в Россию и перспективы образовательной миграции из Таджикистана. Автором предложены практические рекомендации для Таджикистана по сохранению и возврату в страну высококвалифицированных специалистов. Таджикистан как страна с молодой возвратной структурой населения в последние годы становится значимым участником в различных потоках миграции. Мигрантов из Таджикистана можно разделить на две группы по уровню образования: первая — это молодежь со средним или с неполным средним образованием, крайне редко — с профессиональным. Вторая группа — это люди среднего и старшего возраста, квалифицированные рабочие и специалисты со средним специальным и высшим образованием. Традиционно таджикская молодежь выезжала на обучение в Россию и Казахстан. Половина выпускников вузов Таджикистана пытаются продолжить обучение и/или найти работу за рубежом, используя «Интернет». Многие видят образовательную миграцию как один из каналов эмиграции. Этот процесс сопровождается получением гражданами Таджикистана еще одного образования или переквалификацией, признанием таджикских дипломов, прохождением соответствующих курсов в странах приема. Подталкивающим фактором миграции из Таджикистана в Россию, прежде всего, выступала социально-экономическая ситуация в Таджикистане и возможность зарабатывать и улучшать условия жизни как внутри страны, так и за рубежом. Главными причинами, по которым мигранты не хотят возвращаться в Таджикистан, является не только низкая заработная плата на родине, но и большие возможности за рубежом, которые имеют не только экономическое, но и политическое, и социальное измерение (свобода политических взглядов, возможность самовыражения, реализация способностей). Таджикистан в результате этой волны миграции теряет не только молодежь, но и яркий потенциал. Требуется политика привлечения высококвалифицированных специалистов в страну, что невозможно без реальных изменений в социально-экономической и политической сфере. Цель статьи — выявить тенденции и перспективы развития образовательной миграции из Таджикистана в Россию, а также последствия образовательной эмиграции для Таджикистана.

Ключевые слова: Таджикистан, Россия, студенты, молодежь, образовательная миграция, трудовая эмиграция, высшее образование, рынок труда, рынок образовательных услуг

Цитирование: Рахмонов А.Х. Образовательная миграция из Таджикистана в Россию: тенденции и последствия // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 58–66. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-58-66

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента Российской Федерации № ПР-71 от 16.01.2020 г.).



Introduction

One of the most important types of migration mobility is international educational migration, which is the movement of people between countries in order to obtain education at different levels and for different periods. The mobility of international students has grown over the past decade, especially due to globalization. In many countries of the world, the existing education system does not have time to respond adequately to the rapid obsolescence of knowledge, the change of technologies forces young people to get education abroad.

Among the Commonwealth of Independent States (CIS) countries, Russia is the main channel of educational emigration. Most of the students from the CIS countries, including Tajikistan, go to study in Russia. The youth of Tajikistan are interested in studying in Russia, for the following reasons: knowledge of the Russian language, a common past history, and also Russia is the main emigration channel for labor migrants from Tajikistan. Some Tajik students after graduating from Russian universities turn into labor immigrants and stay because of high wages in Russia. Under these conditions, Tajikistan should change its policy and attract its highly qualified citizens, since today's Tajikistan needs highly qualified specialists.

The scale of migration from Tajikistan to Russia

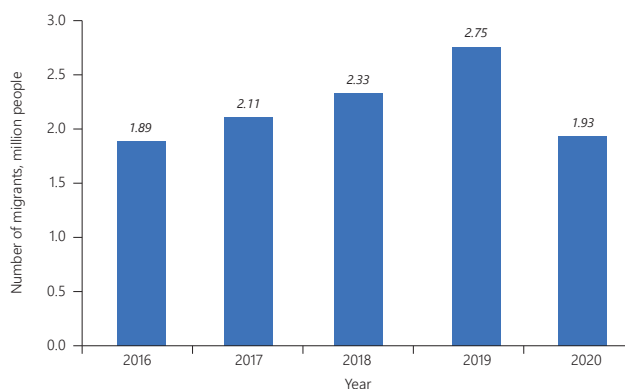
In Tajikistan, during the Soviet period, migration processes were very passive¹. This was caused by several reasons. First, it was a combination of the increasing standard of living processes with its traditional way of life, especially with patriarchal remnants. Family foundations in Tajikistan were more stable compared to most of the republics of the former Soviet Union, and the growth of the population's income was a factor of strengthening these family foundations. If the income allowed a normal life for household members, then there was no need to look for additional income not only outside the country, but also outside the populated areas where the households lived.

Migration from the Republic of Tajikistan to the Russian Federation can be divided into two stages. The first stage began during the civil war 1992–1997 – these were refugees, mainly ethnic Russians, and representatives of the peoples of Russia. The second stage of migration from Tajikistan to Russia was in the 2000s–2010s,

¹ Ulmasov R. (Thursday 1 Mar. 2018), "The history of Tajik migration: lessons from the past, faces of the future", *Russian Council for International Affairs*, available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/istoriya-tadzhikskoy-migratsii-uroki-proshlogo-lik-budushchego/> (accessed 06.06.2022).

when forced emigration gradually transformed into labor emigration of ethnic Tajiks [Ryazantsev et al., 2018].

According to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, in the period 2016–2020, about 11 million citizens of Tajikistan were registered in the Russian Federation (Fig. 1)². On average, about 2.2 million citizens of Tajikistan were registered annually during this period. In 2016–2020, an average of 24.2 % of the total number of Tajik citizens migrated to Russia.



Source²

Figure 1. The number of citizens from Tajikistan registered in the Russian Federation for 2016–2020

It should be noted that during the second stage of migration from Tajikistan to Russia in 2000–2010, the number of Tajik citizens who began to acquire Russian citizenship increased. Migrants began to leave with their families for permanent residence, mainly in the Russian Federation, female migration increased. The socio-economic situation in Tajikistan and the opportunity to earn money and improve living conditions both inside the country and abroad were primarily the driving factor here. During this period, the volume of remittances of migrant workers increased significantly, which significantly affected the improvement of the standard of living in Tajikistan itself. Another feature of this period can be called the "politicisation" of migration.

Distribution of migrants from Tajikistan in Russia

After the collapse of the USSR, the civil war began in the Republic of Tajikistan [Bobokhonov, 2011]. The war forced Tajik citizens to emigrate to other countries, primarily to other CIS countries. According to the Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan, in 2005–2019, more than 9.12 million Tajik citizens left

² Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, *Statistics and analytics*, available at: <https://мвд.рф/деятельност/statistics> (accessed 10.06.2022).

for employment abroad, 7.31 million of them were men and 1.24 million were women (Table 1)³. On average, the percentage of labor migrants who left for work in other countries from the total population of Tajikistan in 2005–2019 was 7.7 %. People from Tajikistan are engaged in business, work in the field of services and trade, culture, and science in the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) countries.

The scale of emigration from Tajikistan abroad began to decrease since 2013, and the greatest decline was recorded in 2015 (Table 1), which is due to the fall in the Russian ruble exchange rate and a decrease in the income of migrants in the Russian Federation in currency equivalent. With a general decrease in the flow of emigrants from Tajikistan to Russia, part of it was reoriented to the OECD countries.

Tajik labor migrants currently work in almost all regions of Russia. Most of them are employed in small and medium-sized businesses, where employers widely use unskilled workers from Tajikistan and other Central Asian countries⁴. It is more profitable for Russian entrepreneurs to use cheap labor, deprived of any rights,

³ Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan (2018), *Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan*, available at: <http://stat.wt.tj/publications/June2019/demographic-yearbook-2018.pdf> (accessed 16.06.2022).

⁴ Rodionov K. (Tuesday 9 Apr. 2013), “Low-skilled foreign labor is cheap for the employer, but not for society”, *Gazeta.ru*, available at: https://www.gazeta.ru/comments/2013/04/09_a_5248613.shtml (accessed 03.06.2022).

than to invest in the innovative development of enterprises and increase labor productivity⁵. The reason for this “economic trap” is that many state and budget organizations are forced to participate in tenders (competitions) for the purchase of goods and services, where the only criterion is the price. As a result, in many sectors of the economy, there occurs a situation when the tender is won by an organization or company offering the minimum price for its goods and services. Such enterprises and companies save on labor.

In 2016–2020, the number of Tajik citizens registered at their place of residence in the regions of the Russian Federation amounted to about 433 thousand people (Table 2).

The top five regions include the Samara, Sverdlovsk, Novosibirsk, Moscow, and Kaluga regions. Moscow and St. Petersburg open the second ten (Fig. 2). However, this does not mean that Moscow and St. Petersburg are unattractive for migrants from Tajikistan. This rather reflects the imperfection of the Russian registration system. The registration of migrants is largely a vestige of the former Soviet system of control over movements in the country and currently does not reflect the real location of migrants and their number in Russia.

⁵ Iskandar F. (Tuesday 26 Jan. 2021), “Tajikistan is sending 400 migrant workers to work in Irkutsk in an organized manner”, *Novosti-Tadzhikistana*, available at: <https://novosti-tadzhikistana.ru/tadzhikistan-organizovanno-otpravlyat-na-rabotu-v-irkutsk-400-trudovyh-migrantov/> (accessed 15.06.2022).

Table 1

Number of the Republic of Tajikistan citizens leaving for work in other countries for 2005–2019

Year	Number of migrants					Population of Tajikistan, million people	Migrants' share from the total population of Tajikistan
	Total number	Male		Female			
		person	%	person	%		
2005	413,804	404,051	97.6 %	9,753	2.4 %	6.789	6.1 %
2006	610,972	554,827	90.8 %	56,145	9.2 %	6.923	8.8 %
2007	575,453	...	...	...	...	7.063	8.1 %
2008	657,342	574,066	87.3 %	83,276	12.7 %	7.21	9.1 %
2009	692,943	415,765	60.0 %	277,178	40.0 %	7.365	9.4 %
2010	736,446	656,814	89.2 %	79,632	10.8 %	7.527	9.8 %
2011	750,391	663,658	88.4 %	86,733	11.6 %	7.698	9.7 %
2012	744,368	657,353	88.3 %	87,015	11.7 %	7.875	9.5 %
2013	799,700	698,806	87.4 %	100,894	12.6 %	8.06	9.9 %
2014	670,806	564,390	84.1 %	106,416	15.9 %	8.253	8.1 %
2015	450,449	392,933	87.2 %	57,516	12.8 %	8.454	5.3 %
2016	517,308	435,457	84.2 %	81,851	15.8 %	8.664	6.0 %
2017	487,757	419,721	86.1 %	68,036	13.9 %	8.88	5.5 %
2018	484,176	419,664	86.6 %	64,512	13.4 %	9.1	5.3 %
2019	530,883	453,870	85.5 %	77,013	14.5 %	9.3	5.7 %

Source³

Table 2

Number of Tajikistan citizens registered at the place of residence by regions of the Russian Federation for 2016–2020

Year	Number of registered citizens by the Russian regions																			Total by year
	Voronezh region	Kaluga region	Moscow	Moscow region	St. Petersburg and Leningrad region	Republic of Bashkortostan	Republic of Tatarstan	Nizhny Novgorod region	Perm region	Samara region	Sverdlovsk region	Khanty-Mansi Autonomous Okrug	Chelyabinsk region	Altai Krai	Krasnoyarsk Krai	Irkutsk region	Kemerovo region	Novosibirsk region	Other regions	
2016	1,840	3,083	1,379	2,813	2,195	1,440	1,287	1,617	1,586	2,314	4,622	2,669	2,529	2,314	3,562	1,976	2,157	3,556	26,805	69,744
2017	2,120	3,681	1,653	3,606	2,230	1,639	1,840	1,701	1,253	4,155	5,292	3,030	2,275	2,769	3,696	2,356	2,615	4,582	30,664	81,157
2018	2,241	2,970	1,986	4,729	2,262	1,430	1,967	1,295	1,054	4,903	6,112	3,454	2,159	3,107	3,479	2,495	1,964	5,038	34,246	86,891
2019	2,296	4,411	2,878	5,325	2,524	1,563	2,477	1,503	1,167	7,065	6,892	4,169	2,833	2,771	3,305	2,696	2,167	5,361	40,645	102,048
2020	1,436	5,100	1,422	5,316	1,659	1,944	1,967	1,074	785	3,375	7,046	5,715	2,708	2,452	4,937	1,424	2,549	4,797	37,629	93,335

Source⁶

Since 2003, from 1 to 1.5 million people [Ryazantsev et al., 2018] have left Tajikistan annually for work, including 780 thousand men and about 140 thousand women of working age, 80 thousand men younger than working age (mainly teenagers aged 16 to 18 years), 7 thousand men older than working age. Ethnic Tajiks (88 %) dominate in the national composition of emigration flows, Uzbeks (10 %), Russians (1.2 %) and other peoples (0.8 %) are also represented⁷.

The importance of the educational migration development for Tajikistan

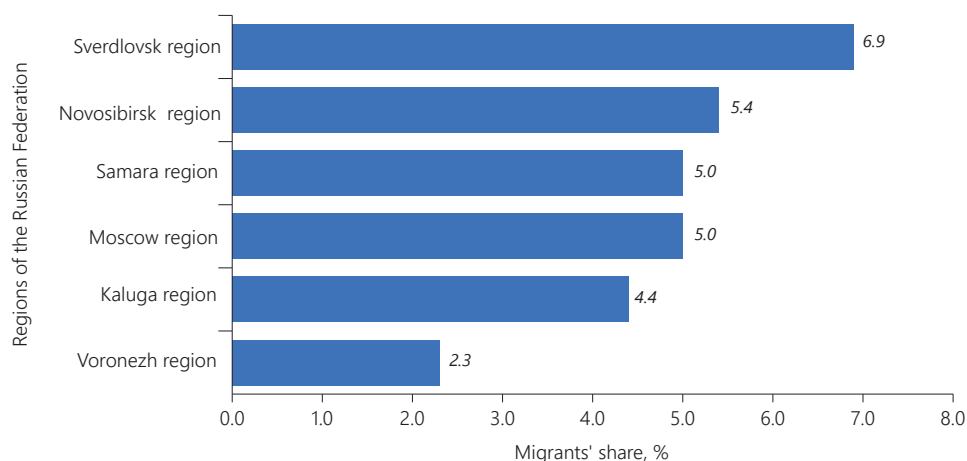
During the years of independence in Tajikistan, due to the civil war and other problems, the image of the country

and its people formed in the information space of the post-Soviet states cannot be called positive [Bakhriev, 2018]. The proximity to Afghanistan, drug trafficking, the problems of extremism and terrorism also contributed to the formation of a contradictory image of Tajikistan in other countries. Therefore, the educational migration of young people is an important factor in the positioning of Tajikistan in the foreign policy arena as an independent and Persian-speaking state. In this context, we note the points that allow us to talk about the positive impact of educational migration of young people on the image of Tajikistan as a whole. These include [Rizoen, 2021] the following.

1. *Accumulation and enrichment of the human capital.* As S. Kasymova [2017] notes in her study, the youth of Tajikistan who studied abroad have a high level of professional education: the presence of 2–3 diplomas of higher education; every tenth graduate has a scientific degree of Doctor of Sciences (PhD). When returning to their homeland, this category of young people can seriously affect the political and economic processes

⁶ Unified interdepartmental information and statistical system (EMISS), *Number of arrived citizens*, available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (accessed 10.06.2022).

⁷ Olimova C. (2005), "Migration processes in modern Tajikistan", *Demoscope Weekly*, available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0223/analit05.php> (accessed 13.06.2022).



Compiled by the author on the materials of the study

Figure 2. The number of Tajikistan citizens registered at the place of residence by regions of the Russian Federation for 2016–2020

in the country. Tajikistan should study the experience of Uzbekistan on the use of specialists who have studied abroad and develop a special program for the return and decent employment of foreign universities graduates. The formation and expansion of such capital is important for the development of all spheres of the country's life.

2. *Formation of a positive image of Tajiks and Tajikistan abroad.* This element is one of the biggest advantages of educational migration of young people. Unfortunately, not all students from Tajikistan complete their studies at reputable foreign universities, but those who study successfully act as worthy representatives of the country. To consolidate this resource, the "Club of Tajik Youth Studying Abroad" has been functioning under the Committee on Youth and Sports under the Government of the Republic of Tajikistan since 2014, and today has its representative offices in 16 countries of the world and 25 regions of Russia. The main objectives of the club are to unite Tajik youth studying abroad and to form a favorable image of modern Tajikistan.

3. *Representation of national characteristics.* Within the framework of the communities where students and postgraduates from Tajikistan live, active work is being carried out to familiarize the citizens of the host country with the national peculiarities of Tajikistan. For example, in Russia and other countries, young people actively participate in the celebration of the Persian new year "Navruz", state holidays of Tajikistan, etc. They take part in festivals held on the initiative of the university administration. Since some interested actors in the information space focus exclusively on negative events in Tajikistan, the active youth of the country could contribute to leveling these narratives, using new information and communication technologies, widely publicize the achievements of the Tajik people.. Researcher B.H. Bakhriev [2018] noted in this regard: "... Almost every citizen of Tajikistan outside of its borders becomes a resource of public diplomacy of his state, i.e., he can influence the formation of a particular image of his country." A good example of such work is the activity of the Tajik diaspora in Russia.

4. *The image of a successful and educated person.* Many graduates of foreign universities and participants of international programs, having a reputation of highly qualified and successful people, find decent work both at home and abroad [Zwarthoed, Culp, 2018]. During the interview, the experts noted that young people with foreign higher education have a great influence on the youth environment of their place of residence, they conduct successful entrepreneurial activities, create new areas of business and production, introduce new goods and services in the country's market. Illustrative examples from the practice of successful people can act as an effective

tool for reducing the interest of local youth in radical and extremist organizations [Khalid et al., 2019].

Trends of educational emigration from Tajikistan to Russia

According to the statistical data provided in the document "On the number of citizens of the Republic of Tajikistan sent by the Ministry of Education and Science of the Republic of Tajikistan to study in higher and scientific educational institutions of foreign countries at the expense of educational quotas and continuing their studies", in 2014–2018, Russia is leading among the host countries in terms of the number of accepted students – 17,081 (81.1 %), followed by: China – 1,520 (7.2 %); Kazakhstan – 703 (3.4 %); Kyrgyzstan – 459 (2.2 %); Belarus – 236 (1.1 %); Malaysia – 110 (0.52 %); USA – 110 (0.52 %); Turkey – 88 (0.42 %); Baltic countries – 88 (0.42 %); Ukraine – 83 (0.4 %); Japan – 68 (0.32 %); Germany – 67 (0.32 %); Poland – 63 (0.3 %); Indonesia – 59 (0.28 %); Saudi Arabia – 59 (0.28 %); Turkish Republic of Northern Cyprus – 57 (0.27 %)⁸. In addition, students from Tajikistan are also studying in Iran, India, Turkmenistan, South Korea, the Czech Republic, Kuwait, Austria, and Azerbaijan.

Students from Tajikistan study mainly in the CIS countries (88.9 %), the remaining 11.2 % study in other countries of the world. According to Nuriddin Said, the former Minister of Education and Science of Tajikistan, until July 19, 2019, 30 thousand young people studied in foreign countries, 90 % of them on a budget basis⁹. Within the framework of bilateral agreements, 21 thousand Tajik students studied at Russian universities [Abdusamatov, Bayanova, 2018].

In 2012–2020, 35.3 % of the total number of Tajik citizens who arrived in Russia had a general secondary (full) education (Table 3); 13.4 % had a secondary vocational (specialized secondary) education; about 8 % had a higher professional (higher) education. Most often, citizens who had a general secondary (full) education come from Tajikistan, which means that young people most often come after finishing the eleventh grade.

However, the existing statistics do not allow us to determine the exact number of Tajik students studying abroad. During the study, it was revealed that some Tajik students study at the expense of their personal funds or international scholarships, and their number

⁸ Agency on statistics under President of the Republic of Tajikistan (2019), Education in the Republic of Tajikistan-2019–2020, available at: <http://stat.ww.tj/publications/June2019/Education-2019.pdf> (accessed 14.06.2022).

⁹ International Organization for Migration (2019), *External youth migration in Central Asian countries: risk analysis and minimization of negative consequences: analytical report*, available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf (accessed 17.06.2022).

Table 3

Distribution of migrants from Tajikistan to Russia by level of education for 2017–2020

Education level	Number of migrants by year, persons								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Higher professional education, with an academic degree:	3,158	3,334	3,478	4,142	4,543	5,355	6,177	2,548	2,174
• Doctoral degree	12	11	14	11	21	22	23	6	-
• Candidate of Sciences degree	29	19	32	18	20	31	19	17	37
Incomplete higher professional education (incomplete higher education)	1,136	811	844	712	975	1,032	1,237	631	2,457
Secondary education (specialized secondary)	6,028	6,953	7,108	7,272	7,160	8,621	10,160	4,341	6,094
Primary education	977	1,003	1,235	713	651	737	890	558	2,515
General secondary (full)	16,119	23,070	23,565	18,030	19,870	23,131	22,622	5,345	26,315
Basic general education (secondary general incomplete)	3,440	3,996	4,101	3,591	4,005	4,174	4,369	1,957	7,505
Primary general education (primary) and those who do not have an education	1,037	1,104	1,317	940	903	1,182	1,083	655	1,510
The level of education is not specified	7,113	7,782	9,888	8,278	9,826	13,136	13,906	65,031	14,961

Source¹⁰

in various countries of the world, including in the CIS, may be an order of magnitude higher than noted in statistics [Qi, 2021]. The priority directions of educational migration from Tajikistan are admission to universities in Russia and other CIS countries, as well as to universities in China. Regarding the choice of specialty, medicine, legal and economic sciences dominate.

Prospects of educational migration from Tajikistan

It is noted that in the medium term, an increase in the educational migration of young people in Tajikistan is expected, and this conclusion is based on the following points.

Firstly, today, unlike in the 2000s, admission to foreign universities is not something unattainable since foreign countries provide grants and scholarships. For example, regional universities of the Russian Federation in the administrative centers of the regions of Tajikistan examine school graduates who can become students [Pirnazarova, 2013]. The other part of the educational quotas is allocated through Russian Center of Science and Culture in Dushanbe. Thus, it is expected that in the medium term, the number of students from Tajikistan in Russian universities will increase. Studying in Russia is also attractive because after

receiving a diploma, you can get Russian citizenship in a simplified form.

Secondly, both in Russia and in the other countries of the world, the number of Tajik citizens who have left for permanent residence is growing. Today, for example, there are from 15 to 20 thousand of them living in the United States. The analysis of social networks shows that mostly successful and educated young people who have achieved some success in Tajikistan migrate to Western countries. Citizens of Tajikistan living in Western countries form a favorable background for further migration of young people with their achievements. That is why a significant part of the educated youth intends to go to Western countries for education and work with the prospect of staying there for permanent residence.

Thirdly, studying abroad opens wide opportunities for self-realization. The young people we interviewed, who have experience of educational migration, noted that they cannot realize their scientific and research potential at home. However, the state itself is interested in increasing human potential, since, living in different countries, people from Tajikistan help their loved ones, primarily by money transfers [Rizoen, 2021].

¹⁰ Rosstat. Population size and migration of the Russian Federation, available at: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed 07.06.2022).

The author's recommendations to the Republic of Tajikistan on attracting and retaining highly qualified citizens

The Republic of Tajikistan needs to change its migration policy aimed at its highly qualified specialists, create conditions for crushing the outflow and return of highly qualified specialists working in the labor markets of the other countries, since the future of Tajikistan depends on them.

The author puts forward the following proposals for interaction between the State of Tajikistan and Tajik scientists:

- change of strategy from “brain drain” to “brain circulation”;
- development of various forms of academic mobility (“two-way road”);
- creation and expansion of grant programs for Tajik scientists and specialists living abroad (travel grants, visits to universities and research centers, joint research, including in social sciences);
- creation and support by Tajik scientific foundations of international conferences and seminars in Tajikistan and abroad.

Creation of programs for attracting the most successful students of Tajik universities to the work of enterprises during their studies. These programs will help to retain the necessary highly qualified specialists in Tajikistan, preventing their outflow to other countries and will contribute to the economic development of the country.

If Tajikistan hopes for the contribution of highly qualified migrants to the economy of Tajikistan from abroad, then this is a big mistake. Ideally, the contribution should consist in the return of specialists who have gained experience, knowledge and skills in other countries that can be used in Tajikistan.

Conclusion

Recently, large-scale flows of emigrants from among the Tajik youth have been formed, who are trying to find a job, get a higher education and a promising profession abroad, primarily in Russia. The emigration of young people from Tajikistan to Russia and other countries, as a rule, is accompanied by the receipt by Tajik citizens of another education or retraining, recognition of Tajik diplomas, passing appropriate courses in the host countries. Most of Tajik citizens who have gone abroad for training, seek to remain in a permanent place of residence after its completion. In fact, educational migration is turning into a channel of labor migration and brain drain.

Youth migration from Tajikistan will increase in the short and medium term. Regarding the educational migration of young people, it should be noted that every year new opportunities for studying abroad appear with the assistance of the Center for International Programs of the Ministry of Education and Science of Tajikistan on quotas of foreign countries. Also, today, scholarship programs of foreign countries are considered available, which the youth of Tajikistan use to their maximum advantage.

According to research, young people often cannot meet their educational needs due to the lack of competitiveness of the domestic education system [Dustmann, Glitz, 2011]. Therefore, a significant part of them prefers to study abroad. In addition, there are several specialties that cannot be studied in Tajikistan. Only the reform of the educational system in the country can significantly affect the migration mood of young people.

References

- Abdusamatov B.B., Bayanova L.N. (2018), “Interaction between Russia and Tajikistan in the field of education”, *Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah*, no. 2(46), pp. 125–130.
- Bakhriev B.Kh. (2018), “Soft power and public diplomacy: opportunities for independent Tajikistan”, *Bulletin of the Tomsk State University*, no. 436, pp. 97–105. <https://doi.org/10.17223/15617793/436/11>
- Bobokhonov R.S. (2011), “The Civil war in Tajikistan 1992–1997: causes, course, consequences, and lessons”, *Social Sciences and modernity*, no. 4, pp. 74–83.
- Dustmann C., Glitz A. (2011), “Migration and Education”, *Handbook of the Economics of Education*, vol. 4, pp. 329–429.
- Kasymova S.R. (2017), *Educational migration of young people of Tajikistan: problems and prospects. Research report*, Center for Gender Education, Dushanbe, Tajikistan, 40 p.
- Khalid A., Jeffrey S.B., Ira B. (2019), *Education, immigration, and migration*, Emerald Publishing, Bingley, UK, 303 p.
- Liu Qi. (2021), “Difficulties of de-russification in Tajikistan in the field of education”, *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, no. 4, pp. 83–88.

Pirnazarova P.A. (2013), “Relations between the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in the field of education, science, and culture: 1991-2011”: Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Hist.): 07.00.02: Ahmadi Donish Institute of History, Archeology and Ethnography National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan.

Rizoen Sh. Sh. (2021), “Foreign education of Tajik youth as a two-way resource of soft power”, *Scientific journal Diskurs-Pi*, no. 1 (42), pp. 158–175. <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-158-175>

Ryazantsev S.V., Akramov Sh.Yu., Rakhmonov A.Kh., Ponomarev E.S. (2018), “Emigration from Tajikistan to OECD countries: trends, consequences, prospects”, *Scientific Review. Series 1. Economics and law*, no. 3–4, pp. 22–34. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2018-3-4-03>

Zwarthoed D., Culp J. (2018), “Introduction: education and migration”, *Journal of Global Ethics*, vol. 14, no. 1, pp. 5–10. <http://dx.doi.org/10.1080/17449626.2018.1498800>

UDC 338.22

JEL O38

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-67-71>

Received: 11.08.2022

Revised: 16.09.2022

Accepted: 26.09.2022

Information technology industry state support as a key problem of ensuring the national security of the Russian Federation

Bulat D. Nuriev

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the State and Municipal Administration Department¹;

Assoc. Prof. at the World Economy and International Economic Relations Department¹

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8434-2419>, e-mail: nurievbd@mail.ru

Sergey V. Pospelov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the World Economy and International Economic Relations Department¹;

Assoc. Prof. at the Regional Management and National Policy Department²

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7255-000X>, e-mail: pospelov-s@mail.ru

¹State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

²Moscow State Institute of International Relations, 76, prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract

The article analyzes the state support provided by the authorities of the Russian Federation to the information technology industry from the point of ensuring national security. The authors also set a goal to identify the shortcomings of the support, based on regulatory legal acts that have been adopted over the year 2021. The study emphasizes that, despite the balanced approach of the legislator to solving key issues, such as the lack of an unambiguous understanding of some legal categories, gaps in education legislation, insufficient attention to some types of digital technologies, it is necessary to improve the efficiency of public administration and further support of the industry development. Currently there is a tendency in the world to tighten legislation in the field of violations in the virtual space, and many states are seeking to streamline and systematize the use of digital technologies, including big data. At the same time, of course, it is not allowed to ignore the fundamental rights and freedoms of the end user. The legislative experience of the European Union is given as an example. Special attention is paid to the need to control the process of knowledge transmission in the information sphere. The novelty and relevance of the study lies in the fact that its main provisions are considered for the first time in Russian humanitarian knowledge. The authors believe that only the question of the conceptual and categorical apparatus was previously considered by Russian specialists, but the conclusions of many researchers are already outdated. The paper also states that in the conditions of rapidly developing digital technologies, it is necessary to create import-substituting equipment, systems and software that will reduce the digital divide, if it grows.

Keywords: state support, information technology industry, digital technologies, big data, conceptual and categorical apparatus, knowledge transmission, national security, regulatory legal act

For citation: Nuriev B.D., Pospelov S.V. (2022) Information technology industry state support as a key problem of ensuring the national security of the Russian Federation. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 67–71. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-67-71



Получено: 11.08.2022 Статья доработана после рецензирования: 16.09.2022 Принято: 26.09.2022

Государственная поддержка отрасли информационных технологий как ключевая проблема обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Нуриев Булат Дамирович

Канд. филос. наук, доц. каф. государственного и муниципального управления¹;

доц. каф. мировой экономики и международных экономических отношений¹

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8434-2419>, e-mail: nurievbd@mail.ru

Поспелов Сергей Валерьевич

Канд. экон. наук, доц. каф. мировой экономики и международных экономических отношений¹;

доц. каф. регионального управления и национальной политики²

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7255-000X>, e-mail: pospelov-s@mail.ru

¹Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

²Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, 119454, пр-т Вернадского, 76, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье анализируется государственная поддержка, оказываемая органами власти Российской Федерации, отрасли информационных технологий с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Авторами исследования поставлена цель выявить недочеты и недоработки системы поддержки, опираясь на нормативные правовые акты, которые были приняты в течение 2021 г. В исследовании подчеркивается, что, несмотря на сбалансированный подход законодателя, для решения таких проблем, как отсутствие однозначного понимания некоторых правовых категорий, наличие пробелов в законодательстве об образовании, недостаточное внимание к различным видам сквозных цифровых технологий, необходимы повышение эффективности государственного управления и дальнейшая поддержка развития отрасли. Авторы констатируют, что в настоящее время в мире намечается тенденция к ужесточению законодательства в сфере нарушений в виртуальном пространстве, а многие государства стремятся упорядочить и систематизировать использование цифровых технологий, в том числе больших данных. При этом, безусловно, не допускается игнорирование основных прав и свобод конечного потребителя. В качестве примера приводится законодательный опыт Европейского союза. Особое внимание уделяется необходимости контроля над процессом транслирования знаний в информационной сфере. Новизна и актуальность проведенного исследования заключаются в том, что основные его положения впервые рассматриваются в отечественном гуманитарном знании. Авторы полагают, что из обозначенных проблем только вопрос о понятийно-категориальном аппарате ранее рассматривался отечественными специалистами, однако выводы многих исследователей уже устарели. В работе также констатируется, что в условиях стремительно развивающихся цифровых технологий необходимо создавать импортозамещающее оборудование, системы и программное обеспечение, которые будут сокращать цифровой разрыв, в случае его нарастания.

Ключевые слова: государственная поддержка, отрасль информационных технологий, цифровые технологии, большие данные, понятийно-категориальный аппарат, транслирование знаний, национальная безопасность, нормативный правовой акт

Цитирование: Нуриев Б.Д., Поспелов С.В. Государственная поддержка отрасли информационных технологий как ключевая проблема обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 67–71. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-67-71

© Нуриев Б.Д., Поспелов С.В., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>



Introduction

In the modern world, information technologies (IT) and their digital counterparts play an extremely important role in shaping the entire security architecture of the state. Methods of information dissemination, its content, regulation of access to information, the ability to respond competently and in a timely manner to violations in the information sphere are just some of the issues that currently together form the structure of the so-called information sovereignty of any state. In this regard, the issue of scientific and theoretical support, including the study of state support for the Russian information technology industry, becomes especially relevant.

The authors of the study emphasize that this paper deals with the security of the state. Information security is a category for a wide range of applications. Conventionally, information security can be divided into two types: micro-level information security and macro-level information security, which are closely related. If the first case, as a rule, considers the security of companies or individuals, then the authors study the second case, in which they give an analysis of the information security of the state.

The problem under consideration is extremely poorly studied, and this is its peculiarity. This is explained by the fact that state support for the information technology industry is a new direction not only in Russian science, but also in foreign humanitarian knowledge. A brief analysis of the scientific literature on the topic will be carried out retrospectively, because over time, the focus of research has shifted depending on the actualization of certain issues.

1. At the beginning of the 21st century, there has been a revival in the discussion of information security problems in its purely theoretical and methodological dimension. During this period, such fundamental works as a two-volume book "Information security of organizational management systems" edited by N.A. Kuznetsov were published [2006], as well as A.V. Tsaregorodtsev's widely popular monograph "Information security in distributed control systems" [2003].

2. Around the middle of the next decade, there is an increase in interest in highly specialized information security issues, such as the development of the information technology industry as a whole. Among the significant works of this period, we would like to highlight the "Formation and development of a system for stimulating the labor activity of personnel in the information technology industry: theory and practice" by E.A. Mitrofanova and N.V. Bulkina [2016], and the well-known book "Mass Media in the context of globalization: information and communication security", edited by V.I. Vasilenko [2015].

3. Over the past two or three years, the problem of using digital technologies in various spheres of human activity has become even more urgent. Most of the memorable works on this topic were written in the format of articles. Among them, for example, the publications of famous economists E.N. Smirnov [2020], S.A. Lukyanov [Smirnov, Lukyanov, 2019] and other researchers. At the same time, dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences on topics related to this study were prepared and defended. For example, R.M. Lamzin's research work [2020] and M.V. Ilyicheva's dissertation [2021].

The authors have not identified a single study on the topic indicated in this article, considering current changes that digital transformations bring with them.

Materials and research methods

The topic of this study is interdisciplinary in nature and is located at the intersection of such areas of knowledge as the theory of public administration, economic theory and jurisprudence.

During the preparation of the work, the authors used the following research methods. Firstly, the analysis of theoretical sources was actively involved as the main general scientific method of cognition. The latest works of well-known Russian specialists in the field of information and digital technologies, information and digital security, state regulation of the information technology industry were reviewed and studied. The conclusions and main provisions of monographs and scientific publications published over the past two years were also summarized.

Secondly, the authors used an extensive regulatory framework, which corresponds to a specially scientific method in jurisprudence. In particular, the legal acts of the Russian Federation and the European Union (EU) countries were considered.

Thirdly, the authors used the modeling method, which is actively used in economic and legal research. And finally, the so-called concrete historical method made it possible to look at the development of the indicated problem in dynamics, taking into account those views and opinions that recently were relevant.

Results

The results of the study are systematized and presented as follows.

Firstly, in Russian science and, as a result, in law-making activities, a categorical apparatus in relation to such key concepts as digital technologies, information technologies, information and digital technology industries has not yet been formed. It is also necessary to find out what the information technology industries are, since there is still no clear and unambiguous understanding of this term in academic conditions.

The concept of information technology in its semantic load is much broader than the category of digital technologies. The authors proceed from the fact that digital technology is the coding of digital information in dynamics, that is, in the process of transition from one source to another. As for information technology, this concept includes such areas as mass media in any format (not only digital) and information systems, which are understood as ways of storing information, organizing and archiving it, and even librarianship.

Speaking about the information technology industry, it is necessary to take into account the fact that this concept appeals primarily to information business players, primarily manufacturers of modern information (not only digital) technologies. The digital technology industry, respectively, is also significantly narrower than the information technology industry. Unfortunately, there is a certain discrepancy in the interpretation of certain terms among specialists. The analysis of some important regulatory legal acts, for example, the Action plan (Roadmap) "Creating additional conditions for the development of the information technology industry"¹, which was approved by the Government of the Russian Federation on September 2021, can serve as a proof that there is a certain categorical dissonance in domestic science and law-making. This document contains the main directions that are supposed to be aimed not only at the development of the information technology industry, but also at strengthening the country's sovereignty in the information space.

Secondly, an ambiguous understanding of key concepts has become the main cause of offenses in the field of education. And this also requires appropriate state regulation. Extremely important for ensuring information security is the method of transferring knowledge in the field of information technology, or, in other words, mass education of the population. The topic of education in the information technology industry is not new. For example, in the document mentioned above, one section is devoted to legislative activities in the field of training and is called Electronic educational services.

Russian legislators provide for a number of measures that should contribute to the implementation of the following goals:

- the transition of the Russian education system to domestic software (messaging, mail, video conferencing, office software, operating systems, etc.);
- wider dissemination of knowledge in the field of innovative transformations (providing talented students of secondary

school with the opportunity to take an additional two-year course in modern programming languages, organizing additional qualifications for students in the IT profile in 100 universities at "digital departments", etc.);

- advanced training of teachers on methods and technologies of distance and blended learning.

However, according to the authors, a very important circumstance, which has already become widely covered in the media, escapes the attention of specialists. The growing demand for knowledge in the field of modern digital innovation creates a paradoxical situation. The fact is that this niche is filled not by accredited educational institutions, but by lower-level educational organizations and even individual bloggers. According to some eyewitnesses, the so-called information scammers, without providing the proper level of knowledge, mislead numerous listeners by providing unverified and sometimes false information. In this regard, the issue of amending the federal laws of the Russian Federation "On education", "On licensing certain types of activities" and other regulatory legal acts is brewing.

Thirdly, one of the most controversial areas is the problem of using big data, the illegal and uncontrolled use of which is also associated with information security risks. Big data is the type of end-to-end digital technology that is the hardest to control. So, for example, if transactions using artificial intelligence can be registered and there is currently a lively discussion about this, then big data is a pronounced cross-border category and today is not subject to any control. An exception is the use of information included in the concept of state, commercial, medical and judicial secrets.

People are now witnessing the adoption of regulations governing copyright protection, which otherwise has not yet reached the required level of effectiveness. In the Roadmap analyzed by the authors, a relatively small fragment is devoted to the problem of using big data, which also concerns the use of artificial intelligence and the Internet of things.

The authors note that the vector taken by Russian legislators as the basis for regulating the use of big data is in line with the global trend. An analysis of foreign legislative activity allows us to state that the period of uncontrolled use of big data by individuals and legal entities for commercial, scientific, domestic and other purposes, apparently, is coming to its logical conclusion. This provision does not mean limiting the rights of citizens to use information obtained in the virtual world. Nevertheless, there is a tendency to streamline and systematize this process.

The initiatives of the European Union are a clear confirmation of this. For example, the Law on Big Data (or Data governance act) is currently under consideration in the European Commission, which has not been adopted by the European Parliament yet. The document clearly regulates

¹ The Action plan (Roadmap) "Creating additional conditions for the development of the information technology industry" (approved by the Government of the Russian Federation on 9 September 2021), available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402692050/> (accessed 22.06.2022)..

many aspects of the use of big data, considering the risks that their uncontrolled use can provide for the state². It seems that foreign experience in regulating the use of end-to-end digital technologies, including big data, should be taken into account by Russian specialists in the future.

Discussion

As mentioned above, the research topic chosen by the authors has not yet received proper discussion in the academic environment. Of all the problems considered in Russia, there is a discussion only about the question of the categorical apparatus.

The publication “On standardization of terminology in the information technology industry” [Gorshkov et al., 2013] provides a detailed analysis of the categories used in the scientific and legislative condition. However, we note that the relevance of this work is somewhat outdated. Such problems as the teaching of academic disciplines related to information technology, as well as the regulation of big data, have not yet been sufficiently investigated by Russian specialists. Nevertheless, the analysis of foreign literature shows that our conclusions do not differ much from the views of foreign colleagues [Viana, 2021].

Conclusion

The information security of the state is largely determined by the level of support that the government provides

to the main participants in the information technology industry — primarily domestic IT companies. As the analysis of scientific literature and recently adopted regulatory legal acts shows, the activities of the Russian federal authorities provide for a wide range of forms of support, as evidenced by the Roadmap approved in September 2021.

Nevertheless, given the fact that digital transformations are rapid by their nature, and it is difficult to foresee the direction in which they will develop in the near future, it is extremely necessary for the state to monitor foreign experience. First of all, we are talking about the experience of the most promising countries from the information technology development point of view, including the European Union. In this regard, the analysis of legislative initiatives of the Russian Federation foreign partners is extremely important. The growing popularity of digital technologies, as well as the emerging opportunities for specialists in this field, requires special control by the state over the process of education in this area. It is gratifying that Russian experts see the threats that the existing format of knowledge broadcasting brings with it. In addition, it seems that there is a need to study this problem at the legislative level. And, finally, another issue that has been updated recently, and has not yet found its solution among specialists, is the development of a single categorical apparatus in the field of information and digital technologies. Without solving this problem all discussions about state support for the information technology industry may be ineffective.

² European Commission, *European Data Governance Act*, available at: <http://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/data-governance-act> (accessed 04.07.2022).

References

- Gorshkov A.V., Isakov O.A., Strekha A.A. (2013), “On standardization of terminology in the information technology industry”, *Transport business of Russia*, no. 4, pp. 108–112.
- Ilyicheva M.V. (2021), “State and civil society institutions: interaction in digital reality (political science analysis)”: Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Polit.): 23.00.02, Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Kuznetsov N.A. (2006), *Information security of organizational management systems: theoretical foundations: monograph in 2 volumes*, Nauka, Moscow, Russia (in Russian).
- Lamzin R.M. (2020), “Transformation of the public administration system in the conditions of digitalization”: Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05, Southwest State University Publ. House, Kursk, Russia.
- Mitrofanova E.A., Bulkina N.V. (2016), *Formation and development of a system for stimulating the labor activity of personnel in the information technology industry: theory and practice: monograph*, State University of Management Publ. House, Moscow, Russia, (in Russian).
- Smirnov E.N. (2020), “Challenges of global regulation of international digital trade”, *Trade policy*, vol. 1, no. 21, pp. 25–33.
- Smirnov E.N., Lukyanov S.A., (2019), “Development of the global market of artificial intelligence systems”, *The economy of the region*, no. 1, pp. 57–69, <https://doi.org/10.17059/2019-1-5>
- Tsaregorodtsev A.V. (2003), *Information security in distributed control systems: monograph*, Russian University of Friendship of Peoples Publ. House, Moscow, Russia (in Russian).
- Vasilenko V.I. (2015), *Mass media in the context of globalization: information and communication security: monograph*, Prospekt, Moscow, Russia (in Russian).
- Viana A. (2021), “Digital transformation in public administration: from e-Government to digital government”, *International Journal of digital law*, no. 1, pp. 29–44, <http://dx.doi.org/10.47975/IJDL/1viana>

UDC 372.881.111.1
Received: 22.07.2022

JEL I25, N3, O15, O32
Revised: 26.08.2022

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-72-79>
Accepted: 01.09.2022

Key knowledge and skills university students need in a digital environment

Tatiana V. Salynskaya

Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Foreign Languages Department

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5501-1012>, e-mail: salynskayatatiana@mail.ru

Arina A. Yasnitskaya

Senior Lecturer at the Foreign Languages Department

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4184-5355>, e-mail: lmctguu@gmail.com

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The era of digital transformation implies fundamental changes in society, educational processes, professional activities and everyday life of people. This allows building economic relations in a new way, establishing cultural ties, planning, making and implementing decisions. Digital technologies are becoming an important tool for educational transformation and they affect the value of the digital system positively. The purpose of the article is to evaluate the introduction of digital technologies into the system of teaching students at the university. The empirical methods such as questioning, analysis, study and generalization are used in the research. The paper concludes that undergraduate students consider the active introduction of digital transformation into the educational process as a necessary component for acquiring modern digital competencies. The perspectives for the study lie in the introduction of modern digital technologies focused on the widespread use of active teaching methods that contribute to the deepening of the professional specialization of the educational process in the era of the digital economy. The scientific novelty of the paper bases on the fact that the authors examine the impact of digital technologies used in the process of teaching at a university on the degree of students' readiness to enter a new educational space and to participate in the educational process based on the use of information, communication and digital technologies.

Keywords: digital technologies, professional activity, digital environments, digital skills, foreign language, knowledge, communication, education

For citation: Salynskaya T.V., Yasnitskaya A.A. (2022) Key knowledge and skills university students need in a digital environment. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 72–79. DOI: [10.26425/2309-3633-2022-10-3-72-79](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-72-79)

Acknowledgments. The authors are grateful to the reviewers for reading the article carefully, offering relevant criticism, and contributing to its improvement.



Получено: 22.07.2022 Статья доработана после рецензирования: 26.08.2022 Принято: 01.09.2022

Ключевые знания и навыки для профессиональной реализации студентов в цифровой среде

Салынская Татьяна Владимировна

Канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5501-1012>, e-mail: salynskayatatiana@mail.ru

Ясницкая Арина Анатольевна

Ст. преп. каф. иностранных языков

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4184-5355>, e-mail: lmctguu@gmail.com

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Эпоха цифровой трансформации подразумевает кардинальные изменения в обществе, образовательных процессах, профессиональной деятельности и повседневной жизни людей, что позволяет по-новому выстраивать экономические отношения, налаживать культурные связи, планировать, принимать и реализовывать решения. Цифровые технологии становятся важным инструментом трансформации образования и положительно влияют на ценность цифровой системы. Цель статьи – оценка внедрения цифровых технологий в систему обучения студентов вуза. В исследовании используются эмпирические методы, такие как анкетирование, анализ, изучение и обобщение. В работе сделан вывод о том, что студенты бакалавриата рассматривают активное внедрение цифровой трансформации в образовательный процесс как необходимую составляющую приобретения современных цифровых компетенций. Перспективы исследования заключаются во внедрении современных цифровых технологий, ориентированных на широкое использование активных методов обучения, способствующих углублению профессиональной специализации образовательного процесса в эпоху цифровой экономики. Научная новизна статьи заключается в том, что авторы исследуют влияние цифровых технологий, используемых в процессе обучения в вузе, на степень готовности студентов к вхождению в новое образовательное пространство и к участию в образовательном процессе на основе использования информационных, коммуникационных и цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровые технологии, профессиональная деятельность, цифровые среды, цифровые навыки, иностранный язык, знания, коммуникация, образование

Цитирование: Салынская Т.В., Ясницкая А.А. Ключевые знания и навыки для профессиональной реализации студентов в цифровой среде // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 72–79. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-72-79

Благодарности. Авторы благодарны рецензентам за то, что они внимательно прочитали статью, высказали соответствующую критику и внесли свой вклад в улучшение работы.



Introduction

The most significant element in the contemporary changes in society is the process of digitalisation. Digital technologies are the effective elements in all main areas of human life. The tasks of digitalisation are to ensure the stable functioning of the system in any conditions and the possibility of rebuilding the main processes as quickly as possible without involving human and financial resources [Bolgova et al., 2021]. Over the past 30 years a strengthening of the digital economy has taken place; it is based on the growth of global markets, accompanied by new organizations of work, production and trade. Digitalisation processes take various forms. Many aspects of society are organized and managed to a large extent through digital systems, services and applications. The systems of education, healthcare, social security are currently being rebuilt in many countries in accordance with digital principles. Government services are increasingly provided and administered online in the form of e-government, e-health and e-social security.

The terms “digital skills” and “digital competencies” refer to a range of different abilities, many of them are not only “skills”, but also a combination of behaviour, experience, habits, inclinations and critical understanding.

The economic situation in the Russian Federation is linked with the state of affairs in education, which is becoming the main source for solving strategic problems [Zeer et al., 2021]. Obviously, that education is a key building block for developing digital skills and competencies. Digital skills and competencies are an area of education that is constantly changing in tandem with the development of new technologies. For these purposes, the federal project “Personnel for the Digital Economy” of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” is being implemented¹. The development of digital skills occurs at all levels of education: from school, colleges and up to the university.

The key competencies of the digital economy should closely interact with the competencies included in the Federal State Educational Standard for Higher Professional Education². Within the framework of this direction, educational and methodological complexes have

been developed that ensure the successful solution of this problem. The educational modules of higher education were developed, which are aimed at the formation of competencies in various branches of the economy in the context of information technologies (IT) and digitalisation. These models are noticed in the field of information and communication technologies; in healthcare; in the industrial sector; in transport and logistics; in the field of green technologies and resource saving; in the field of education; in the social sector.

According to the strategy of digital transformation of science and higher education developed by the Russian Ministry of Science and Higher Education, the key competencies in the digital economy are³:

- communication and cooperation in the digital environment (this competence means that a person has the ability to use various digital tools in the digital environment, it helps to achieve the set goals in interaction with other people);
- self-development (this competence implies the ability of a person to set educational goals for himself under emerging life tasks, to select ways to solve and develop other necessary competencies);
- creative thinking (this competence implies a person’s ability to generate new ideas for solving problems of the digital economy, to abstract from standard models);
- information and data literacy (this competence means that a person has the ability to perceive, analyze, memorize and transmit information using digital means, as well as using algorithms when working with data obtained from various sources in order to effectively use the information received for problem solving).

The transition to a digital economy requires a change in a key element — education. Consequently, the formation of digital competence is becoming one of the most important tasks of the vocational education system [Dolgikh, Pershina, 2019]. Universal digital competence is introduced into educational standards, which makes it possible to acquire knowledge, skills and abilities, enabling graduates to use information resources and information and communication technologies to achieve goals related to professional activities and active participation in the life of modern society. The main task of higher education is to prepare graduates so that they can independently form the competencies that will become in demand during their professional life.

The introduction of digital technologies entails serious transformations in the field of needs for modern and professional specialists:

¹ The Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, *National program “Digital economy of the Russian Federation”*, available at: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (accessed 30.06.2022).

² Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 24 January 2020 No. 41 “On approval of methods for calculating indicators of the federal project “Personnel for the Digital Economy” of the national program Digital Economy of the Russian Federation”, available at: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-24.01.2020-N-41> (accessed 30.06.2022).

³ The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, *Strategy for digital transformation of science and higher education*, available at: <https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwtujw.pdf> (accessed 30.06.2022).

- the disappearance a number of specialties from the market;
- the changes in the set of competencies for some profiles;
- the emergence of new professions;
- the increasing requirements for graduates of higher educational institutions;
- the changing in requirements for “soft skills”;
- the growth of market demand for young professionals with digital competencies.

The Russian labor market is expected to grow in demand for qualified IT personnel. Therefore, the educational process must also change for a consistent transition to a personalized and result-oriented digital space [Basharina, 2020] with the active introduction of individual educational trajectories and new formats for assessing competencies.

At the federal level, Strategy for digital transformation of science and higher education and the Digital educational platform⁴ of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation are intended to solve the problems of digitalisation. The Strategy for digital transformation of science and higher education provides subsidies for the development of human resources, material and technical base, and the Digital educational platform – the issuance of grants for the creation of centres for the development of transformation models in the universities. The key aim of the digitalisation of education in Russia is to integrate digital technologies into the educational process so that they interact with each other [Andryukhina et al., 2020]. The creation of a “digital university” is explained by the demand for the use of digital communications by graduates, the growing competition between leading universities that master digital learning technologies [Brodovskaya et al., 2020].

The systematic use of information technologies in higher education is a requirement of the time, since digitalisation has covered all areas of modern society, and knowledge of foreign languages has become an urgent need for modern specialists [Aksenov et al., 2021]. Building a new paradigm of education, it is significant to analyse the image of a modern student. They grew up in the modern information environment and possess the skills that give them access to the whole variety of educational resources and technologies. Consequently, the active use of digital educational resources by students in the study of foreign languages increases the effectiveness

of learning. It is effective to use digital technologies, problem-based, project-based and communicative learning to immerse students in the professional field of their specialty and create a real digital information product for solving professional problems [Abramova et al., 2021]. The post-graduates with modern competencies will occupy a key position in the labor market, since it is on them that the innovative development of companies and the level of competitiveness of countries in the world market ultimately depend [Abuzyarova et al., 2021].

Research materials and methods

The study involved 105 undergraduate students (third-year students, Economics and Management Department) from a public management-oriented university in Russia. The study used two stages. The first stage explores students' awareness and readiness for using digital skills and competencies for the digital economy and the foreign language business activity. It involved some statements related to the digital competencies that could be essential to participate effectively in the digital economy. We developed the statements that required undergraduates in Economics and Management to demonstrate that they could have a basic understanding on digital skills, digital environments and their current digital skills needs in the foreign language business activity:

- I know what makes digital skills valuable;
- I know how to be digitally competent in the foreign language business activity;
- I know why companies need employees with digital skills;
- I know what digital skills are essential for companies and increasingly important for my future career;
- I am interested in furthering my knowledge and training, especially in digital skills;
- it is easy for me to interact through various digital technologies;
- I find it easy to understand the relevant digital communication means for the particular context in the foreign language business activity;
- I am confident about collaboration and networking via digital media as well as managing my own digital identity;
- I am able to use collaboration and communication tools in the foreign language business activity;
- I am able to analyse, evaluate, understand, and reflect on information and digital media in the foreign language business activity;
- I tend to have no problems identifying and assessing my own skill gaps;
- I am able to find and close digital skill gaps;
- I am able to set education and training goals;

⁴ The Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, *Digital educational platform*, available at: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/934/> (accessed 30.06.2022).

- I am confident developing and refining digital competencies;
- I am able to make the right decisions, and select the right solutions and means for developing new competencies;
- I am able to design new ways to solve the tasks in digital environments;
- I am able to innovate processes and ways of solving problems and problem situations;
- It is easy for me to articulate information needs in the foreign language business activity;
- I am confident in searching for and accessing data, information and content in digital environments, and navigating between them;
- I know how to use strategies when searching for information in the foreign language business activity;
- I find it easy to build and update personal search strategies;
- I am confident finding, filtering, evaluating, and managing data and digital content in the foreign language business activity.

These statements aimed to evaluate awareness of the digital skills value and the importance for the business career, ways of becoming digitally competent in the foreign language business activity, interests in furthering education and training, especially in digital skills, along with the ability to interact, be confident and be able to perform routine tasks at the workplace. The students' answers were evaluated according to the following criteria: agreement or disagreement. The students were welcomed to provide "true of me" or "not true of me" for their answers.

The second stage was based on the results obtained from the first stage. It allowed assessing students' awareness and readiness for using digital skills and competencies for the digital economy and the foreign language business activity. The second stage was aimed to identify the student's needs and gaps in the basic digital knowledge and digital skills. The findings on general and professional educating, and generating and developing digital competencies were used to build the model of the foreign language online course.

Results

Table 1 presents the data regarding students' awareness and readiness for understanding digital skills and digital environments.

For the first statement, 68 students (64.76 %) knew what makes digital skills valuable while 37 (35.24 %) undergraduates did not confirm that they were informed. 68 students (64.76 %) seemed to know how to be digitally competent in the foreign language business activity. 37 undergraduates (35.24 %) showed the absence of such kind of knowledge. The answers of 97 students

(92.38 %) for knowing why companies needed employees with digital skills were positive. 8 respondents (7.62 %) gave negative replies. Almost all the students (98.10 %) knew what digital skills were essential for companies and increasingly important for the future career. 2 students (1.9 %) did not demonstrate their awareness of essential digital skills for the businesses and future workplace. As for the furthering knowledge and training, especially in digital skills, 102 two students (97.14 %) confirmed their interest in gaining additional knowledge and professional training. Only 3 of the respondents (2.86 %) did not feel being interested.

Table 1

Understanding the digital skills and digital environments

Statements	Number of respondents, people (%)	
	True of me	Not true of me
I know what makes digital skills valuable	68 (64.76)	37 (35.24)
I know how to be digitally competent in the foreign language business activity	68 (64.76)	37 (35.24)
I know why companies need employees with digital skills	97 (92.38)	8 (7.62)
I know what digital skills are essential for companies and increasingly important for my future career	103 (98.10)	2 (1.90)
I am interested in furthering my knowledge and training, especially in digital skills	102 (97.14)	3 (2.86)

Compiled by the authors on the materials of the study

Table 2 shows the students' understanding of basic digital skills and competencies for digital economy: communication and collaboration; self-development in conditions of uncertainty; creative thinking; information and data literacy.

All students (100 %) agreed that it was easy to interact through various digital technologies. The majority of the respondents, 92 (87.62 %), found it easy to understand the relevant digital communication means for a particular context in the foreign language business activity. 13 students (12.38 %) reported being hard to do. 89 undergraduate students (84.76 %) were confident about collaboration and networking via digital media as well as managing their own digital identity. 16 others (15.24 %) were unconfident. Responding to the statement of the ability to use collaboration and communication tools in the foreign language business activity, 78 students (74.29 %) said that they were able to do. 27 undergraduates (25.71 %) did not agree with the statement. 80 respondents (76.19 %) showed the ability to analyse, evaluate, understand, and reflect on information and digital media in the foreign language business activity. 25 students (23.81 %) did not demonstrate their competence in the activity.

The students' answers, 72 (68.57 %), confirmed the tendency to have no problems identifying and assessing their own skill gaps. 33 undergraduates (31.43 %) had difficulties to deal with their own skills. Most of the students, 74 (70.48 %), answered that they were able to find and close digital skill gaps. 31 respondents (29.52 %) did not mention about such a type of ability. 83 undergraduates (79.05 %) stated that they were able to set education and training goals. 22 students (20.95 %) did not provide affirmative answers. 85 undergraduate students (80.95 %) were confident developing and refining digital competencies. 20 respondents (19.05 %) opposed. The undergraduate students, 88 (83.81 %), were able to make the right decisions, and select the right solutions and means for developing new competencies. 17 undergraduates (16.19 %) were not able to consider proper decisions and solutions.

69 respondents (65.71 %) were convinced of their ability to design new ways to solve the tasks in digital environments. 36 (34.29 %) gave the opposite answers. 81 students (77.14 %) were sure that they had ability

to innovate processes and ways of solving problems and problem situations. 24 undergraduates (22.86 %) did not agree with the statement.

71 students (67.62 %) confirmed that it was easy for them to articulate information needs in a foreign language. 34 respondents (32.38 %) said that it was hard to do. 73 undergraduates (69.52 %) were positively correlated with their confidence and performance in searching for and accessing data, information and content in digital environments, and navigating between them. 32 respondents (64.76 %) opposed. 70 undergraduate students (66.67 %) knew how to use strategies when searching for information in the foreign language business activity. 35 young people (33.33 %) were not informed. 69 respondents (65.71 %) found it easy to build and update personal search strategies. The others (34.29 %) felt opposite. 74 students (70.48 %) were confident finding, filtering, evaluating, and managing data and digital content in the foreign language business activity. 31 undergraduates (29.52 %) were not sure.

Table 2

Understanding the current digital skills needs and gaps

Basic digital skills and competencies for digital economy and foreign language business activity	Number of respondents, people (%)	
	True of me	Not true of me
<i>Communication and collaboration</i>		
It is easy for me to interact through various digital technologies	105 (100.0)	0 (0)
I find it easy to understand the relevant digital communication means for a given context in the foreign language business activity	92 (87.62)	13 (12.38)
I am confident about collaboration and networking via digital media as well as managing my own digital identity	89 (84.76)	16 (15.24)
I am able to use collaboration and communication tools in the foreign language business activity	78 (74.29)	27 (25.71)
I am able to analyse, evaluate, understand, and reflect on information and digital media in the foreign language business activity	80 (76.19)	25 (23.81)
<i>Self-development in conditions of uncertainty</i>		
I tend to have no problems identifying and assessing my own skill gaps	72 (68.57)	33 (31.43)
I am able to find and close digital skill gaps	74 (70.48)	31 (29.52)
I am able to set education and training goals	83 (79.05)	22 (20.95)
I am confident developing and refining digital competencies	85 (80.95)	20 (19.05)
I am able to make the right decisions, and select the right solutions and means for developing new competencies	88 (83.81)	17 (16.19)
<i>Creative thinking</i>		
I am able to design new ways to solve the tasks in digital environments	69 (65.71)	36 (34.29)
I am able to innovate processes and ways of solving problems and problem situations	81 (77.14)	24 (22.86)
<i>Information and data literacy</i>		
It is easy for me to articulate information needs in the foreign language business activity	71 (67.62)	34 (32.38)
I am confident searching for and accessing data, information and content in digital environments, and navigating between them	73 (69.52)	32 (64.76)
I know how to use strategies when searching for information in the foreign language business activity	70 (66.67)	35 (33.33)
I find it easy to build and update personal search strategies	69 (65.71)	36 (34.29)
I am confident finding, filtering, evaluating, and managing data and digital content in the foreign language business activity	74 (70.48)	31 (29.52)

Compiled by the authors on the materials of the study

Discussion

The survey showed that more than half of the undergraduate students (64.76 %) knew what makes digital skills valuable and how to be digitally competent in the foreign language business activity. Most of the undergraduates (92.38 % and 98.10 %) were informed of why businesses need employees with digital skills and what digital skills could be essential for companies and their future career. The majority (97.14 %), as can be seen from the responses to the statement about furthering their knowledge and training, especially in digital skills, were interested in.

The findings demonstrated that all undergraduate students (100 %) were able to interact through digital technologies. The majority of respondents (87.62 % and 84.76 %) were confident about the relevant digital communication means and collaboration, and networking via digital media. Most of the undergraduates (74.29 % and 76.19 %) were able to use collaboration and communication tools, and to analyse, evaluate, understand, and reflect on information and digital media in the foreign language business activity.

The results revealed a positive association with the tendency to have no problems identifying and assessing the skill gaps. Most of the undergraduate students (70.48 % and 79.05 %) were able to find and close digital skill gaps, and to set education and training goals. 80.95 % and 83.81 % of the students were sure about their confidence to develop and refine digital competencies; and to make the right decisions, and select the right solutions and means for developing new competencies.

The current study showed that most of the undergraduates (65.71 % and 77.14 %) were able to design new ways to solve the tasks in digital environments and to innovate processes and ways of solving problems.

The results of the study showed that more than half of the undergraduates confirmed their ability to be involved in the foreign language business activity: to articulate information needs; to search for and access data, information and content in digital environments; to use strategies when searching for information; to build and update personal search strategies; to find, filter, evaluate, and manage data and digital content.

Based on the findings that confirmed the importance of digital skills and increasing importance of being required in the digital economy, we designed the model of the foreign language online course. The online course provided a good foundation for advanced and independent study through training and developing the basic digital competencies. The foreign language online course with essential knowledge and skills practices could support further lifelong learning and business career moving.

The course themes are offered to ensure development of the ability to analyse real-life business problems and develop effective solutions to them, gain and reinforce a range of conceptual, digital and personal skills.

Conclusion

In the last ten years in Russia, one can observe the intensive development of technological resources of the information educational environment, their active development and pedagogical understanding [Rybakova, 2021]. The integration of digital tools in education has led to the emergence of new types and forms of the educational process, allowing acquiring interdisciplinary skills in a short time that serve as the basis for future metaprofessional qualities [Zeer et al., 2020].

For the transition of society to the digital age, it is necessary to make changes in the educational environment aimed at training new specialists with digital competencies. Changes should occur in technologies and training programs, methods and means, forms of educational activities, planned educational results, assessment results. At the same time, an integrated approach to education is important, implemented not only through the content of various disciplines united by a common goal, but also including the most modern technologies, methods, means of activating the learning process.

In the course of digital transformation, graduates of higher educational institutions should come to the construction of their own information space, which will ensure the continuity of education and will contribute to the formation of such competencies of the undergraduates as communication and collaboration, self-development in conditions of uncertainty, creative thinking, information and data literacy.

The paper showed that undergraduate students consider the active introduction of digital transformation into the educational process a necessary component for acquiring modern digital competencies, which necessitates further development of the key skills of future specialists to work in a digital environment, including a foreign language. It should be noted that the acquisition of digital skills and competencies leads to the development of the ability to creative non-standard solutions, as well as the development of communication skills. The development of creativity, critical thinking, communication skills is closely related to the introduction of digitalisation in the learning process.

References

- Abramova I.E., Shishmolina E.P., Nikolaeva O.O. (2021), "Professionally integrated foreign language training for hospitality students in the context of digitalization", *Perspectives of Science and Education*, no. 52(4), pp. 238–246.
- Abuzyarova D., Belousova V., Krayushkina Zh., Lonshchikova Yu., Nikiforova E., Chichkanov N. (2021), "The role of human capital in science, technology and innovation", *Foresight*, vol. 13, no. 2, pp. 107–119, <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.107.119>
- Aksenov S.L., Arifulina R.U., Katushenko O.A., Sergeeva T.N., Romanovskaya L.V. (2021), "Digital transformation of the educational space: new tools and technological solutions", *Perspectives of science and education*, no. 1(49), pp. 24–43, <https://doi.org/10.32744/pse.2021.1.2>
- Andryukhina L.M., Sadovnikova N.O., Utkina S.N., Mirzaahmedov A.M. (2020), "Digitalisation of professional education: Prospects and invisible barriers", *The Education and Science Journal*, no. 3(22), pp. 116–147, <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-3-116-147>
- Basharina O.V. (2020), "Formation of the basis of digital security as a component of digital competence", *Innovative development of vocational education*, no. 2(26), pp. 31–36.
- Bolgova V.V., Garanin M.A., Krasnova E.A., Khristoforova L.V. (2021), "Post-pandemic education: falling or preparing for a jump?", *Higher Education in Russia*, vol. 30, no. 7, pp. 9–30, <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-7-9-30>
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Petrova T.E., Pyrma R.V., Azarov A.A. (2020), "Digital space of leading universities: the comparative analysis of sites", *Higher Education in Russia*, vol. 28, no. 12, pp. 9–22, <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-12-9-22>
- Dolgikh E.A., Pershina T.A. (2019), "Statistical study of students' digital competencies", *E-Management*, vol. 2(3), pp. 64–72, <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2019-3-64-72>
- Rybakova M.V. (2021), "Digital educational environment as a factor of foreign language competences development", *Perspectives of Science and Education*, no. 49(1), pp. 232–248, <https://doi.org/10.32744/pse.2021.1.16>
- Zeer E.F., Symanyuk E.E., Lebedeva E.V. (2021), "Transprofessionalism as a predictor for the preadaptation of an agent to the professional future", *Siberian journal of psychology*, no. 79, pp. 89–107.
- Zeer E.F., Tretyakova V.S., Zinnatova M.V. (2020), "Innovative model of socio-professional development of a student's personality", *The Education and Science Journal*, no. 3(22), pp. 83–115, <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-3-83-115>

Актуальные вопросы политического управления электоральным участием студенческой молодежи в России

Беликова Елена Александровна¹

Д-р полит. наук, ассистент каф. государственного и муниципального управления и правоведения

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9624-420X>, e-mail: elena89850488822@gmail.com

Злотникова Елена Вячеславовна²

Канд. полит. наук, доц. каф. информационной аналитики и политических технологий

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4550-1330>, e-mail: zlotnikova@bmstu.ru

Ницевич Виктор Францевич¹

Д-р полит. наук, проф. каф. государственного и муниципального управления и правоведения

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1668-3067>, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

¹Московский городской педагогический университет, 129226, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4, г. Москва, Россия

²Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
105005, 2-я Бауманская ул., 5с1, г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что электоральное участие является наиболее доступным способом влияния граждан на политический курс страны. В ходе исследования было установлено, что комплекс мер, направленный на изменение порядка организации и проведения голосования в России, способствовал повышению результативности электорального процесса и заинтересованности молодежной аудитории в политической деятельности. Цель исследования заключается в определении современных механизмов политического управления электоральным участием студенческой молодежи в России. Задачи исследования заключаются в изучении заинтересованности студенческой молодежи в осуществлении общественно-политической деятельности, а также в выявлении особенностей электорального поведения студенческой молодежи в России. Исследование проводилось с применением методов классического анализа документов, сравнительного анализа и опроса в форме анкетирования с использованием ресурса Google.forms. Результаты авторского социологического исследования показывают, что студенческая молодежь охотно проявляет интерес к общественно-политической деятельности и выражает свою заинтересованность в развитии гражданской инициативы. В процессе исследования выявлен рост интереса студенческой молодежи к новой для России форме политического участия — политическому волонтерству.

Ключевые слова: активное избирательное право, выборы, голосование, избирательная явка, конвенциональная политическая деятельность, молодежь, политика, студенты, электоральное участие, электорат

Цитирование: Беликова Е.А., Злотникова Е.В., Ницевич В.Ф. Актуальные вопросы политического управления электоральным участием студенческой молодежи в России // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 80–88. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-80-88



Received: 16.08.2022

Revised: 19.09.2022

Accepted: 29.09.2022

Political management of youth students' electoral participation in Russia: topical issues

Elena A. Belikova¹

Dr. Sci. (Polit.), Assistant at the State and Municipal Management and Law Department

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9624-420X>, e-mail: elena89850488822@gmail.com

Elena V. Zlotnikova²

Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Information Analytics and Political Technologies Department

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4550-1330>, e-mail: zlotnikova@bmstu.ru

Victor F. Nitsevich¹

Dr. Sci. (Polit.), Prof. at the State and Municipal Management and Law Department

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1668-3067>, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

¹Moscow City Pedagogical University, 4, 2nd Selskokhozyaistvennyi pr-d, Moscow 129226, Russia

²Bauman Moscow State Technical University, 5s1, 2nd Baumanskaya str., Moscow 105005, Russia

Abstract

Electoral participation is the most accessible way for citizens to influence the political course of the country. This determines the relevance of the chosen research topic. In the course of the study, the authors found that a set of measures, aimed at changing the order of organization and conduct of voting in Russia, contributed to an increase in the effectiveness of the electoral process and the interest of the youth audience in political activity. The purpose of this study is to identify modern mechanisms of political management of electoral participation of student youth in Russia. The objectives of this study are to study the interest of student youth in the implementation of socio-political activities, as well as to identify the features of electoral behavior of student youth in Russia. The research was conducted using such methods as: classical analysis of documents, the method of comparative analysis and the survey conducted in the form of a questionnaire using the Google.forms resource. The results of the author's sociological research "Political activity of youth as a factor of electoral participation in Russia" show that students are willingly interested in socio-political activities and express their interest in the development of civic initiative. In the course of the study we found a growing interest among students in a new, for Russia, form of political participation – political volunteering.

Keywords: active suffrage, elections, voting, electoral turnout, conventional political activity, youth, politics, students, electoral participation, electorate

For citation: Belikova E.A., Zlotnikova E.V., Nitsevich V.F. (2022) Political management of youth students' electoral participation in Russia: topical issues. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 80–88. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-80-88



Введение / Introduction

В настоящее время электоральное участие является одной из наиболее распространенных и доступных форм политического участия в мире, призванных решать такие актуальные для государства задачи, как повышение легитимности политической власти, поддержание стабильности действующей политической системы, снижение социального напряжения в стране и развитие гражданской инициативы [Борисов и др., 2020].

Согласно законодательству Российской Федерации, активное избирательное право предоставляется гражданам начиная с 18 лет, независимо от их половой, расовой, этнической, религиозной или социальной принадлежности, а также финансовых возможностей и политических убеждений¹. Более того, гражданам Российской Федерации начиная с 21 года предоставляется пассивное избирательное право, позволяющее им избираться в органы государственной власти и местного самоуправления для непосредственного участия в принятии политических решений на соответствующем уровне власти².

Постановка проблемы / Problem statement

Поддержание электорального участия на высоком уровне является важной задачей практически любого государства. Для достижения этих целей одни страны снижают избирательный ценз, так, например, в Японии активное избирательное право стало предоставляться гражданам с 18 лет, что позволило приобщить к электоральному участию 2,4 млн человек³. Другие государства, например, Австралия, Бразилия и Сингапур, используют мобилизованную форму электорального участия, тем самым обязуя всех граждан страны участвовать в избирательном процессе, независимо от их личного желания [Злотникова, 2021].

Стремление поддерживать избирательную явку на приемлемом уровне наблюдается и в России. Актуальность этой задачи очевидна, так как избирательная явка на президентских и парламентских выборах, в нашей стране варьируется от 48 % до 69 %⁴.

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 01.07.2022).

² Там же.

³ *RT на русском* (Среда 17 июня. 2015). Избирательный возраст в Японии снижен до 18 лет. Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/97880> (дата обращения: 09.07.2022).

⁴ Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Архив избирательных кампаний. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/ (дата обращения: 06.07.2022).

При этом показатели избирательной явки хотя и являются достаточно высокими для страны с автономной формой мобилизации, однако в последнее десятилетие демонстрируют отрицательную динамику [Баранова, 2018]. Так, например, избирательная явка на парламентских выборах в 2007 г. составила 63,80 %, в 2011 г. — 60,20 %, в 2016 г. — 47,88 %, в 2021 г. — 51,72 %⁵.

В целях повышения избирательной явки в Российской Федерации за последние несколько лет был разработан и применен целый комплекс мер, в том числе с использованием современных информационных технологий [Гребняк, 2022]. В частности, изменения, внесенные в соответствующие законодательные акты Российской Федерации, позволили осуществлять голосование по почте, а также провести дистанционное электронное голосование⁶. Начиная с 2020 г. срок голосования был увеличен с одного до трех дней, что в условиях сложной эпидемиологической ситуации, способствовало повышению уровня безопасности избирателей и увеличению избирательной явки [Мармилова, 2021]. Следует также отметить внедрение нового механизма голосования «Мобильный избиратель», позволившего гражданам проголосовать на любом избирательном участке в пределах своего избирательного округа вне зависимости от места жительства и без прохождения дополнительных административных процедур.

С учетом того, что указанные нововведения нацелены на долгосрочную перспективу, оценить их результативность в настоящее время крайне сложно. Например, результаты выборов руководителей высших исполнительных органов государственной власти, прошедшие в 2020 г. в 18 субъектах Российской Федерации (далее — РФ), крайне противоречивы. В одних субъектах РФ наблюдается существенное увеличение избирательной явки, например, в Республике Татарстан зафиксировано увеличение избирательной явки на 78,78 %, в Еврейской автономной области уровень избирательной явки вырос на 41,15 %, в Краснодарском крае — на 22,59 % [Гришина, 2021]. В других субъектах РФ увеличение избирательной явки было незначительным. Например, в Смоленской области показатель вырос на 0,9 %. А в девяти субъектах РФ было зафиксировано его существенное снижение. Так, в Республике Коми

⁵ Там же.

⁶ Федеральный закон от 23.05.2020 № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353206/ (дата обращения: 07.07.2022).

явка снизилась на 10,51 %, в Брянской области — на 7,06 %, в Пермском крае — на 6,77 % [Гришина, 2021]. Однако явка на парламентских выборах, проводимых в 2021 г., показала рост в сравнении с данными 2016 г. на 3,84 % [Гришина, 2021].

В последние годы большое внимание уделяется также политической социализации молодежи [Колесник 2021]. В частности, проводятся тематические мероприятия, например, ежегодный праздник День молодого избирателя. В отдельных регионах на постоянной основе проводятся деловые игры, викторины и иные мероприятия. Так, в Республике Хакасия действует летняя школа «Право выбора», в Оренбургской области проходит международный молодежный форум «Евразия Global», а в Удмуртской Республике проводится интерактивно-интеллектуальная игра «Политический батл»

Стремление задействовать молодежь в конвенциональной политической деятельности вполне оправдано, ведь граждане в возрасте от 14 до 35 лет представляют собой как весомый по численности демографический ресурс, составляющий, по последним официальным данным, 39,1 млн человек⁷, так и экономический ресурс, от результатов деятельности которого зависит научный, технологический и производственный уровень развития страны. Это также весомый политический ресурс, который может быть использован оппозиционными политическими силами для неконвенциональной политической деятельности.

Особенно важно наладить эффективную коммуникацию между властью и высокоинтеллектуальной студенческой молодежью, которая может представлять интерес не только в качестве избирателей, но и потенциальных политических лидеров, способных реализовывать свои прогрессивные идеи в органах государственной и муниципальной власти. Однако в настоящее время молодежь очень опосредованно реализует пассивное избирательное право. Так, например, в составе Государственной Думы Российской Федерации VIII созыва молодежный контингент составляет всего 5% от общего числа депутатов, при этом молодых людей в возрасте до 30 лет насчитывается 1,5 %⁸. К аналогичному выводу пришел и И.С. Палитай [2020], исследовав биографии

наиболее молодых российских политиков. По мнению исследователя, собирательный образ депутата федерального или регионального уровня в России выглядит следующим образом: мужчина (84 %) в возрасте от 36 до 40 лет (48 %), имеющий два высших образования (49 %), одно из них гуманитарное (27 %).

В «Молодежной электоральной концепции», разработанной Центральной избирательной комиссией Российской Федерации (далее ЦИК РФ) в 2014 г., даже не рассматривается возможность мотивировать молодежь на реализацию своего пассивного избирательного права⁹. Таким образом, молодежный политический потенциал в России практически не задействован, что, по нашему мнению, является существенным упущением власти. Указанный недостаток избирательной системы многократно снижает уровень конкуренции на выборах, приводит к нарушению циркуляции элиты и нарастанию социальной напряженности в обществе. Кроме того, интересы молодежи не представлены ни одной политической партией, несмотря на то что отдельные инициативы, затрагивающие молодежную политику, поступают от большинства ведущих политических партий.

Таким образом, молодежь не может быть услышанной, хотя это крайне важно в период повышенной экономической, политической и социальной напряженности, наблюдающейся в настоящее время. Молодым людям необходимо осознавать заинтересованность власти в них, как личностях с выраженной гражданской позицией. В этом смысле мы разделяем точку зрения К. Манхейма [1994], который призывал политиков осуществлять сотрудничество с молодежью для обеспечения динамичного развития общества, а также осуществления позитивных преобразований. Кроме того, мы поддерживаем мнение Е.А. Макуриной и С.В. Лыкасовой [2009], рассматривающих студенческую молодежь как передовую часть населения, способную оказывать влияние на общественное мнение, которое, в свою очередь, влияет на политические решения.

Основные результаты / Results

Для выявления тенденций электорального поведения молодежи авторами в период с 10 по 25 января 2022 г. была разработана анкета, включающая 25 вопросов, и проведено пилотное социологическое исследование на тему: «Политическая активность молодежи как фактор электорального участия

⁷ Емельяненко В. (Четверг 12 авг. 2021). Численность молодежи в России достигла 39,1 млн человек // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/08/12/chislennost-molodezhi-v-rossii-dostigla-391-mln-chelovek.html> (дата обращения: 04.07.2022).

⁸ Государственная Дума Российской Федерации. Состав Государственной Думы восьмого созыва. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/> (дата обращения: 09.07.2022).

⁹ Постановление ЦИК от 12.03.2014 № 221/1429-6 «Молодежная электоральная концепция». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=585065%XXKwurBTGOkeFabo1> (дата обращения: 01.07.2022).

в России». По объективным причинам, результаты исследования в статье представлены частично.

В исследовании приняли участие 285 человек в возрасте от 18 до 30 лет. Для удобства администрирования опроса и увеличения числа его участников авторами использовалась программа Google.forms. Выборка формировалась ограниченно стихийным способом, основными критериями для отбора респондентов были:

- соответствие возрастным параметрам молодежной группы;
- наличие у респондента активного избирательного права;
- статус студента российского вуза;
- гражданство Российской Федерации.

Авторами исследования также приветствовалось разнообразие респондентов по половой принадлежности и географической локации постоянного проживания.

Прежде всего, авторов интересовал вопрос, насколько молодые люди готовы участвовать в политической деятельности. Респондентам был задан вопрос: «Как, по Вашему мнению, должна себя проявлять молодежь в современной политической жизни России?» (табл.1).

Ответы показали, что студенческая молодежь охотно проявляет интерес к общественно-политической деятельности: 38,2 % опрошенных полагают,

что молодежь должна принимать участие в голосовании на выборах, в том числе и в качестве кандидатов в депутаты, и влиять на политику в составе различных общественных организаций и политических партий.

Вторая группа активных респондентов, составившая 13 %, выбирает для молодежи практико-ориентированный подход, направленный на развитие гражданской инициативы путем участия в конкурсе «Сильные идеи для нового времени» и голосования по актуальным региональным проектам на таких платформах, как «Добродел» и «Активный гражданин».

Третья группа активных участников, составившая 9,9 %, полагает, что молодежь должна влиять на непопулярные политические решения власти путем протестов.

Пассивную позицию занимают 25,6 % опрошенных.

Социально-гуманистическая направленность у молодежи из пятой группы, составившей 13,3 % респондентов, заключается в том, что они предпочитают заниматься политическим волонтерством в качестве оптимальной альтернативы иной политической деятельности.

Таким образом, студенты осознают ценность своего вклада в развитие гражданского общества России и различными путями готовы содействовать этому процессу.

Таблица 1

Результаты опроса о вовлеченности молодежи в политическую деятельность

Варианты ответов	Относительное число респондентов, %	Количество респондентов, чел.
Молодежь не должна проявлять интерес к политической жизни, так как время важнее посвятить учебе/работе и не отвлекаться на посторонние вещи	9,5	27
Молодежь не должна проявлять интерес к политической жизни страны из-за ужесточения политического режима	4,6	13
Молодежь должна концентрироваться на тех направлениях общественной деятельности, которые дают фактические результаты, например политическом волонтерстве	13,3	38
Молодежь для общего развития должна интересоваться политическими событиями страны, например, читать новости и/или политические обзоры, слушать тематические передачи	11,5	33
Молодежь должна принимать участие в голосовании на выборах, в том числе и в качестве кандидатов в депутаты	20	57
Молодежь должна влиять на политические решения в составе различных общественных организаций, движений, политических партий	18,2	52
Молодежь должна отстаивать свои политические убеждения различными способами, в том числе участвуя в протестных политических акциях	9,9	28
Молодежь должна влиять на улучшение жизни в стране, принимая активное участие в голосовании по отдельным региональным проектам на платформе «Добродел», «Активный гражданин»	8,4	24
Молодежь должна влиять на улучшение жизни в стране путем вынесения законодательной инициативы на платформе Российской общественной инициативы и/или участвуя в конкурсе «Сильные идеи для нового времени», путем размещения своего проекта на краудфандинговой платформе и другими способами	4,6	13

Составлено авторами по материалам исследования

Table 1. Survey results on youth involvement in political activity

Answer options	Relative number of respondents, %	Number of respondents, pers.
Young people should not be interested in political life because it is more important to devote time to study/work and not be distracted by extraneous things	9.5	27
Young people should not be interested in the political life of the country because of the tightening of the political regime	4.6	13
Young people should concentrate on those public activities that produce actual results, such as political volunteering	13.3	38
Young people should be interested in the political events of the country for their general development, for example, by reading the news and/or political reviews, listening to thematic programs	11.5	33
Young people should take part in voting in elections, including as candidates for deputies	20	57
Young people should influence political decisions as part of various public organizations, movements, and political parties	18.2	52
Young people should stand up for their political beliefs in a variety of ways, including by participating in political protests	9.9	28
Young people should influence the improvement of life in the country by taking an active part in voting on individual regional projects on the platform Dobrodel, Active Citizen	8.4	24
Young people should influence the improvement of life in the country, by submitting a legislative initiative on the Russian Public Initiative platform and/or by participating in the Strong Ideas for New Times contest, by placing their project on a crowdfunding platform and in other ways	4.6	13

Compiled by the authors on the materials of the study

Следующим вопросом авторы исследования хотели выяснить, какие механизмы воздействия на реализуемый политический курс в России востребованы в молодежной среде (табл. 2). В этом вопросе разрешалось выбрать несколько вариантов ответов.

В результате проведенного опроса мы выяснили, что в качестве востребованного механизма воздействия на реализуемый политический курс в России 60 % студентов отметили электоральное участие. Внесение законодательных инициатив и голосование по ним рассматривают как востребованные в молодежной среде 24,9 % респондентов.

Отсутствие востребованных механизмов воздействия на реализуемый политический курс признают 32,7 % участников опроса, при этом 12,3 % респон-

дентов объективно оценивают тот факт, что молодежь часто не имеет выраженной политической позиции, которую можно отстаивать. Этому способствует слишком высокая дифференциация данной социально-демографической группы по материальным, возрастным, образовательным и иным критериям.

Открытые протесты в качестве востребованного механизма воздействия на реализуемый политический курс в России рассматривают 27 % респондентов. Также 23,5 % опрошенных считают востребованными информационные методы воздействия.

Таким образом, конвенциональные механизмы воздействия на реализуемый политический курс в стране являются наиболее востребованными у представителей студенческой молодежи.

Таблица 2

Результаты опроса о востребованности и механизмах воздействия на реализуемый политический курс в России

Варианты ответов	Относительное число респондентов, %	Количество респондентов, чел.
Востребованных механизмов воздействия на реализуемый политический курс в молодежной среде нет, так как политическая власть игнорирует позицию молодежи	20,4	58
Востребованных механизмов воздействия на реализуемый политический курс в молодежной среде нет, так как молодежь не выражает свою заинтересованность в политической жизни общества	12,3	35
Востребованным механизмом воздействия на реализуемый политический курс в молодежной среде является участие в голосовании на выборах, в том числе и качестве кандидатов в депутаты	26,0	74
Востребованным механизмом воздействия на реализуемый политический курс является участие в политической жизни в составе общественных организаций, движений, политических партий	34,0	97

Окончание табл. 2

Варианты ответов	Относительное число респондентов, %	Количество респондентов, чел.
Востребованным механизмом воздействия на реализуемый политический курс в молодежной среде является участие в митингах (в том числе несанкционированных), акциях протеста, забастовках, стачках	27,0	77
Востребованным механизмом воздействия на реализуемый политический курс в молодежной среде является участие в голосовании по отдельным проектам на платформе «Добродел», «Активный гражданин»	17,2	49
Востребованным механизмом воздействия на реализуемый политический курс является вынесение законодательной инициативы на платформе Российской общественной инициативы и голосование за иные актуальные инициативы	7,7	22
Востребованным механизмом воздействия на реализуемый политический курс в молодежной среде является подготовка и/или подписание петиций с политическими требованиями, ведение политических блогов	23,5	67

Составлено авторами по материалам исследования

Table 2. Survey results on the relevance and mechanisms of influence on the current political course in Russia

Answer options	Relative number of respondents, %	Number of respondents, pers.
There are no demanded mechanisms for influencing the implemented political course in the youth environment, because the political authorities ignore young people's position	20.4	58
There are no demanded mechanisms for influencing the implemented political course in the youth environment, because young people do not express their interest in the political life of society	12.3	35
A popular mechanism for influencing the implemented political course in the youth environment is participation in elections, including as candidates for deputies	26.0	74
A popular mechanism for influencing the implemented political course is participation in political life as part of public organizations, movements, and political parties	34.0	97
A popular mechanism for influencing the implemented political course in the youth environment is participation in rallies (including unauthorized ones), protests, and strikes	27.0	77
A popular mechanism for influencing the implemented political course in the youth environment is participation in the voting on individual projects on Dobrodel and Active Citizen platforms	17.2	49
A popular mechanism for influencing the implemented political course is the introduction of a legislative initiative on the Russian Public Initiative platform and voting for other relevant initiatives	7.7	22
The preparation and/or signing the petitions with political demands and political blogging is a popular mechanism for influencing the implemented political course among young people	23.5	67

Compiled by the authors on the materials of the study

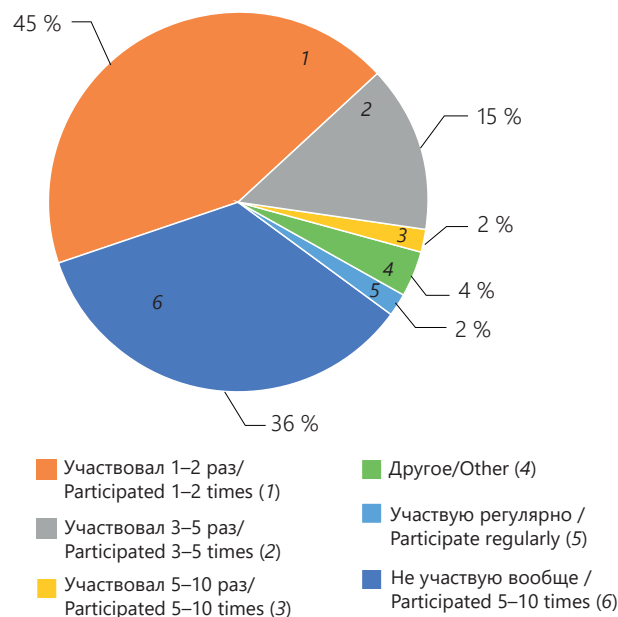
Следующей задачей было определить уровень фактического участия молодежи в политическом процессе. Для этого респондентам был задан вопрос, как часто они принимали участие в политических мероприятиях за три предыдущих года (рис. 1).

Результаты показали достаточно высокий уровень заинтересованности студентов в политическом участии: 64 % респондентов утверждают, что один или несколько раз проявили себя в политической деятельности на протяжении трех последних лет.

Далее авторы решили уточнить, какую именно политическую деятельность имеют в виду студенты. Респонденты ответили на вопрос, сколько раз они принимали участие в электоральном процессе на протяжении предыдущих трех лет (рис. 2).

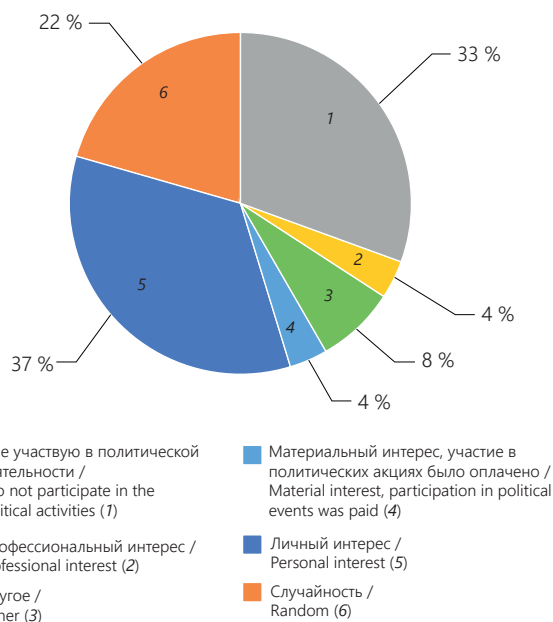
Результаты опроса показали, что 60 % респондентов из 64 % заявивших о занятии политической

деятельностью принимали участие именно в электоральном процессе. При сопоставлении полученных данных были выявлены некоторые расхождения в ответах респондентов по численности студентов, заявивших о своем неучастии в политической деятельности. Ранее о своем неучастии в политической деятельности заявляли только 36 % респондентов, но при ответе на текущий вопрос число абсентеистов увеличилось до 40 %. В комментариях к опросу некоторые студенты писали, что затруднялись классифицировать свое участие в голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации. Возможно, выявленное несоответствие обусловлено именно этим фактом, но не исключено и проявление лукавства респондентов.



Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

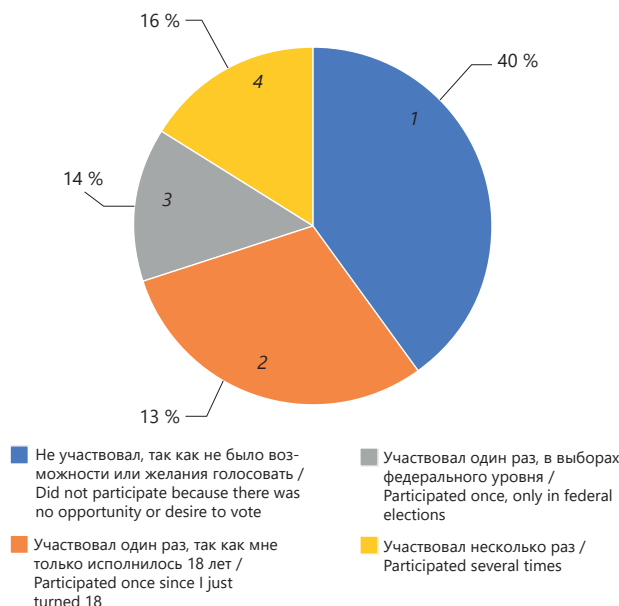
Рис. 1. Результаты опроса о частоте участия молодежи в политических мероприятиях за последние три года
Figure 1. Survey results on the frequency of youth participation in political events over the past three years



Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 3. Результаты опроса о причинах участия в политических мероприятиях в течение трех предыдущих лет

Figure 3. Survey results on the reasons for participating in political activities during the previous three years



Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 2. Результаты опроса об участии в электоральном процессе на протяжении предыдущих трех лет
Figure 2. Survey results on participation in the electoral process over the previous three years

Следующим вопросом авторы хотели выяснить, что побуждает молодежь участвовать в политической деятельности (рис. 3).

Результаты опроса показали, что студенты занимаются политической деятельностью, руководствуясь личным интересом и под воздействием стороннего влияния, например, друзей и однокурсников. В комментариях к опросу отдельные студенты спрашивали, следует ли им рассматривать сувениры и подарочные сертификаты, выдаваемые всем голосующим, в качестве материальной заинтересованности, ведь они их получали на избирательном участке. Таким образом, следует признать, что заявления отдельных политиков о том, что молодежь принимает участие в политических акциях, руководствуясь лишь материальными интересами, являются несостоятельными.

Заключение / Conclusion

Проведенное исследование позволяет авторам сделать следующие выводы.

1. На сегодняшний день электоральное участие является наиболее доступным способом повышения легитимности политической власти и поддержания стабильности действующей политической системы, однако только эффективная избирательная система служит снижению социального напряжения в стране и развитию гражданской инициативы. В частности, действующая в настоящее время «Молодежная

электоральная концепция», разработанная ЦИК РФ, не рассматривает возможность мотивировать молодежь на реализацию своего пассивного избирательного права, таким образом молодежный политический потенциал в России практически не задействован, что многократно снижает уровень конкуренции на выборах, приводит к нарушению циркуляции элиты и нарастанию социальной напряженности в обществе.

2. Внесение изменений в процедуру организации и проведения выборов способствовало появлению современных способов голосования, практичность использования которых смогли оценить избиратели девяти субъектов РФ, что повысило результативность электорального процесса.

3. Для повышения электоральной культуры в Российской Федерации за последние годы был разработан комплекс мероприятий, включающий

просветительскую, организационную, культурно-развлекательную деятельность, влияние которой мы смогли отметить в процессе проведенного социологического исследования.

4. За последние несколько лет значимость политической деятельности для современной студенческой молодежи значительно возросла. Причины проявляемого интереса к политическим процессам могут быть разными, но авторы данной статьи полагают, что эти причины определенно связаны с той культурно-просветительской деятельностью, которая в последние годы была инициирована ЦИК РФ. Также повышенный интерес к указанной деятельности связан с высокой политической турбулентностью последних лет и стремлением молодежи оставаться в курсе событий.

Список литературы

Баранова Г.В. (2018). Концептуальные основы исследования политической активности в современном российском обществе: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22. 00.01. Орел.: Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации. 45 с.

Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. (2020). Выборы в мире: электронное голосование: монография. М.: Изд-во Российского общественного института избирательного права. 218 с.

Гребняк О.В. (2022). Опыт и перспективы внедрения электронного голосования в избирательную систему РФ // Третьи декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Вызовы пандемии, парламентские выборы и стратегическая повестка дня для общества и государства: научно-практическая конференция, Москва, 24 декабря 2021 г.; отв. ред. Левашов В.К. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. С. 43–50.

Злотникова Е.В. (2021). Электоральный процесс // Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы: учебник. М: Кнорус. С. 282–312.

Колесник Н.В. (2021). Избирательные кампании и гражданский активизм в условиях цифровой геймификации // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 24, № 3. С. 144–168. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.7>

Макурина Е.А., Лыкасова С.В. (2009). Права и свободы человека как фактор реализации политической активности // Политическая активность: современные тенденции и новые формы: монография: Челябинск. Изд-во ЮУрГУ. С. 290–312.

Мангейм К. (1994). Диагноз нашего времени. М.: Юрист. 700 с.

Мармилова Е.П. (2021). О введении трехдневного голосования в Российской Федерации в 2020 году // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 2 (67). С. 51–57. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-67-2-051-057>

Палитай И.С. (2020). Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики // Полис. Политические исследования. № 5. С. 90–100. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.07>

References

Baranova G.V. (2018), “Conceptual bases of political activity research in modern Russian society”: Abstr. Diss. ... Dr. Sci. (Sociol.): 22. 00.01. Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russia.

Borisov I.B., Golovin A.G., Ignatov A.V. (2020), *Elections in the World: Electronic Voting: monograph*, Russian Public Institute of Electoral Law, Moscow, Russia (in Russian).

Grebniak O.V. (2022), “Experience and Prospects of Introduction of Electronic Voting in the Electoral System of the Russian Federation”, In: Levashov V.K. (ed.) *Third December Social and Political Readings “How Do You Live, Russia?”*. *Challenges of the pandemic, parliamentary elections and the strategic agenda for society and the state: Scientific and Practical Conference, Moscow, 24 December 2021*, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 43–50.

Kolesnik N.V. (2021), “Electoral campaigns and civic activism in conditions of digital gamification”, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 24, no. 3, pp. 144–168, <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.7>

Makurina E.A., Lykasova S.V. (2009), “Human rights and freedoms as a factor in the implementation of political activity”, In: *Political activity: modern trends and new forms: monograph*, South Ural State University Publ. House, Chelyabinsk, Russia, pp. 290–312 (in Russian).

Mannheim K. (1994), *Diagnosis of our time*. Jurist, Moscow, Russia (in Russian).

Marmilova E.P. (2021), “On the introduction of three-day voting in the Russian Federation in 2020”, *Caspian region: politics, economy, culture*, no. 2 (67), pp. 51–57, <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-67-2-051-057>

Palitay I.S. (2020), “Young generation of the Russian political elite: status-role and personal characteristics”, *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 90–100, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.07>

Zlotnikova E.V. (2021), “Electoral process”, In: *Political institutions, processes and technologies: theory and cases: textbook*, Knorus, Moscow, Russia, pp. 282–312 (in Russian).

УДК 323

JEL D72

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-89-97>

Получено: 29.07.2022

Статья доработана после рецензирования: 31.08.2022

Принято: 08.09.2022

К вопросу о генезисе гибридного режима в Венесуэле (1999–2013 гг.)

Лудена Лопес Джеованна Эстефания

Аспирант, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8870-3031>, e-mail: geolude@hotmail.com

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье дается авторская интерпретация генезиса политической системы Венесуэлы в период президентства Уго Чавеса (1999–2013 гг.). При рассмотрении так называемого гибридного режима, предложенного Гильермо О’Доннеллом, предпринята попытка анализа трансформации политической системы с приходом демократии в Венесуэле. В рамках исследования автором выделяются демократические или авторитарные черты и аспекты, присущие власти в Венесуэле начиная с 1958 г. Конституционные порядки 1961 г. и новая Конституция 1999 г. составляют фундаментальные правовые основы всего демократического процесса, существовавшего с 1958 г. по настоящее время, что, очевидно, в исторической перспективе указывает на триединство права, власти и силы, проявляющееся в такие исторические моменты, как свержение Переса Хименеса. На основе проведенного историко-документального исследования автор статьи приходит к выводу, что гибридный режим, установленный У. Чавесом в первые пять лет своего правления, со временем становился все более авторитарным. По мнению автора статьи, своеобразие администрации У. Чавеса заключается в том, что власть использовала не только юридические, нормативные и неформальные инструменты, направленные на ограничение свободы выражения мнения и собраний, препятствуя возникновению демократического плюрализма, но и репрессивные меры.

Ключевые слова: чавизм, демократия, электоральный авторитаризм, гибридный режим, Уго Чавес, Боливарианская революция, Пакт Пунто-Фихо, централизованная демократия, политическая система, Гильермо О’Доннелл, конституция Венесуэлы

Цитирование: Лудена Лопес Д.Э. К вопросу о генезисе гибридного режима в Венесуэле (1999–2013 гг.) // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 89–97. DOI: [10.26425/2309-3633-2022-10-3-89-97](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-89-97)



Received: 29.07.2022

Revised: 31.08.2022

Accepted: 08.09.2022

The issue of the hybrid regime genesis in Venezuela (1999–2013)

Geovanna Estefania Ludena LopezPostgraduate Student, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8870-3031>, e-mail: geolude@hotmail.com

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The article gives the author's interpretation of the genesis of Venezuela political system during the presidency of Hugo Chavez (1999–2013). In the article, when considering the hybrid regime proposed by Guillermo O'Donnell, an attempt was made to analyze the transformation of the political system with the advent of democracy in Venezuela, in which the author highlights the features and democratic or authoritarian aspects inherent in the government from democracy in Venezuela in 1958. The constitutional orders of 1961 and the new Constitution of 1999 constitute the fundamental legal foundations of the entire democratic process that has existed from 1958 to the present, which, obviously, in a historical perspective, points to the trinity of law, power and force, manifested in such historical moments, like overthrowing Perez Jimenez. On the basis of the conducted historical and documentary research, the author of the article concludes that the hybrid regime established by H. Chavez in the first five years of his reign became more and more authoritarian over time. According to the author of the article, the peculiarity of the Chavez administration is that not only legal, regulatory and informal instruments aimed at restricting freedom of expression and assembly, hindering the emergence of democratic pluralism, but also repressive measures.

Keywords: Chavism, democracy, electoral authoritarianism, hybrid regime, Hugo Chavez, Bolivarian Revolution, Puntofijo Pact, centralized democracy, political system, Guillermo O'Donnell, constitution of Venezuela

For citation: Ludena Lopez G.E. (2022) The issue of the hybrid regime genesis in Venezuela (1999–2013). *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 89–97. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-89-97

Введение / Introduction

За последние два десятилетия венесуэльский политический режим претерпел ряд изменений в демократических процедурах. Режим правления в государстве анализируется с точки зрения электорально-авторитарного типа, поскольку в Венесуэле перестала преобладать демократия переходного типа, характеризующаяся, в том числе, политическими свободами и конкуренцией. С момента прихода Уго Чавеса на пост президента в 1999 г. в стране установился гибридный политический режим [Corrales, 2011], характеризующийся «частичной и централизованной» демократией.

Правительство Чавеса добилось определенного прогресса на пути к «централизованной демократии»,

но серьезные препятствия блокировали окончательную реализацию этой цели. Радикальная демократия делает упор на правление большинства, а не на права меньшинства. Первостепенное значение придается также участию малообеспеченных слоев населения. Ключевым компонентом радикальной демократии является активизация народных масс, что, в свою очередь, приводит к ощущению расширения прав и возможностей, объединению и «политическому обучению» ранее исключенных. Эти факторы в значительной степени субъективны и трудно поддаются измерению.

Основная цель статьи состоит в том, чтобы показать, как политическая система развивалась с 1958 г., когда демократия пришла в Венесуэлу

© Ludena Lopez G.E., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

вместе со свержением диктатора генерала Марко-са Переса Хименеса, и до кардинальных изменений в политической системе страны, проведенных Уго Чавесом после своего избрания президентом в 1998 г.

В рамках настоящей работы изложение организовано следующим образом: первый параграф описывает системный аналитический подход, предложенный Гильермо О’Доннеллом для изучения гибридного режима в Венесуэле; второй параграф характеризует политическую систему Венесуэлы в период с 1958 г. по 1998 г., выделяя наиболее важные аспекты, позволяющие понять демократическую систему; в третьем параграфе рассматривается политическая система Венесуэлы в период президентства Уго Чавеса (1999–2013 гг.).

Обсуждение / Discussion

Во время холодной войны между СССР и США гибридным режимам правления уделялось мало внимания, потому что они были в меньшинстве. После падения Берлинской стены и наступления третьей волны демократизации число автократий сократилось до рекордно низкого уровня, что заставило многих исследователей анализировать «переходы к демократии». Однако эксперты изначально не обнаружили схожих черт немалой группы гибридных режимов, и сегодня они встречаются чаще, чем автократии.

Гибридный режим — это политическая система, характеризующаяся демократией и авторитаризмом, и поэтому ее нельзя определить как полноправную демократию или диктатуру. Это смешанный тип политического режима, который часто образуется в результате неполного перехода от авторитарного к демократическому режиму [Подлесный, 2016]. Гибридные режимы сочетают автократические характеристики с демократическими и могут одновременно проводить политические репрессии и обычные электоральные процедуры. «Гибридный режим возникает из полиморфного взгляда на политические режимы, которые выступают против дихотомии самодержавия или демократии»¹.

Гильермо О’Доннелл и Филипп Шмиттер определяют гибридный режим как «переход от авторитарного правления, который может привести к демократии или закончиться либерализованным авторитарным режимом (диктатурой) или либеральной, ограничительной демократией» [O’Donnell, 1986].

О’Доннелл и Шмиттер выделяют следующие характеристики гибридного режима:

- наличие внешних атрибутов демократии (выборы, многопартийная система и легальная оппозиция);
- низкая степень ущемления интересов граждан в процессе принятия политических решений;
- низкий уровень участия в политической жизни;
- декларативный характер политических прав и свобод;
- низкий уровень доверия граждан к политическим институтам.

Учет государств с гибридными режимами осуществляется с помощью рейтинга политических прав и гражданских свобод, составляемого неправительственной организацией Freedom House, которая присваивает каждой стране баллы по ряду критериев и таким образом генерирует общий балл, который колеблется между двумя крайностями — «очень демократическая страна» и «очень авторитарная страна». Для этой организации существует три основных типа режимов.

1. Свободные: существует политическая конкуренция; атмосфера уважения гражданских свобод; достаточно независимая гражданская жизнь и независимые средства массовой информации.

2. Несвободные: не существует политических прав или систематического уважения к основным гражданским свободам.

3. Частично свободные: уважение политических и гражданских свобод ограничено; коррупция чрезмерна; верховенство права является не абсолютным или избирательным; фиксируются случаи политического насилия, одна политическая партия доминирует во всех областях, особенно в институтах системы сдержек и противовесов.

Freedom House в своем рейтинге рассматривает Венесуэлу в 2012 г. как частично свободное государство с политическими правами на 5 баллов и гражданскими свободами на 5 баллов, кроме того, в ежегодном отчете от 2012 г. декларируется, что избирательная сфера при руководстве Уго Чавеса была сильно извращена².

Политическая система Венесуэлы (1958–1998 гг.) / Venezuela’s political system (1958–1998)

Ряд аналитиков отмечают, что венесуэльская политическая система начала свою эволюцию в 1958 г.

¹ Gagne F. (2015). Hybrid Regimes // Oxford Bibliographies. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/obo/9780199756223-0167> (дата обращения: 10.07.2022).

² Freedom House. Freedom in the world 2013: Democratic breakthroughs in the balance, February 2013. Режим доступа: <https://www.freedomhouse.org/sites/default/files/FIW%202013%20Booklet.pdf> (дата обращения: 09.07.2022).

с установления демократии. Тогда она характеризовалась примирением политических элит и объединением их вокруг ряда соглашений, направленных на обеспечение незыблемости демократии в Венесуэле.

Для уяснения последовательности событий и определения роли власти на каждом этапе развития государства, приведем краткое описание каждого венесуэльского демократического правительства.

Правительство Ромуло Бетанкура (1959–1963 гг.) / The Government of Romulo Betancourt (1959–1963)

После свержения генерала Маркоса Переса Хименеса была создана военная хунта под председательством контр-адмирала Вольфганга Ларрасабалы, и именно тогда венесуэльский народ ощутил приход демократических процедур, поскольку хунта объявила президентские выборы в декабре 1958 г., на которых был избран Ромуло Бетанкур. Он стал президентом Венесуэлы в то время, когда международная арена представляла из себя два полюса силы, сформированных в ходе холодной войны.

В 1959 г. произошла кубинская революция под руководством Фиделя Кастро, который был кумиром для венесуэльских коммунистов, заинтересованных в проведении аналогичной революции у себя в стране [Zuloaga, 2001]. Национальное единство как лозунг, гарантирующий переход к демократии, оказало сильное давление на основные политические партии и их лидеров, потому что отражало протест венесуэльского народа, что привело 31 октября 1958 г. к подписанию Пакта Пунто-Фихо (исп. Pacto de Punto Fijo), определяющего все разнообразие политических инструментов, которые составляют новую систему [Machilanda, 1988].

Пакт Пунто-Фихо закрепил участие всех секторов страны в защите демократического режима, а также упомянул о переговорах, проводимых политическими партиями для обеспечения единства и политического перемирия. Конституция 1961 г. имела большое значение для укрепления демократической системы Венесуэлы, поскольку в ней содержались основные prerogatives новой конституционной системы. Стоит отметить, что в период 1959–1964 гг. были достигнуты положительные результаты для демократии в Венесуэле, такие как утверждение демократического избирательного процесса и общественных свобод, борьба с коррупцией и предотвращение доступа коммунистических групп к власти.

Правительство Рауля Леони (1964–1969 гг.) / The Government of Raúl Leoni (1964–1969)

Рауль Леони был избран президентом 11 марта 1964 г., ему хотелось править по другой схеме, чем

предусматривал Пакт Пунто-Фихо. Леони стремился к правительству национального понимания с максимально возможной свободой, в связи с чем анонсировал период борьбы за понимание, гармонию и баланс.

Правительство Леони называлось правительством широкой базы, поскольку оно было основано на коалиции, состоящей из партий Демократическое действие (исп. Acción Democrática), Демократический республиканский союз (исп. Unión Republicana Democrática) и Национальный демократический фронт (исп. Frente Nacional Democrático), однако этот же факт спровоцировал стремительное моральное и политическое разложение внутри правительства.

В период с 1964 г. по 1969 г. продолжалась вооруженная борьба коммунистических партизан революционного левого толка и количество террористических актов на венесуэльской земле значительно возросло.

Правительство Рафаэля Кальдеры (1969–1974 гг.) / The Government of Rafael Caldera (1969–1974)

Правительство Рафаэля Кальдеры объявило широкую амнистию лидерам, руководившим нападениями на демократический режим, установленный в Венесуэле с 1958 г. Торо Харди [Toro Hardy, 1991] анализирует администрацию президента Рафаэля Кальдеры, и, по его мнению, было три элемента, которые определили пять лет его правления: умиротворение, баланс существующих сил между законодательной и исполнительной властью и финансовая дисциплина.

Тот факт, что первый президентский срок доктора Кальдеры характеризовался его парламентской слабостью в Национальном конгрессе того времени, стал важным вкладом в полноценное и эффективное функционирование демократической системы, благодаря политике умиротворения, которая способствовала повторному включению в демократическую повестку Коммунистической партии Венесуэлы (исп. Partido Comunista de Venezuela) и Революционного левого движения (исп. Movimiento de Izquierda Revolucionaria), а также благодаря контролю над средствами массовой информации, бросающими тень на правительство.

Правительство Карлоса Андреса Переса (1974–1979 гг.) / The Government of Carlos Andrés Pérez (1974–1979)

На выборах, состоявшихся в декабре 1973 г., партия Демократическое действие получила большинство мест в Национальном конгрессе. В начале правления президента Карлоса Андреса Переса произошел резкий скачок мировых цен на нефть в результате нефтяного эмбарго, введенного Организацией арабских стран-экспортеров нефти

по отношению к США и некоторым странам Западной Европы. Цена на нефть возросла примерно с 2,5 долл. США до 12 долл. США за баррель, и по этой причине налоговые поступления Венесуэлы значительно увеличились [Zuloaga, 2001]. Правительство Карлоса Андреса Переса характеризуется национализацией черной металлургии в 1975 г. и национализацией нефтяной промышленности в 1976 г.

Правительство Луиса Эрреры Кампинса (1979–1984 гг.) / The Government of Luis Herrera Campins (1979–1984)

В 1978 г. венесуэльский народ в очередной раз воспользовался своим правом голоса. Луис Эррера Кампинс, кандидат от Социал-христианской партии (исп. Partido Socialcristiano), был избран президентом Венесуэлы на период 1979–1984 гг.

С фразы «Я получаю заложенную страну» из-за увеличения внешнего долга во время руководства Переса президент Эррера Кампинс начинает свое правление. Мандат Эрреры характеризуется инфляционным процессом, который, похоже, до сих пор не остановлен. Этот процесс начался с бегства капитала и сильного экономического спада, приведшего к первой девальвации валюты.

Среди принципов внешней политики Венесуэлы того периода исследователи выделяют «придание актуальности экономическим связям венесуэльского государства, усиление ведущей роли Венесуэлы в международном порядке в целом и в латиноамериканском порядке в частности», поиск руководством страны «институционализации свободы и демократии на американском континенте», с учетом того, что «однородность политической структуры способствует самому укреплению венесуэльской демократической системы» [Fernandez, 2003].

Правительство Хайме Лусинчи (1984–1989 гг.) / The Government of Jaime Lusinchi (1984–1989)

На выборах в декабре 1983 г. победил доктор Хайме Лусинчи, кандидат от партии Демократическое действие. Он был президентом в трудные времена, прежде всего потому, что монетарные, фискальные и экономические показатели были отрицательными, и между фискальными органами существовали радикальные противоречия по поводу методов выхода из кризиса. Сбои в работе государственных служб и получившая широкую огласку административная коррупция способствовали дальнейшему затуманиванию экономических и политических перспектив страны. Однако в конце 1980-х гг. Венесуэла представила себя миру как страна, в которой стабильная и конкурентная двухпартийная система поддерживала

демократию, которая, несмотря на свои проблемы, постепенно развивалась.

Сочетание репрессий с эффективной правительственной пропагандистской политикой, направленной из Главного информационного управления, предотвратило раскрытие большинства административных нарушений и злоупотреблений властью, несмотря на царившую в стране атмосферу коррупции. Важно подчеркнуть, что именно это правительство создало Президентскую комиссию по государственной реформе (исп. Comisión para la Reforma del Estado, COPRE) как автономный институт с широким созывом и легитимностью. Целью этого учреждения было внесение предложений и рекомендаций, которые привели бы к демократизации системы.

Мартин Танака утверждает, что некоторые политические партии децентрализация ослабила, в то время как для других она открыла возможности для обновления, но нельзя отрицать, что эти реформы обогатили традиционные политические партии «свежей кровью», в то же время они позволили появиться новым политическим партиям и организациям, которые могли ознаменовать переход от двухпартийной системы к умеренной многопартийной [Tanaka, 2006].

Второе правительство Карлоса Андреса Переса (1989–1993 гг.) / Second Government of Carlos Andrés Pérez (1989–1993)

В декабре 1988 г. народ Венесуэлы на выборах снова избрал Карлоса Андреса Переса. Из-за неустойчивого экономического положения страны Перес осуществил программу макроэкономической корректировки, которую он представил стране 16 февраля 1989 г. Эта программа, спонсируемая Международным валютным фондом, в народе называлась «экономическим пакетом». Среди первых мер было повышение цен на бензин и последующее увеличение стоимости общественного транспорта, что вызвало всеобщее недовольство, протесты и грабежи на всей территории страны 27 и 28 февраля 1989 г. [Fernandez, 2003].

Гражданский протест, известный как «Каракасо» (исп. Caracazo), и последующие репрессии со стороны государства сильно повлияли на популярность Переса. Частые демонстрации цехового и профсоюзного секторов страны, а также критика экономической программы различными субъектами венесуэльского общества подорвали политическую базу правительства. В результате, ранним утром 4 февраля 1992 г. парашютно-десантный полк, дислоцированный в городе Маракай, попытался совершить государственный переворот, оправдывая

свои действия социальным упадком в стране и растущей административной коррупцией.

Хуан Родригес [Rodriguez, 2000] утверждает, что повстанческое военное движение 4 февраля 1992 г., которым руководил командующий Уго Чавес Фриас, выступило против политической системы Венесуэлы с партией Демократическое действие во главе. 27 ноября 1992 г. была предпринята новая попытка государственного переворота, на этот раз гражданско-военного характера (с более активным участием военно-морского флота и авиации) под командованием Эрнана Грубера Одремана, пытавшегося свергнуть президента Переса.

Второе правительство Рафаэля Кальдеры (1994–1999 гг.) / Second Government of Rafael Caldera (1994–1999)

Приоритеты второго правительства доктора Рафаэля Кальдеры заключались в восстановлении гармонии нации, основы которой изменились в результате двух попыток государственного переворота в 1992 г. и открытия судебного процесса в отношении уходящего президента Карлоса Андреса Переса.

По словам Мартина Танаки, «Кальдера знаменовал собой возможность постепенного перехода от двухпартийности к умеренной многопартийной системе, в качестве лидера под эгидой Пакта Пунто-Фихо возглавил требование обновления и преодоления его пороков» [Tanaka, 2006].

Для солдат, задержанных за активное и доказанное участие в попытках государственного переворота, провозглашается президентское помилование. «Самым важным политическим событием, произошедшим при этом правительстве, было помилование Уго Чавеса и других инициаторов государственного переворота 4 февраля и 27 ноября 1992 г. до вынесения им приговора, то есть им были возвращены их политические права. Это событие стало началом следующего президентства Уго Чавеса» [Zuloaga, 2001].

Президентский срок доктора Рафаэля Кальдеры также был основан на представлении о демократическом управлении с целью привлечения иностранных инвестиций. Однако продвижение демократии было направлено только на борьбу с коррупцией.

Политическая система Венесуэлы (1999–2013 гг.) / Political system of Venezuela (1999–2013)

С победой Уго Чавеса на президентских выборах закрепилась модель, претендовавшая на альтернативу модели примирения элит, на которой базировалась венесуэльская политическая система с 1958 г. Страна, в которой после 1958 г. на политической

сцене доминировали две партии — Демократическое действие и КОПЕЙ—Народная партия (исп. *Corei-Partido Popular*, бывшая Социал-христианская партия), в 1993 г. стала свидетелем перехода от двухпартийной системы к многопартийной.

По сути, президент Чавес продвигал политическую программу, которая обещала ликвидировать коррупцию, охватившую общественную жизнь Венесуэлы с момента вступления в силу Пакта Пунто-Фихо. Его основным предложением был призыв к конституционному процессу, который был проведен в декабре 1999 г. путем всенародного голосования, и при 55 % воздержавшихся Чавес сумел заменить Конституцию 1961 г. новой Конституцией Венесуэлы 1999 г., что привело к глубоким изменениям в венесуэльской политической жизни.

Период с 2001 г. по 2004 г. характеризовался заметной поляризацией и высокой конфликтностью, иногда жестокостью отношений между защитниками и противниками правительства Чавеса [Hidalgo, 2010]. Но, укрепившись у власти, чавизм начал предпринимать решительные шаги в направлении усиления авторитаризма. 15 августа 2004 г. обычно считают важным поворотным моментом, поскольку именно в этот день Чавес одержал победу на референдуме об отзыве президента, инициированном оппозицией, что позволило ему чувствовать себя уверенно у власти. Спустя несколько месяцев и после крупной победы на региональных выборах, на которых чавизм получил 20 из 22 оспариваемых губернаторских постов и более 80 % мэрских постов, произошло углубление того, что тогда называлось Боливарианской революцией [Corrales, 2007].

Для Чавеса новый этап требовал дальнейшего подчинения политических институтов правящей партии; иногда эта цель достигалась легитимным путем. Так было в случае Национальной ассамблеи после полной победы на парламентских выборах 2005 г., поскольку оппозиция бойкотировала указанные выборы в последнюю минуту, сославшись на пристрастность судьи, Национального избирательного совета и отсутствие гарантии обеспечения тайны голосования. В других случаях полномочия институтов устанавливались путем навязывания их назначений в бюрократическом аппарате и в военном секторе, как это делалось с государственной нефтяной компанией (исп. *Petróleos de Venezuela, Sociedad Anónima, PDVSA*), Верховным судом или Национальным избирательным советом Венесуэлы (исп. *Consejo Nacional Electoral, CNE*) до 2004 г.

Кроме того, Чавес получил необычайную поддержку на президентских выборах в декабре 2006 г. — 62,84 % голосов по сравнению с 36,90 % за кандидата

от оппозиции Мануэля Росалеса — чему способствовал контекст нефтяного бума. Указанные результаты были интерпретированы президентом как одобрение не столько статус-кво, сколько его идеи продвижения неясной социалистической модели, именуемой «социализмом XXI века» или «боливарианским социализмом» [Hidalgo, 2009b], давая зеленый свет продолжению подчинения оставшихся институтов сдержек и противовесов [Corrales, 2007].

Наибольшая радикализация стартовала в начале 2007 г., когда Чавес объявил о запуске так называемых «пяти двигателей» для транзита к социализму:

- закон о стимулах;
- конституционная реформа;
- мораль и просвещение;
- новая геометрия власти;
- подрыв народной власти.

Раскроем содержание заявленных тезисов:

1. Институциональная структура режима, расширяющая президентские полномочия, по сравнению с предыдущей системой Пунто-Фихо (1958–1998 гг.), а также лидерство и методы Чавеса во многом обусловят работу законодательной власти. Президент станет «великим избирателем» правящей коалиции [Alvarez, 2007].

2. Чавесу было легко получить одобрение проекта конституционной реформы в рамках «пяти конституционных двигателей», исходящего от исполнительной власти, с изменениями, внесенными законодательной властью. В итоге предложения были вынесены на референдум двумя блоками в декабре 2007 г. и не получили народной поддержки.

3. На региональных выборах 2008 г. правящая партия, переименованная в Объединенную социалистическую партию Венесуэлы (исп. Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV), подтвердила свое политико-электоральное превосходство (набрала 53 % голосов, получила 17 губернаторских постов из 22 и 264 из 326 мэрских). Однако оппозиционный альянс добился хороших результатов, поскольку он победил в пяти из семи наиболее густонаселенных политически и экономически важных штатов [Hidalgo, 2009a].

4. Принципиальное значение приобрело отсутствие лимитов на пере выборы президента, что повлекло за собой изменение Конституции 1999 г., разрешающее только однократное переизбрание. Бессрочное переизбрание было главной причиной проваленной конституционной реформы 2007 г.

5. Поправка была одобрена на референдуме в феврале 2009 г. (54,85 % проголосовали «за» по сравнению с 45,14 %, высказавшимися «против»), а в десятую годовщину принятия Конституции 1999 г.

по ряду направлений были предприняты действия по ускорению перехода к новой общественно-политической модели. В некоторых случаях были приняты новые законы; в других — изменено толкование текста конституции, в-третьих — применение законов приобрело произвольный характер [Hidalgo, 2009a].

Новые законы / New laws

Начиная с 2009 г. правительство продвигало ряд законов авторитарного профиля, поскольку они предоставляли государству огромные полномочия, чтобы, в случае необходимости, заставить молчать инакомыслящих или принимать в отношении них иные решительные меры³. Среди наиболее значимых законов можно выделить следующие [Hidalgo, 2013].

1. Реформа закона о социальной ответственности на радио и телевидении (2010 г.). Первоначальный закон 2004 г. (называемый «законом пружины») запрещал передачу материалов, которые могут разжигать или пропагандировать ненависть и насилие.

2. Закон о частичной реформе Органического закона о телекоммуникациях (2010 г.), который позволяет правительству приостанавливать или отзываться концессии на радиовещание для частных СМИ, если оно сочтет, что это действие «отвечает интересам нации или если общественный порядок и безопасность этого требуют».

3. Ряд законов, принятых в 2010 г., регулирующих «общественные советы» (Органический закон о народной власти, Органический закон об общественном и народном планировании, Органический закон о социальном контроле и Органический закон о коммунах), обеспечивают государственное финансирование и юридические прерогативы для этих формирований.

4. Закон о защите политического суверенитета и национального самоопределения (2010 г.), который не позволяет венесуэльским правозащитникам получать международную помощь. Неправительственным организациям, которые «защищают политические права» или иностранцы, приглашенные в Венесуэлу этими группами, могут быть без промедления высланы из страны, если они выражают мнение, которое «оскорбляет государственные учреждения, высокопоставленных чиновников или посягает на осуществление суверенитета».

³ Human Rights Watch (07 July 2012). Concentración y abuso de poder en la Venezuela de Chávez [Концентрация и злоупотребление властью в Венесуэле Чавеса]. Режим доступа: <https://www.hrw.org/es/report/2012/07/17/concentracion-y-abuso-de-poder-en-la-venezuela-de-chavez> (дата обращения: 12.07.2022).

5. Закон, частично реформирующий Закон о борьбе с незаконными обменными курсами (2010 г.), который предоставляет правительству монополию на все операции с иностранной валютой, включая государственные облигации.

6. Закон о частичной реформе Закона о политических партиях, митингах и демонстрациях (2010 г.) запрещает депутатам любое поведение, отличное от «политической ориентации и позиций», принятых их партией во время выборов.

С этим набором авторитарных законов связано и наследие Чавеса в Верховном суде, как с точки зрения назначений, так и с точки зрения правовой доктрины. Преданность идеологии правящей партии было требованием для получения высоких должностей в суде. Это стало ясно, когда в десятую годовщину принятия Конституции 1999 г. тогдашний председатель магистрата Верховного суда Луиза Эстелла Моралес выступила за внесение изменений в Конституцию с целью отмены разделения властей в соответствии с тем, что уже реализовывалось Уго Чавесом на практике [Hidalgo, 2013].

С избирательной реформой 2009 г. практика «дублированного выдвижения» была узаконена, поскольку выборы номинальных кандидатов были отделены от тех, которые проходили по спискам. Кроме того, процент представителей, избираемых по спискам и номинально в штатах, был изменен, и, таким образом, средний национальный показатель последних увеличился почти до 70 %.

Заключение / Conclusion

С началом демократического периода в Венесуэле в 1958 г. связь между силовыми, властными и правовыми элементами государства стала ощутимой,

благодаря тому что демократический процесс изначально подвергался давлению, и на протяжении всего процесса его укрепления государство прибегало к использованию силы, власти, и закона для регулирования существования демократического режима.

Конституционные порядки 1961 г. и новая Конституция 1999 г. составляют фундаментальные правовые основы всего демократического процесса, существующего с 1958 г. по настоящее время, что, очевидно, в исторической перспективе свидетельствует о триединстве закона, власти и силы, которое было продемонстрировано в такие исторические моменты, как свержение Переса Хименеса, государственные перевороты и партизанское движение 1960-х гг.

В заключение следует отметить, что гибридный режим, который Чавес установил в первые пять лет своего правления, с тех пор постепенно становится все более авторитарным. Это отчетливо прослеживается в типе законов, носящих карательный характер по отношению к инакомыслию, в отношении к верховенству права (применяется только для преследования оппозиции) и в отношении к оппозиции как таковой (все менее терпимом). Институциональная власть и способность злоупотреблять этой властью возрастают; кажется, что не возрастает только электоральная поддержка. Факт, который выделяется при администрации Чавеса, заключается в том, что им использовались не только юридические, нормативные и неформальные инструменты, направленные на ограничение свободы выражения мнения и собраний, препятствуя возникновению демократического плюрализма, но и репрессивные меры.

Список литературы

Подлесный Д. В. (2016). Политология. Учебное пособие. Харьков: Изд-во НУА. 164 с.

Alvarez A. (2007). Venezuela 2007: los motores del socialismo se alimentan con petróleo [Венесуэла 2007: двигатели социализма работают на нефти] // Revista de Ciencia Política [Журнал политических наук]. V. 27, pp. 265–289. (Исп. яз.) <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-090X2007000100016>

Corrales J., Penfold M. (2007). Venezuela: Crowding Out the Opposition // Journal of Democracy. V. 18, no. 2. Pp. 99–113.

Corrales J., Penfold M. (2011). Dragon in the Tropics: Hugo Chávez and the Political Economy of Revolution in Venezuela. Washington, DC: Brookings Institution Press. 101 p.

Fernandez M. Morales J. (2003). La Política Exterior Venezolana Desde 1959 Hasta 1974 y su Influencia en la Consolidación

References

Alvarez A. (2007), “Venezuela 2007: the engines of socialism are fueled by oil” [Venezuela 2007: los motores del socialismo se alimentan con petróleo], *Journal of Political Science* [Revista de Ciencia Política], vol. 27, pp. 265–289 (in Spanish), <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-090X2007000100016>

Corrales J., Penfold M. (2007), “Venezuela: Crowding Out the Opposition”, *Journal of Democracy*, vol. 18, no. 2, pp. 99–113.

Corrales J., Penfold M. (2011). *Dragon in the Tropics: Hugo Chávez and the Political Economy of Revolution in Venezuela*, Brookings Institution Press, Washington, DC, USA.

Fernandez M. Morales J. (2003), “Venezuelan Foreign Policy From 1959 to 1974 and its Influence on the Consolidation of Venezuelan Democracy: A Historical Reference” [La Política Exterior Venezolana Desde 1959 Hasta 1974 y su Influencia

en la Democracia Venezolana: Una Referencia Histórica. [Внешняя политика Венесуэлы с 1959 по 1974 год и ее влияние на консолидацию венесуэльской демократии: историческая справка] // *Acervo Revista de Estudios Jurídicos y Documentales* [Сборник журнала юридических и документальных исследований]. V. II, no. 2. P. 113. (Исп. яз.).

Hidalgo M. (2009a). Hugo Chávez's "Petro-Socialism" // *Journal of Democracy*. V. 20, no. 2. Pp. 78–92. <https://doi.org/10.1353/jod.0.0073>

Hidalgo M. (2009b). Realidades y espejismos del "socialismo del siglo XXI" en Venezuela [Реалии и иллюзии «социализма XXI века» в Венесуэле]. Madrid: Observatorio de Política Exterior Española, Fundación Alternativas. 100 p. (Исп. яз.).

Hidalgo M. (2010). Clase media y conflictos sociopolíticos en Venezuela (1998–2009): una exploración [Средний класс и социально-политические конфликты в Венесуэле (1998–2009): исследование] // *Clases medias y gobernabilidad en América Latina* [Средний класс и управление в Латинской Америке] / Paramio L. (ed.). Madrid: Pablo Iglesias. Pp. 265–301. (Исп. яз.).

Hidalgo M. (2013). Las elecciones parlamentarias de 2010 en Venezuela: regreso de la oposición y retroceso del chavismo [Парламентские выборы 2010 года в Венесуэле: возвращение оппозиции и отступление чавизма] // *Elecciones y política en América Latina* [Выборы и политика в Латинской Америке 2009–2011 гг.] / Alcántara Sáez M. & Tagina M.L. (ed.). México: Instituto Federal Electoral. Pp. 439–483. (Исп. яз.).

Machilanda J. (1988). Poder Político y Poder Militar en Venezuela 1958–1986 [Политическая власть и военная мощь Венесуэлы 1958–1986 гг.]. Caracas: Ediciones Centauro. 19 p. (Исп. яз.).

O'Donnell G. (1986). *Transitions from authoritarian rule: tentative conclusions about uncertain democracies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 9 p.

Rodríguez J.N. (2000). Civiles y Militares: Una Disyuntiva por el Poder en Latinoamérica El Fenómeno Chávez en Venezuela [Гражданские и военные: борьба за власть в Латинской Америке. Феномен Чавеса в Венесуэле] // *Aldea Mundo*. V. 4, no. 8. Pp. 27–33. (Исп. яз.).

Tanaka M. (2006). La Situación de la Democracia en Colombia, Perú y Venezuela a Inicios de Siglo [Ситуация с демократией в Колумбии, Перу и Венесуэле в начале века]. Lima: Comisión Andina de Juristas. 204 p. (Исп. яз.).

Toro Hardy A. (1991). La Maldición de Sísifo. Quince Años de Política Externa Venezolana [Проклятие Сизифа. Пятнадцать лет внешней политики Венесуэлы]. Caracas: Editorial Panapo. 140 p.

Zuloaga N. (2001). Política en Pretérito. 40 Años de Oposición Ideológica [Политика в прошлом. 40 лет идеологической оппозиции]. Caracas: Editorial Panapo. 20 p.

en la Consolidación en la Democracia Venezolana: Una Referencia Histórica], *Journal of Legal and Documentary Studies collection* [Acervo Revista de Estudios Jurídicos y Documentales], vol. II, no. 2, p. 113 (in Spanish).

Hidalgo M. (2009a). "Hugo Chávez's 'Petro-Socialism'", *Journal of Democracy*, vol. 20, no. 2, pp. 78–92, <https://doi.org/10.1353/jod.0.0073>

Hidalgo M. (2009b), *Realities and illusions of "21st century socialism" in Venezuela* [Realidades y espejismos del "socialismo del siglo XXI" en Venezuela], Observatorio de Política Exterior Española, Fundación Alternativas, Madrid, Spain (in Spanish).

Hidalgo M. (2010), "Middle class and socio-political conflicts in Venezuela (1998–2009): a study" [Clase media y conflictos sociopolíticos en Venezuela (1998–2009): una exploración], In.: Paramio L. (ed.) *Middle classes and governance in Latin America* [Clases medias y gobernabilidad en América Latina], Pablo Iglesias. Madrid, Spain (in Spanish).

Hidalgo M. (2013), "The 2010 parliamentary elections in Venezuela: the return of the opposition and the retreat of Chavismo" [Las elecciones parlamentarias de 2010 en Venezuela: regreso de la oposición y retroceso del chavismo], In: Alcántara Sáez M. & Tagina M.L. (ed.) *Elections and Politics in Latin America 2009–2011* [Elecciones y política en América Latina], Instituto Federal Electoral, México, Mexico (in Spanish).

Machilanda J. (1988), *Political Power and Military Power in Venezuela 1958–1986* [Poder Político y Poder Militar en Venezuela 1958–1986], Ediciones Centauro, Caracas, Venezuela (in Spanish).

O'Donnell G. (1986), *Transitions from authoritarian rule: tentative conclusions about uncertain democracies*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, US.

Podlesnyi D.V. (2016), *Political science: textbook*, People's Ukrainian Academy Publ. house, Kharkiv, Ukraine (in Russian).

Rodríguez J.N. (2000), "Civilians and Military: A Dilemma for Power in Latin America The Chavez Phenomenon in Venezuela" [Civiles y Militares: Una Disyuntiva por el Poder en Latinoamérica El Fenómeno Chávez en Venezuela], *Aldea Mundo*, vol. 4, no. 8, pp. 27–33 (in Spanish).

Tanaka M. (2006), *The Situation of Democracy in Colombia, Peru and Venezuela at the Beginning of the Century* [La Situación de la Democracia en Colombia, Perú y Venezuela a Inicios de Siglo], Comisión Andina de Juristas, Lima, Peru (in Spanish).

Toro Hardy A. (1991), *The Curse of Sisyphus. Fifteen Years of Venezuelan Foreign Policy*. [La Maldición de Sísifo. Quince Años de Política Externa Venezolana], Editorial Panapo, Caracas, Venezuela (in Spanish).

Zuloaga N. (2001), *Politics in the Past. 40 Years of Ideological Opposition* [Política en Pretérito. 40 Años de Oposición Ideológica], Editorial Panapo, Caracas, Venezuela (in Spanish).

УДК 329

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-98-104>

Получено: 04.08.2022 Статья доработана после рецензирования: 08.09.2022 Принято: 15.09.2022

Перспективы и тенденции развития института парламентских партий в современной России

Степанова Светлана Сергеевна

Мл. науч. сотр. каф. государственного управления и политических технологий,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6013-5669>, e-mail: stepanova93@mail.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье дан анализ современного состояния института парламентских партий в Российской Федерации, рассмотрены политико-правовые условия их деятельности, исследованы политические процессы, определяющие тенденции и перспективы их развития. Изучение современной научной литературы по тематике исследования дало возможность ознакомиться с различными оценками состояния института парламентских партий в России, а также с факторами, определяющими особенности их развития в настоящее время. Метод проблемно-хронологического анализа позволил определить основные этапы эволюции парламентских политических партий в России. Метод сравнительного анализа дал возможность выявить общие и особенные черты их развития в актуальных условиях. Развитие института парламентских партий рассматривается в статье в контексте процессов модернизации всей политической системы российского общества, эволюции системы государственного управления. Автором статьи отмечается значительная роль внешних факторов, в том числе кризисных явлений в международной обстановке, нарастания напряженности и перехода к открытой конфронтации России и Запада. Это оказывает существенное влияние на идеологическую компоненту политических партий как проправительственных, так и представляющих парламентскую оппозицию. В статье сделан вывод о том, что изменения, происходящие в общественно-политической жизни современной России, предопределяют появление новых форм и механизмов принятия решений, отражаются на роли парламента и парламентских партий в процессе принятия политических решений, влияют на возможности и потенциал политических партий. По мнению автора статьи, перспективы развития института парламентских партий в современной России напрямую зависят от всей системы государственного управления и общественного развития, их совершенствования и дальнейшего повышения роли политических партий на национальном, региональном и местном уровнях.

Ключевые слова: политическая система, политические партии, парламентские партии, система государственного управления, политические лидеры, программы политических партий, тенденции, перспективы

Цитирование: Степанова С.С. Перспективы и тенденции развития института парламентских партий в современной России // Управление. 2022. Т. 10. № 3. С. 98–104. DOI: [10.26425/2309-3633-2022-10-3-98-104](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-98-104)

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-311-90046.



Received: 04.08.2022

Revised: 08.09.2022

Accepted: 15.09.2022

Development of the parliamentary parties' institute in modern Russia: prospects and trends

Svetlana S. Stepanova

Junior Researcher at the Public Administration and Political Technologies Department

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6013-5669>, e-mail: stepanova93@mail.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The article analyzes the current state of the institution of parliamentary parties in the Russian Federation, the political and legal conditions of their activities, and examines the political processes that determine the trends and prospects for their development. The study of modern scientific literature on the relevant topic made it possible to get acquainted with various assessments of the state of the parliamentary parties institution in Russia, as well as with the factors that determine the features of their development at the present time. The method of problem-chronological analysis made it possible to determine the main stages in the evolution of parliamentary political parties in Russia. The method of comparative analysis made it possible to identify common and specific features of their development in current conditions. The development of the institution of parliamentary parties is considered in the context of the modernization processes of the entire political system of Russian society, the evolution of the public administration system. The author notes the significant role of external factors, including crisis phenomena in the international situation, growing tensions and the transition to open confrontation between Russia and the West. This has a considerable impact on the ideological component of political parties, both pro-government and those representing the parliamentary opposition. The article concludes that the changes taking place in the socio-political life of modern Russia predetermine the emergence of new forms and mechanisms of decision-making, affect the role of parliament and parliamentary parties in the process of political decision-making, affect the capabilities and potential of political parties. According to the author, the prospects for the development of the institution of parliamentary parties in modern Russia directly depend on the entire system of public administration and social development, their improvement and further enhancement of the role of political parties at the national, regional and local levels.

Keywords: political system, political parties, parliamentary parties, public administration system, political leaders, programs of political parties, trends, prospects

For citation: Stepanova S.S. (2022) Development of the parliamentary parties' institute in modern Russia: prospects and trends. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 98–104. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-98-104

Acknowledgements. The work was supported by Russian Foundation for Basic Research grant 19-311-90046.



Введение / Introduction

Парламентские партии являются неотъемлемой частью политической системы и играют важную роль в политических процессах современных государств. Модернизация и трансформация политической культуры в Российской Федерации непосредственно сказываются на фундаментальной роли парламентских партий как структур, отражающих позицию социальных групп и слоев общества.

В статье проанализированы тенденции становления института парламентских партий в современной России и определены перспективы его развития. Основополагающими факторами этих процессов стали конституционно закрепленные принципы разделения властей и многопартийности. Эти принципы восходят еще к периоду распада Советского Союза, когда принимались новые нормативно-правовые акты, соответствующие представлениям о либеральной демократии. При этом вводимые принципы, давшие начало современным интерпретациям института парламентских партий, неоднократно совершенствовались. Так, изначально введенный принцип многопартийности искусственно ограничивался условиями запущенного процесса парламентских выборов и невозможностью для новых политических партий принять в них участие [Miller et al., 1996].

А. Стин отмечает, что в начальный период становления многопартийности упадок и распад прежней иерархической структуры означал рост влияния новых политических сил, в том числе партий, которые могли объединять политическую и экономическую элиту страны¹.

Усиление институтов государственного управления в XXI в., с одной стороны, позволило полностью легализовать и интегрировать новые силы в политическую систему страны, с другой — ослабило их влияние за счет формализации политического процесса и усиления «вертикали власти».

В этой связи можно отметить такую закономерность развития института парламентских партий современной России, как прямая зависимость влияния политических партий от силы и влияния всей системы государственного управления и баланса сил между ветвями власти.

Обсуждение / Discussion

В современных условиях российские политические партии действуют в рамках системы государственного управления, реформы которой, инициированные президентом Российской Федерации В.В. Путиным, были изначально нацелены на ее всестороннее укрепление [Carothers, 2002]. Реформы были непосредственно связаны с усилением роли парламента, политических партий и партийного представительства в парламенте, ярким проявлением которого стала мощная консолидация политических сил, поддерживающих российское правительство [Барабанов, 2011].

В настоящее время главенствующие позиции среди политических партий занимает «Единая Россия», которая почти 20 лет регулярно представляет большинство в Государственной думе российской Федерации. Партия безусловно и безоговорочно поддерживает все без исключения политические инициативы президента страны.

На протяжении долгого времени президент России В.В. Путин поддерживал «Единую Россию». Это обстоятельство не просто способствовало росту популярности этой партии, но и прочно связало ее с фигурой политического лидера страны. Эта связь является важной особенностью парламентских партий современной России и ее устойчивой тенденцией развития.

Популярность В.В. Путина, сохраняющаяся на протяжении его президентства, стала, как представляется, важнейшим фактором наращивания политического капитала «Единой России», членами которой стало практически все руководство страны.

Идеологической основой укрепления позиций «Единой России», помимо поддержки партией политики В.В. Путина, является отстаивание традиционных ценностей, идеи сильного государства, а также последовательная поддержка российского великодержавия [Болоцких, 2014], особенно отчетливо проявившаяся после начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г.

В Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва, помимо «Единой России» (325 депутатов), представлены Коммунистическая партия Российской Федерации (57 депутатов), Либерально-демократическая партия России (23 депутата), партия «Справедливая Россия» (28 депутатов), а также партия «Новые люди» (15 депутатов).

Хотя характерной чертой политических партий современной России является их персонализированность, руководители фракций «Единой России»

¹ Steen A. (2000). Decision-making in Russia: From Hierarchy to Networks? // 28th Annual ECPR Joint Session of Workshops 14–19. April 2000, Copenhagen. Режим доступа: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.195.8656&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 28.07.2022).

не представляют собой видных политических фигур [Тхабисимов, Цапко, 2020]. Действующим руководителем фракции «Единой России» является В.А. Васильев. Он не обладает значительными достижениями в политической сфере, являясь выходцем из органов внутренних дел. Он периодически выступает на заседаниях Государственной думы, обычно примерно один раз в месяц², однако эти выступления не получают широкого общественного резонанса.

Предыдущим руководителем фракции «Единой России» Государственной думы VII созыва был С.И. Неверов, который занимал депутатскую должность с 1999 г., при этом являлся заместителем председателя Государственной думы с 2011 г. Обладая как и В.А. Васильев широкими полномочиями, позволяющими номинально входить в круг наиболее влиятельных политиков страны, он не был видной политической фигурой.

Как представляется, взгляды С.И. Неверова отвечали в большей степени конъюнктурным вопросам текущих политических процессов. Его собственная политическая линия оставалась неопределенной и непоследовательной. В частности, в 2018 г. он отрицательно отреагировал на выдвижение экс-губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева, бывшего в свое время его покровителем, на должность спикера регионального парламента³.

В.А. Васильев и С.И. Неверов не выступали с программными заявлениями по вопросам внутренней или внешней политики, но отмечали и поддерживали уникальный путь развития Российской Федерации, собственную модель демократии и гражданского общества, формируемые по инициативе и под руководством президента В.В. Путина.

Можно отметить, что в случае «Единой России» ключевую роль играет личность руководителя страны, а не формального партийного лидера или руководителя фракции в Государственной думе. Это является особенностью данной парламентской партии [Иванов, 2008].

В Коммунистической партии Российской Федерации (далее — КПРФ) лидером фракции является Г.А. Зюганов. Он представляет собой известную политическую фигуру. Опросы Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее — ВЦИОМ) показывают, что большинство россиян

знают Г.И. Зюганова, из них 16 % следят за его деятельностью и хорошо знакомы с его работой⁴. В то же время большинство опрошенных не следят за его деятельностью. Лишь один процент респондентов не слышал о Г.И. Зюганове, еще 13 % только слышали его фамилию, но не знакомы с ним или его деятельностью.

Помимо партийного лидера, КПРФ не выдвигает политических фигур национального масштаба. Примечательно, что даже о Г.И. Зюганове наименее информирована именно молодежь 18–24 лет, что является негативным сигналом для будущих перспектив этой политической партии.

КПРФ разделяет оппозиционные взгляды на решения правительства, однако не выступает с альтернативными или резко радикальными идеями. К идеям коммунистической партии относятся идеи социальной справедливости и равенства.

Опрос ВЦИОМ также показывает, что часть респондентов воспринимает Г.И. Зюганова как сторонника развития рынка, политической демократии и русских национальных ценностей. Еще часть респондентов считает, что партийный лидер коммунистов не имеет ярко выраженных идейно-политических взглядов.

В целом, КПРФ как основная оппозиционная партия не выдвигает радикальных альтернативных идей, ограничиваясь преимущественно критикой действующей власти. Г.И. Зюганов хотя и является наиболее известной политической фигурой в партии, однако, по мнению исследователей, его время уже ушло, его инициативы нежизнеспособны, а социальная справедливость подменила идею построения социализма или коммунизма.

Либерально-демократическая партия России (далее — ЛДПР) располагает постоянным меньшинством в Государственной думе. Партия ассоциируется с ее многолетним лидером В.В. Жириновским, скончавшимся в 2022 г. Он был известен своими высказываниями и инициативами экстравагантного характера. Для его выступлений характерен популизм. Он выступал, в частности, за полное прекращение любых видов помощи и финансирования для всех зарубежных государств, поскольку России самой необходимы свободные ресурсы для стимулирования экономического развития.

К числу его политических идей относится интеграция и полное поглощение Российской Федерацией Беларуси и Украины. Территории этих

² Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации. Стенограммы. Режим доступа: <http://cir.duma.gov.ru/duma/> (дата обращения: 28.07.2022).

³ Интерфакс (Пятница 6 апр. 2018). Неверов не поддержал идею выдвижения Тулеева в спикеры кемеровского парламента. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/607244> (дата обращения: 28.07.2022).

⁴ Всероссийский центр изучения общественного мнения. Г. Зюганов. Политический портрет. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2460> (дата обращения 17.06.2022).

государств, по мнению В.В. Жириновского, должны были бы стать новыми федеральными округами.

Как считает большинство специалистов, В.В. Жириновский был одним из наиболее ярких и харизматичных политических лидеров, чьи идеи направлены на привлечение общественного внимания и популярность в обществе, вне зависимости от потенциала их реализации или долгосрочных последствий.

Нынешний председатель ЛДПР, Л.Э. Слуцкий, пока не может претендовать на схожую с В.В. Жириновским публичность, и в этой связи перспективы ЛДПР представляются достаточно неопределенными.

С.М. Миронов является бессменным лидером фракции «Справедливая Россия». Он является достаточно известной политической фигурой в современной России. Так, по опросам ВЦИОМ в 2006 г., о нем не знали только 5 % респондентов⁵. Можно отметить, что «Справедливая Россия» во многом также ассоциируется с фигурой своего партийного лидера.

О партии «Новые люди», возглавляемой А.Г. Нечаевым, можно говорить пока только с большой долей неопределенности, поскольку она является новым политическим образованием. Основной идеей партии является предоставление возможности быть услышанными тем, кто не мог это осуществить в рамках других партий.

Партия проявляет достаточно высокую активность, однако ее перспективы во многом зависят от узнаваемости ее политических идей и от фигуры партийного лидера.

Проведенный анализ показывает, что парламентские партии, сформировавшие в Государственной думе собственные фракции, исторически достаточно устойчивы, имеют узнаваемых лидеров или ассоциируются с известными политиками, но вместе с тем не обладают потенциалом самостоятельности в своей политической деятельности, а масштаб их идей ограничен правительственными рамками. Сказанное в полной мере относится к реализации собственных политических идей и воззрений представителями политических партий.

Таким образом, в статье выявлены особенности структурного характера нижней палаты парламента и, шире, законодательной ветви власти. Хотя отсутствие сильных политических фигур говорит об их невостребованности, тем не менее,

политические партии современной России напрямую зависят от своих партийных лидеров⁶.

В этой связи можно отметить, что партии современной России пока не обладают достаточными возможностями и потенциалом для того, чтобы формировать собственную повестку дня и продвигать ее в процессе принятия политических решений. Доминирующим позициям партии «Единая Россия» вряд ли что-то может угрожать. Еще с начала 2000-х гг. все остальные политические партии были фактически вытеснены на второй план [Hofmeister, 2011], и в дальнейшем конкурировали лишь друг с другом. Для изменения сложившейся ситуации необходимы качественные преобразования в самой системе управления либо в балансе сил между ветвями власти.

Законодательство пока ограничивает возможности появления новых политических сил на уровне регионов или локального значения, исключение составляют только партии федерального уровня. Стоит отметить, что эти меры, с одной стороны, направлены на устранение угрозы сепаратизма, с другой — искусственно препятствует более эффективному решению социальных проблем, которые носят в большей степени региональный или межрегиональный характер. Обязательность регистрации политических партий в Министерстве юстиции Российской Федерации является необходимым условием участия в парламентских выборах⁷.

Парламент страны в условиях президентской республики должен обладать механизмами контроля над исполнительной властью [Дюверже, 2000]. Так, президент может назначить нового премьер-министра только с согласия Государственной думы, а при третьем отказе утверждать кандидатуру должен последовать обязательный роспуск нижней палаты парламента, что означает прерывание планового законодательного процесса, гарантом которого выступает президент.

Конституция защищает высший законодательный орган страны рядом ограничений для исполнительной власти. Так, Государственная дума не может быть распущена в течение первого года избрания, с момента выдвижения обвинений против президента страны до решения этого вопроса в рамках Совета Федерации, при введении военного или чрезвычайного положения, а также за шесть

⁵ Всероссийский центр изучения общественного мнения. Сергей Миронов: политический портрет. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sergej-mironov-politicheskij-portret> (дата обращения 17.06.2022).

⁶ Johnson B. (Monday 4 Nov. 2019). Political Parties in Russia // ThoughtCo. Режим доступа: <https://www.thoughtco.com/political-parties-in-russia-3555401> (дата обращения: 28.07.2022).

⁷ Российская Федерация. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 24.06.2022).

месяцев до истечения срока полномочий главы государства.

Парламент обладает правом контроля над исполнительной властью. Более того, в случае доказанного факта тяжкого преступления со стороны президента страны Государственная дума имеет полномочия отрешить его от занимаемой должности. Однако процедура отрешения от должности не должна означать произвола со стороны нижней палаты парламента. Для этого полномочия Государственной думы сдерживаются Верховным и Конституционным Судом, а также Советом Федерации. Парламент имеет трехмесячный срок для выполнения всех процедур, поскольку превышение данного срока влечет за собой автоматическое прекращение процедуры.

Описанные в законодательных актах возможности развития института парламентских партий показывают, что на практике партии обладают достаточно широкими полномочиями. В то же время реализация этих полномочий имеет определенные ограничения, что сдерживает дальнейшее совершенствование института парламентаризма в современной России. Его перспективы напрямую зависят от модернизации системы государственного управления в целом, постепенного расширения полномочий политических партий, от выбираемой модели развития, преодоления ограничений, характерных для плюралистической демократии. В частности, главная и единственная ценность, представляющая интерес для конкурирующих элит, заключается во власти. Это естественным образом может ограничить свободу, в защиту которой выступает демократия [McFaul, 1992].

Помимо этого, предположение о сотрудничестве конкурирующих групп в рамках демократического политического процесса направлено на сохранение сложившейся системы и закрепление собственных позиций внутри нее. Это становится препятствием для развития и совершенствования, прежде всего, в плане возможностей для других конкурирующих групп.

Российская Федерация в партийном строительстве смогла преодолеть кризисы 1990-х гг., которые угрожали самой политической системе страны⁸. В XXI в. траектория развития института парламентских партий привела к формированию нескольких политических сил, которые представляют общество

в парламенте страны⁹. Появление партии «Новые люди» свидетельствует о продолжающемся процессе партийного строительства.

Вместе с тем современный этап общественно-политического развития выдвигает новые задачи в плане дальнейшего укрепления института парламентских партий, более четкого их идеологического оформления, меньшей зависимости от фигуры политического лидера в сторону большей узнаваемости самой партии.

Заключение / Conclusion

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Институт парламентских партий современной России отличает его включенность в общую систему государственного управления. Многопартийность является фундаментом партийной жизни страны.

Устойчивой тенденцией является сохранение доминирующих позиций партией «Единая Россия», которая поддерживается президентом страны В.В. Путиным.

Для политических партий России характерной чертой является их привязанность к политическим или партийным лидерам, с которыми они ассоциируются. Персонификация может быть слабым местом партийного строительства, но, очевидно, сохранится в будущем.

На перспективы политических партий современной России может непосредственно повлиять изменение баланса сил в системе государственного управления, смена поколений лидеров, иные фундаментальные сдвиги в политическом устройстве страны.

Модернизация политической культуры и динамика политической социализации могут позволить партиям формировать собственную идеологическую повестку, которая будет ассоциироваться с конкретной партией, что приведет к дальнейшему развитию института парламентских политических партий в современной России.

⁸ Congressional Research Service (Monday 31 Mar. 2014). Russian Political, Economic, and Security Issues and U.S. Interests. Режим доступа: https://www.everycrsreport.com/files/20140331_RL33407_efaec29ee2a-5d2a7422e9fb0a512ae98e13f83e0.pdf (дата обращения: 28.07.2022).

⁹ Britannica. Parties and political power. Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/political-party/Parties-and-political-power> (дата обращения: 28.07.2022).

Список литературы

- Барабанов М.В. (2011). Партии и многопартийность в современной России: возникновение, основные тенденции развития. М.: Изд-во МГОУ. 88 с.
- Болоцких В.Н. (2014). Есть ли политические партии в России? Анализ партийных программ. М.: Библио-Глобус. 47 с.
- Дюверже М. (2000). Политические партии. Пер. с франц. Зимина Л.А. М.: Академический Проект. 538 с.
- Иванов В.В. (2008). Партия Путина. История «Единой России». М.: ОЛМА Медиа Групп, 342 с.
- Тхабисимов Л.А., Цапко М.И. (2020). Защита избирательных прав в контексте перспективных направлений совершенствования нормативной регламентации электоральных процедур и технологий // Избирательное законодательство и практика. № 1. С. 14–19.
- Carothers T. (2002). The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy* No. 13(1). Pp. 5–21.
- Hofmeister W., Grabow K. (2011). Political parties: functions and organisation in democratic societies. Singapore: Konrad Adenauer Stiftung. 103 p.
- McFaul M. (1992). Russia's Emerging Political Parties // *Journal of Democracy*. V. 3, no. 1. Pp. 25–40.
- Miller A.H., Reisinger W.M., Hesli V.L. (1996). Understanding Political Change in Post-Soviet Societies: A Further Commentary on Finifter and Mickiewicz // *The American Political Science Review*. V. 90, no. 1. Pp. 153–166.

References

- Barabanov M.V. (2011), *Parties and multi-party system in modern Russia: emergence, main development trends*, Moscow State Regional University Publ. House, Moscow, Russia (in Russian).
- Bolotskikh V.N. (2014), *Are there political parties in Russia? Analysis of party programs*, Biblio Globus Publ. House, Moscow, Russia (in Russian).
- Carothers T. (2002), “The End of the Transition Paradigm”, *Journal of Democracy*, no. 13(1), pp. 5–21.
- Duverger M. (2000), *Political parties*, Trans. from French. Zimina L.A. Academic Project, Moscow, Russia (in Russian).
- Hofmeister W., Grabow K. (2011), *Political parties: functions and organisation in democratic societies*, Konrad Adenauer Stiftung, Singapore, 103 p.
- Ivanov V.V. (2008), *Putin's party. History of United Russia*, OLMA Media Grupp, Moscow, Russia (in Russian).
- McFaul M. (1992), “Russia's Emerging Political Parties”, *Journal of Democracy*, vol. 3, no. 1, pp. 25–40.
- Miller A.H., Reisinger W.M., Hesli V.L. (1996), “Understanding Political Change in Post-Soviet Societies: A Further Commentary on Finifter and Mickiewicz”, *The American Political Science Review*, vol. 90, no. 1, pp. 153–166.
- Tkhabisimova L.A., Tsapko M.I (2020), “Protection of electoral rights within the framework of perspective areas of improvement of the statutory regulation of electoral procedures and technologies”, *Electoral legislation and practice*, no. 1, pp. 14–19.

UDC 342.7

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-105-112>

Received: 27.07.2022

Revised: 29.08.2022

Accepted: 05.09.2022

Legislation on direct democracy in modern Vietnam

Tu Thi Thoa

Postgraduate Student¹, Deputy Dean of the Political Theory and Professional Pedagogy Faculty²

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-1846>, e-mail: tuthoahvhc@gmail.com

¹State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

²Ho Chi Minh City University of Physical Education and Sports Education,
639 Nguyen Trai Ward 11, District 5, Ho Chi Minh City, Vietnam

Abstract

In recent years, direct democracy has received more and more attention and has become the subject of much research in the field of political science. The development of direct democracy is seen as a mean of consolidating modern democracy. Therefore, most democratic countries in the world have been making efforts to build appropriate mechanisms to promote the positive effects of this form of democracy, including Vietnam. Characterized as a developing country with a single-party ruling political system, Vietnam aims to build a united and cohesive society on the basis of ensuring the people's mastery through direct and representative democracy. Since entering the period of renovation (since 1986), direct democracy has been of more interest in Vietnam along with the legal basis system for this form of democracy is increasingly improved. However, it must be acknowledged that, for a country that has not had a long history of implementing democracy, especially direct democracy, the Vietnamese legal system that regulates this field still has many limitations. The article gives an overview of the current legal system of direct democracy in Vietnam, thereby analyzing a number of limitations and shortcomings and orienting some solutions to overcome these problems.

Keywords: democracy, direct democracy, legislation on democracy, ensuring democracy, promoting democracy, elections, referendums, direct democracy in Vietnam

For citation: Thoa.T.T. (2022) Legislation on direct democracy in modern Vietnam. *Upravlenie / Management (Russia)*, 10 (3), pp. 105–112. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-105-112



Получено: 27.07.2022 Статья доработана после рецензирования: 29.08.2022 Принято: 05.09.2022

Законодательство о прямой демократии в современном Вьетнаме

Ты Тхи Тхоа

Аспирант¹, зам. декана Факультета политической теории и профессиональной педагогики²

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-1846>, e-mail: tuthoahvhc@gmail.com

¹Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

²Университет физического воспитания и спортивного образования города Хошимин,
639 Нгуен Трай, округ 11, район 5, г. Хошимин, Вьетнам

Аннотация

В последние годы прямой демократии уделяется все больше внимания, и она стала предметом многочисленных исследований в области политологии. Развитие прямой демократии рассматривается как средство укрепления современной демократии. Поэтому большинство демократических стран мира, включая Вьетнам, прилагают усилия для создания соответствующих механизмов для содействия позитивным последствиям этой формы демократии. Характеризуемый как развивающаяся страна с однопартийной правящей политической системой, Вьетнам стремится построить единое и сплоченное общество на основе обеспечения власти народа посредством прямой демократии и представительной демократии. С момента вступления в период обновления (с 1986 г.) прямая демократия вызывает во Вьетнаме все больший интерес, а система правовой базы для этой формы демократии все больше совершенствуется. Однако следует признать, что для страны, которая не имеет долгой истории внедрения демократии, особенно прямой демократии, вьетнамская правовая система, регулирующая эту сферу, все еще имеет много ограничений. В статье дается обзор существующей правовой системы прямой демократии во Вьетнаме, тем самым анализируется ряд ограничений и недостатков и предлагаются некоторые решения для преодоления этих проблем.

Ключевые слова: демократия, прямая демократия, законодательство о демократии, обеспечение демократии, продвижение демократии, выборы, референдумы, прямая демократия во Вьетнаме

Цитирование: Тхоа. Т.Т. Законодательство о прямой демократии в современном Вьетнаме // Управление. 2022. Т.10. № 3. С. 105–112. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-105-112



Introduction

Direct democracy is on the rise worldwide. It has a lot to do with political interests [Talpin, 2018] and has a positive impact on a country's political decision-making process [Smith, Tolbert, 2007]. In fact, in the modern world, there is not a common pattern that applies to the model of direct democracy in all countries, because it depends on many different factors such as: the socio-economic development of the country, the degree of democracy in the government apparatus, intellectual level, national traditions, legal institution system, etc. For a developing country like Vietnam, building a democratic state, a civilized and modern society, strongly developing direct democracy is the goal that the Party and State of Vietnam strive to achieve. However, the process of achieving that goal has encountered many difficulties when the legal system on direct democracy still has many limitations and unreasonableness.

Direct democracy is a form of democracy with the principle that the people directly participate in discussions, vote and decide on the affairs of the state. It can be said that direct democracy appeared quite early in the process of organizing and exercising political power in the world. This is considered the original and authentic way to ensure the power and position of the people as the master of the state and society. Nowadays, along with representative democracy, direct democracy plays a very important and indispensable role in modern states. As the subject of state power, the people have the right to express their opinions, aspirations, propose views and recommendations in various fields. The result of this expression of opinion is decisive and must be enforced immediately (referendum, dismissal of elected deputies) or of a reference nature to the management of the state. Thus, it can be seen that direct democracy is not merely the people directly implementing decisions but also including the activities of the people that influence and affect the exercise of state power. Direct democracy can have an impact on increasing citizens' political knowledge and increasing their confidence in political institutions [Peters, 2016]. It allows and requires people to be actively involved in political activities, so it can lead to policy choices that are more suitable for the majority [Leemann, Wasserfallen, 2016]. In other words, it is seen as a way of exercising public power [Rudenko, 2003]. At the same time, direct democracy has a positive impact on promoting equality [Krämling et al., 2022]. Obviously, compared with representative democracy, direct democracy ensures more transparency in the exercise of state power. If for representative democracy, people still worry about how much of their

representatives can reflect the percentage of the benefits and aspirations that they have sent, then for the form of direct democracy, the people have equal opportunity to express their opinions. It is this equality and fairness that has had a positive impact, contributing to an increase in voter turnout [Dvořák et al., 2017] as well as political efficiency through their interest in political institutions and processes [Tolbert et al., 2005; Bowler, Donovan, 2004].

Direct democracy as one of the socio-political stability factors in Vietnam

In Vietnam, direct democracy is seen as a guarantee for socio-political stability. The law of objective development of human social history shows that political stability is the driving force of social development as well as democracy development, however, democracy has the opposite effect, it is a factor that ensures socio-political stability. When the people are truly in power, they will be more satisfied with their status, trust the management of the state, and take more responsibility for maintaining an orderly society. The Communist Party of Vietnam as the sole ruling party in Vietnam has specifically identified: to build a stable society, direct democracy must be promoted. Democracy associated with social justice must be implemented in real life and in all political, economic, cultural and social fields through the operation of state agencies elected by the people and by forms of direct democracy¹. At the same time, the state needs to focus on promoting direct democracy, ensuring that all state power belongs to the people. All lines and undertakings of the Party, policies and laws of the State of Vietnam must derive from the people's legitimate aspirations, rights and interests, and be consulted by the people. Direct democracy must be fully and seriously implemented in the fields of social life, and at the same time, it is necessary to clearly define the relationship between democracy in general, direct democracy in particular with the rule of law state, socialist-oriented market economy [Communist Party of Vietnam, 2005]. With the above concept, Vietnam recognizes the common forms of direct democracy, including: elections, removal of elected representatives, referendums, exercise of the right to take the initiative in legislation, and collection of opinions

¹ *Communist Party of Vietnam [Đảng Cộng sản Việt Nam]*, (10 June 1993), Document of the 5th Plenum of the 7th Central Committee [Văn kiện Hội nghị lần thứ 5 Ban chấp hành trung ương khoá VII], available at: <https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/van-kien-tu-lieu-ve-dang/hoi-nghi-bch-trung-uong/khoa-vii/nghi-quyet-so-05-nqhtw-hoi-nghi-lan-thu-nam-bchtw-dang-khoa-vii-ve-trieu-tap-hoi-nghi-dai-bieu-toan-quoc-cua-dang-giua-1133> (accessed 03.07.2022)

and decisions in localities and some forms of expressing the will of citizens such as: complaints, denunciations, social criticism.

Overview of Vietnamese law on direct democracy

Vietnam's legal system provides quite fully on the form of direct democracy. It is expressed in documents of different legal value, the highest being the Constitution, followed by laws and documents under the law. Accordingly, Vietnam's latest Constitution, the 2013 Constitution, affirmed that the people have the right to use direct forms of democracy such as referendums, elections, dismissal of elected deputies, to participate in draft laws and regulations of the State as well as specific programs and policies promulgated by the State. The Constitution also affirms: "The state must create conditions for citizens to participate in the management of the state and society; publicity and transparency in receiving and responding to citizens' opinions and recommendations"². In fact, the implementation of direct democracy in Vietnam today, like many other countries in the world, is more focused on implementing direct democracy at the local level (also known as the grassroots level). Democracy is implemented with the motto: the people know, the people discuss, the people perform and the people enjoy. In addition to the Constitution, Vietnamese law provides for the form of direct democracy in laws of high legal value such as: Referendum Law, Law on Election of National Assembly deputies and People's Council deputies, Local Government Law, etc. It is possible to generalize some provisions of the current Vietnamese law on direct democracy as follows.

1. Legal provisions on citizens' right to participate in voting activities: Since the birth of the Socialist Republic of Vietnam (1945), citizens' right to vote has always been recognized in the Constitution and laws. Accordingly, Vietnamese law stipulates that the election of deputies to the National Assembly and the People's Council is the right and obligation of each citizen, and is carried out on the principles of equality, direct and secret ballot. Those eligible to participate in the election include citizens who are full 18 years of age or older and have civil act capacity. Persons who are being held in custody or temporary detention, or who are serving a suspended sentence, are still entitled to participate in elections. At the same time, the law also stipulates that Vietnamese citizens aged full 21 years

or older have the right to stand for election to the National Assembly and People's Council. Besides the right to vote, self-election, the electorate has the right to nominate (introduce the candidate) and the right to express opinions about the candidates. This is done through the form of constituency conferences in the localities before holding elections nationwide. In order to ensure democracy in election activities, Vietnamese law also stipulates that citizens have the right to complain about errors in making lists of candidates, complaints and denunciations about candidates in particular and election work in general. At the same time, the law also stipulates the actions allowed to be taken to ensure the voting rights of citizens such as: organizing mobile ballot boxes for elderly, sick voters who are unable to reach polling stations; sub-ballot boxes; support activities for disabled voters, illiterate voters during the voting process... It is these regulations that have contributed to the proportion of voters participating in elections in Vietnam in recent years always reached over 99 %: the turnout of voters participating in the 13th National Assembly of Vietnam (2011) was 99.51 %, the 14th session (2016) was 99.35 % and the 15th session (2021) was 96.60 %.

2. Provisions on the implementation of direct democracy through the right to dismiss delegates elected by the people: The removal of elected representatives is a very important issue in ensuring democracy. Delegates elected by the people represent their legitimate rights and interests, so in case they fail to fulfill their assigned tasks, the people have the right to dismiss them. Throughout history, the constitutions of Vietnam have always recorded this content. Vietnam's latest Constitution 2013 affirms that a member of the National Assembly and People's Council can be dismissed by voters or by the National Assembly or People's Council when they are no longer worthy of the people's trust. And this must be approved by at least 2/3 of the total voters.

3. Regulations on the right to give opinions on state activities: Vietnamese law recognizes that citizens have the right to participate in state and social management, to participate in discussions and recommendations with state agencies on local and national issues. The Law on Organization of the National Assembly 2014 of Vietnam stipulates: National Assembly deputies have the responsibility to regularly contact and stick with the people, collect and honestly reflect the opinions and aspirations of voters in each locality, at the same time have the responsibility to transfer such opinions to competent agencies and individuals for settlement. In the process, delegates must regularly monitor, urge and supervise the settlement of people's opinions, in case they consider the unreasonableness and dissatisfaction

² National Assembly of Vietnam (2013), *Constitution of Vietnam 2013*, Chapter II, Article 28, available at: [https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_Vietnam_\(2013\)](https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_Vietnam_(2013)) (accessed 05.07.2022)..

with the legitimate rights and interests of the people, the National Assembly deputies have the right to request the head of the agency, the organization directly resolves it. This has created a high consensus in Vietnamese society on issues managed by the state and also contributed to more effective implementation of state policies and laws into real life.

4. Provisions on the implementation of direct democracy through referendum activities: Referendums are an effective way for people to contribute their wisdom to social governance. This is also a way for people to access information and improve their sense of ownership. For the state, this is an important way to promote democracy, ensure democracy, and increase transparency and consensus in society. The Constitution of Vietnam states: “The people have the right to vote when the state holds a referendum”. Accordingly, the contents for the National Assembly to consider holding a referendum in Vietnam include:

- contents of the Constitution and amendments to the Constitution;
- issues under the national sovereignty and territory;
- security and foreign affairs issues affecting national interests;
- especially important socio-economic issues that have great influence on the development of the country;
- especially important problems arise in the process of social development.

To conduct a referendum, according to Vietnamese law, first of all, there must be an initiative to propose a referendum. This is approved by the National Assembly Standing Committee (the highest body of the National Assembly), the State President or at least 2/3 of the total number of National Assembly deputies. After the proposed initiative, the National Assembly will conduct a review and decide whether to hold a referendum or not.

Some limitations in the current regulations of the law on direct democracy in Vietnam and orientations to overcome

Legally, it can be seen that although the Constitution of Vietnam has affirmed the importance of direct democracy and recognized that direct democracy plays an important role in ensuring the people’s mastery, at present, Vietnam does not have a law specifically regulating, comprehensive on this issue. Therefore, in fact, direct democracy in Vietnam is mainly expressed through election activities and people’s opinions on the Constitution, laws and documents issued by the State, while other forms of direct democracy such as referendums, the dismissal of elected representatives has not yet been applied in practice.

Regarding the right to self-nominee and nominate deputies to the National Assembly and People’s Councils Vietnamese law provides that citizens have the right to self-nominate or nominate candidates, this activity is carried out at voter conferences in each locality before holding elections nationwide, however, because there are no specific regulations to guide, currently in Vietnam, conferences to get comments from voters only stop at voters giving opinions about candidates expected to be introduced by agencies, units and localities. Voters attend these conferences passively and do not introduce new candidates. In a few cases, people introduced more people, but most of them were candidates for the People’s Councils of communes and wards – the lowest level of government in Vietnam. At the same time, according to Vietnamese law, at a conference to collect voters’ opinions on a candidate, the voting can be done in the form of secret ballot or a show of hands. Because of this regulation, most localities choose the show of hands to reduce cumbersome procedures in the conference, but it loses its intrinsic democracy, because Vietnamese people often have an “afraid of conflict” mentality, so most of them will raise their hands in agreement whether they like it or not. This has made the organization of the consultation on the candidate a formality.

In addition, although there exists a regulation to publicize information about candidates is mandatory and allows candidates to interact with voters before the election, at present, the practice in Vietnam is that the disclosure of voter information is quite sketchy. The information that is made public only includes: full name, place of birth, workplace, education level, positions that have been held by candidates without focusing on information about their social activities, their contributions to the community... Voter contact, although regulated by law, is not mandatory, so very few candidates carry out this activity. This leads to a lack of information about the candidates and more emotional elections.

Regulations on the number of candidates participating in the current election in Vietnam are not really reasonable. The number of candidates introduced for election to the National Assembly and People’s Council is a bit small compared to the number of deputies to be selected. For example, in a constituency where the number of delegates to be elected is 3, the number of candidates is 5, and the unit with the number of delegates to be elected is 2, the number of candidates is only 3 [Nguyen Thi Dung, 2018]. This has made the weight of the voter vote very low.

Although the issue of referendum is regulated by the Constitution and Law, in fact, Vietnam has not conducted any referendum yet. From a legal point of view,

it can be seen that there are still many inadequacies to be studied such as: there is not yet a document specifying the process of holding a referendum, which raises a concern that in the case of the need to hold a referendum, the competent authority will not know how to organize accordingly: process and procedure, how to determine the validity of the results. On the other hand, the provisions on the legal value of the current referendum result are unclear. The law on referendums in Vietnam only provides in a general way: the Standing Committee of the National Assembly shall report to the National Assembly on the results of the referendum at the session. Based on the results of the referendum, the National Assembly shall decide on the necessary measures to ensure the implementation of the referendum result. This creates a loophole in the implementation of direct democracy, because in this case, the National Assembly has the right to view the referendum result as mandatory or only as a reference. As such, direct democracy in deciding important issues of the country is not guaranteed.

In addition, there is a lack of provisions on the control of power over agencies elected by the people. The State of Vietnam operates on the principle that state power is unified, assigned and coordinated among agencies in the state apparatus. Accordingly, all activities in the state apparatus are under the supervision of the National Assembly and the People's Council. It is clear that this creates favorable conditions for promoting democracy when all issues in the organization of operation of the state apparatus are under the inspection and supervision of the agencies elected by the people. However, currently, Vietnamese law does not have a mechanism to control power over these agencies. Therefore, in many cases representative democracy is much more decisive than direct democracy.

The limitations in the provisions of the law on direct democracy in Vietnam today stem from a variety of subjective and objective causes, including the following three basic causes.

Firstly, Vietnam is a country that has had to go through a long struggle for national liberation and reunification. Although the Socialist Republic of Vietnam was established in 1945, it was not until 1975 that Vietnam officially made peace, unifying the North and South and starting the process of national construction. Therefore, Vietnam has not had a long history of implementing democracy in general and direct democracy in particular, or in other words, the mechanism of modern democracy in Vietnam is still very young.

Secondly, the limitation from society's perception of direct democratic law. It can be said that democracy comes directly from people, from the specific

conditions of society, so the issue of perception has a great impact on the promulgation and enforcement of laws on direct democracy. In Vietnam, the level of social awareness of democracy in general and direct democracy in particular is not high. Most of the people are not ready to participate in the affairs of the state, they think that the management of society is not their responsibility and interests but it is the work of the state, therefore, they have a mentality of dependence and formal participation. When the state organizes to collect opinions on the draft Constitution as well as the laws, including some laws related to direct democracy, it hardly gets many opinions. On the part of civil servants, a large number of them are still not deeply aware of the role of direct democracy. They are also affected by the old management mechanism according to the centralized model, subsidized bureaucracy before the renovation period with a command-authority-oriented mindset. The Communist Party of Vietnam as the only Party in power and receiving the trust of the vast majority of the Vietnamese people, but within the Party there are still many party members who have the ideology of abuse of power, justification, authoritarianism [Mai Hai Oanh, 2020]; there are party members who hold leadership and management positions, including some senior cadres who suffer from deterioration in political thought, ethics, and lifestyle with different manifestations of fading ideals, falling into selfish individualism, opportunity, pragmatism [Communist Party of Vietnam, 2016]. This has created a barrier to the development of direct democracy and the development of direct democratic legislation in Vietnam today.

Thirdly, on the legal capacity of law-making entities. The legal capacity, qualifications and management of personnel and civil servants in the field of lawmaking are still limited. Intensive training and retraining in the formulation, policy analysis, drafting of legal documents was not carried out regularly, methodically, the regime of responsibility and sanctions for the elimination of violations in law-making also focused on general principles.

From the above limitations and reasons, the author proposes some orientations to improve the law on direct democracy in Vietnam today as follows:

Firstly, to perfect the law on direct democracy on the basis of strongly promoting the initiative, positivity and responsibility of the people in the realization of direct democratic rights. As stated above, currently, the awareness of the Vietnamese people about the implementation of direct democracy is not high, while it is the decisive factor for the effectiveness of modern democracy. Therefore, in order to perfect the law on direct democracy

as well as effectively implement this form of democracy, the state needs to pay more attention to raising people's awareness of their roles and responsibilities for the activities of the state and society. This can be done through the promotion of propaganda, dissemination, legal education in general and regulations on direct democracy in particular so that people are truly aware of their rights and obligations, more actively involved in the activities of the state.

Secondly, concretize the provisions on direct democracy in the constitution and the law. Currently, although the Party and State of Vietnam attach great importance to the form of direct democracy and clearly affirm this in the Constitution as well as some laws, in fact these provisions are still general, not clearly defined in the form and content, implementation subject. In order for direct democracy to be realized in practice, the State should soon issue a specific law on this issue, such as the Law on Direct Democracy or more specific laws such as: Law on social criticism, Law on supervision of the people, etc. When the interests of direct democracy are legislated, the people will be more confident in exercising their rights and obligations, from which they will create a favorable environment for the development of direct democracy.

Thirdly, perfecting the electoral law is an issue that needs more attention. Accordingly, the State needs to build a clear electoral campaigning mechanism, diversify the forms of election campaigning to create the right to be proactive for candidates. At the same time, it is necessary to add a provision on mandatory voter contact with candidates to ensure that voters are able to listen to the action programs put forward by the candidates as well as know information about them. This is aimed at overcoming the current lack of information about the candidate as well as ensuring that the choices in the election are wise and substantive. At the same time, it is necessary to conduct research to increase the number of candidates participating in the election in accordance with the number of delegates, overcoming the current low competitiveness rate in the election. At the same time, developing legal provisions has strong sanctions for violations in elections such as surrogate and household voting status.

Fourthly, form a specific legal basis for dismissal activities for National Assembly deputies and People's Council deputies. Theoretically as well as practically, the dismissal of elected representatives is as important political and legal as the electorate elects their delegates. This power comes from the principle that state power belongs to the people, the power of the people is the ultimate, the original power. Therefore, this activity needs to be carried out in a strong and substantive way. In order to do this, it is necessary to soon promulgate

specific regulations on the order and procedures for dismissing elected deputies in case the delegates fail to perform the tasks assigned by the people, which clearly stipulates:

- who has the right to propose the dismissal of delegates;
- under what circumstances are entitled to dismissal;
- where and in what form is the dismissal carried out;
- how is supervision to ensure openness and transparency in dismissal activities carried out.

Fifth, it is necessary to raise awareness and expand opportunities for the promulgation of laws on public servants. When civil servants realize the role and importance of promoting democracy in general and introducing direct democracy in particular, they will be more responsible in assessing and formulating laws. Opposing the idea of order and power, which exists among a small number of Vietnamese civil servants, is now a very urgent task, because for a democratic society, a democratic state, the state should be considered more as an instrument for serving the people. than an influential subject in society. Therefore, civil servants need to increase their legal capacity, the level of understanding and use of law. This can be achieved through training activities, strengthening legal knowledge in each professional field, especially knowledge about human rights and civil rights.

Conclusion

Despite the absence of a tradition of introducing direct democracy, Vietnam currently has favorable conditions for promoting the development of this form of democracy, especially the factor of socio-political stability, as well as a high level of people's agreement with the lines and policies of the party, the laws of the state. However, it should be recognized that Vietnam also faces many challenges in promoting direct democracy, such as: legal norms, intellectual level, culture of public service, legislative opportunities, in which the problem of improving legal norms is a complex and time-consuming problem. Therefore, in the near future, in order to ensure the construction of a truly democratic Vietnamese society, the party and the state need to openly recognize the limitations in the provisions of the law on democracy in general and direct democracy in particular, from there, there are additional directions that are adjusted accordingly. In particular, it is necessary to pay attention to the specification of the provisions of the Constitution and the Law in order to improve the legal framework on such direct democratic rights of the people as: the right to vote, the right to participate in a referendum, the right to legislative initiatives, the right to dismiss elected deputies in parallel with the promotion and awareness-raising of the population about this right in society.

References

- Bowler S., Donovan T. (2004), “Measuring the Effect of Direct Democracy on State Policy: Not All Initiatives Are Created Equal”, *State Politics & Policy Quarterly*, no. 4(3), pp. 345–363, <https://doi.org/10.1177/153244000400400305>
- Communist Party of Vietnam [Đảng Cộng sản Việt Nam] (2005), *The report summarizes a number of theoretical and practical issues through 20 years of renovation (1986-2006)* [Báo cáo tổng kết một số vấn đề lý luận – thực tiễn qua 20 năm đổi mới (1986-2006)], National Truth Political Publishing House [Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia sự thật], Ha Noi [Hà Nội], Vietnam (in Vietnamese).
- Communist Party of Vietnam [Đảng Cộng sản Việt Nam] (2016), *Report summarizing some theoretical and practical issues over 30 years of renovation (1986-2016)* [Báo cáo tổng kết một số vấn đề lý luận – thực tiễn qua 30 năm đổi mới (1986-2016)], National Truth Political Publishing House [Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia sự thật], Ha Noi [Hà Nội], Vietnam (in Vietnamese).
- Dvořák T., Zouhar J., Novák J. (2017), “The Effect of Direct Democracy on Turnout: Voter Mobilization or Participatory Momentum?”, *Political Research Quarterly*, vol. 70, no. 2, pp. 433–448, <https://doi.org/10.1177%2F1065912917698043>
- Krämling A., Geißel B., Rinne J.R., Paulus L. (2022), “Direct democracy and equality: a global perspective”, *International Political Science Review*. February 2022, pp. 1–16 <https://doi.org/10.1177%2F01925121211058660>
- Leemann L., Wasserfallen F. (2016), “The democratic effect of direct democracy”, *American Political Science Review*, vol. 110, no. 4, pp. 750–762, <http://dx.doi.org/10.1017/S0003055416000307>
- Mai Hai Oanh [Mai Hải Oanh] (2020), “Promoting socialist democracy in Vietnam today” [Phát huy dân chủ xã hội chủ nghĩa ở Việt Nam hiện nay], *Communist Journal* [Tập chí cộng sản], no. 8, pp. 8–12 (in Vietnamese).
- Nguyen Thi Dung [Nguyễn Thị Dung] (2018), “Direct Democracy – Conceptions and Methods of Implementation” [Dân chủ trực tiếp – quan niệm và phương thức thực hiện], *Journal of Industry and Trade* [Tập chí Công thương], no. 3, pp. 22–26 (in Vietnamese).
- Peters Y. (2016), “(Re-)Join the party! The effects of direct democracy on party membership in Europe”, *European Journal of Political Research*, vol. 55, no. 1, pp. 138–159, <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12120>
- Rudenko V.N (2003), *Direct Democracy: Models of Government, Constitutional and Legal Institutions*, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. House, Yekaterinburg, Russia (in Russian).
- Smith D.A., Tolbert C.J. (2007), “The instrumental and educative effects of ballot measures: Research on direct democracy in the American states”, *State Politics and Policy Quarterly*, vol. 7, no. 4, pp. 416–445, <https://doi.org/10.1177%2F153244000700700404>
- Talpin J. (2018), “Do referendums make better citizens? The effects of direct democracy on political interest, civic competence and participation”, In: Morel L., Qvortrup M. (eds) *The Routledge Handbook to Referendums and Direct Democracy*. Taylor & Francis, Oxon, New York, US.
- Tolbert C.J., Smith D.A. (2005), “The Educative Effects of Ballot Initiatives on Voter Turnout”, *American Politics Research*, vol. 33, no. 2, pp. 283–309, <http://dx.doi.org/10.1177/1532673X04271904>